

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УСПЕХИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В Ы П У С К I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

УСПЕХИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Абитеков (отв. секретарь), канд. ист. наук *К. А. Акишев*, канд. ист. наук *А. Аскар*ов, канд. ист. наук *Е. Атагарриев*, акад. АН УзССР *Я. Г. Гулямов*, докт. ист. наук *В. М. Массон* (отв. редактор), докт. ист. наук *Н. П. Негматов*, докт. ист. наук *Г. А. Федоров-Давыдов* (зам. отв. редактора).

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный Совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана предполагает осуществлять выпуск тематических сборников к проводимым им совещаниям. Основная задача таких сборников — освещение уровня состояния узловых проблем и оперативный обмен информацией. Настоящий сборник посвящен вопросам изучения раннеземледельческих культур и информации о работах в области первобытной археологии. За последнее десятилетие в изучении первобытных памятников среднеазиатской археологии достигнуты большие успехи. Многочисленные памятники периода палеолита позволяют достаточно обоснованно ставить вопросы выделения культурных вариантов и технических традиций этой отдаленной эпохи. Сотни неолитических стоянок и поселений открыты почти во всех областях Средней Азии и Казахстана. Они образуют надежную источниковедческую базу не только для историко-культурного районирования, но и для изучения хозяйства, общественных отношений и идеологических представлений древних племен. Особенно значительные успехи достигнуты в исследовании раннеземледельческих культур юго-запада Средней Азии, являвшихся составной частью обширной зоны производящей экономики, охватывающей южные области СССР. Широкий размах проведенных здесь раскопочных работ и полученный при этом массовый и разнообразный материал позволяют ставить вопросы, имеющие большое значение для изучения общих закономерностей в развитии обществ первых земледельцев и скотоводов.

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН

В. М. Массон

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Древние поселения и их характерные черты, изменяющиеся во времени и в пространстве, служат важнейшим источником для изучения истории общества. При этом в поселениях могут проявляться в разных соотношениях черты, связанные с экологией, экономикой, социальной организацией и этносом. Нередко специфические признаки, сложившиеся под влиянием экологии или экономики, закрепляются традицией и превращаются в признаки этнические. Для изучения поступательного характера исторического процесса особенно важно рассмотрение черт, связанных с изменениями в экономике и социальной организации. Нередко можно наблюдать, как элементы структуры поселений, связанные с социально-экономической средой, проявляются социологически однозначно, несмотря на формы локальной специфики, обусловленной экологией. Основной составной планировочной и социальной единицей поселения является жилище, но история поселений не однозначна историей жилищ. Специфику поселений определяют характер организации жилищ как частей единого организма и особые специфические черты, присущие этому организму как таковому (святилища, места общих собраний, общие хранилища, производственные центры). В этом отношении поселения более полно, чем жилища, отражают историю оставшихся их обществ.

Древнейшими видами поселений являются места обитания коллективов, связанных с экономикой присваивающего типа. Для Средней Азии наиболее ранние из них — это пещеры и скальные навесы с культурными наслоениями мустьерской эпохи. Здесь наибольший интерес представляют большие, удобные убежища, служившие местом обитания в течение длительного времени. Пещеры этого типа Ф. Хоул и К. Фланнери достаточно убедительно называют базовыми лагерями (Holl, Flannery, 1967). Здесь, как правило, отмечены следы очагов, набор орудий весьма разнообразен, костные остатки многочисленны. В Средней Азии к числу таких пещерных поселений принадлежит Тешик-Таш, где грот имеет ширину 20 м и глубину 21 м. Пять культурных слоев разделены стерильными прослойками, и в одном из них обнаружено захоронение мальчика.

В долине р. Чаткал к северо-востоку от Ташкента расположены два других близких по характеру грота — Ходжикент 2 и Обирахмат. Последний имеет ширину 21 м и глубину 8,5 м, а его 10-метровые отложения подразделяются на 21 слой. Малоудобные и просто небольшие пещеры использовались в Средней Азии в мустьерское время как временные убежища. Здесь, правда, встречаются иногда отдельные очаги, но набор орудий и отходов их производства минимален. Таковы грот Ходжикент 1 и узкая, но длинная карстовая пещера Аман-Кутан у Са-

марканда со входом шириной 1.5 м и высотой 0.9 м. Большое количество костей животных свидетельствует, что последняя могла использоваться как «стоянка разделки мяса» (по Хоулу и Фланнери). Судя по всему, в мустьерское время в Средней Азии существовали и открытые стоянки, располагавшиеся обычно по берегам рек и представленные в настоящее время лишь скоплениями переотложенных кремневых изделий (Кайрак-Кумы по среднему течению Сырдарьи, Кара-Бура на р. Вахш). Таким образом, в этих древнейших поселениях отчетливо выступают экологическая и экономическая доминанты. Человек принимает еще лишь незначительное участие в организации своих мест обитания, он пользуется естественными укрытиями. Вместе с тем, выбор таких естественных убежищ помимо факторов благоустройства диктуется также социологическим моментом — необходимостью вместить всех членов охотничьей группы. Возможно, гроты и пещеры в районе Ташкента соответствуют сезонным передвижениям одной такой группы (расстояние между Обирахматом и ходжикентскими гротами около 25 км). Стерильные прослойки между культурными слоями в Тешик-Таше также могут указывать на какие-то сезонные циклы в экономике бродячих охотников. Вместе с тем пещерные поселения, видимо, являвшиеся центром охотничьих угодий отдельных групп, несут черты относительной оседлости. Этнические особенности в данном случае, естественно, не проявляются. Очевидно, они были в какой-то мере свойственны открытым стоянкам, но на имеющихся археологических материалах это не может быть прослежено.

Традиция пещерных поселений сохраняется по крайней мере до времени мезолита и раннего неолита, как это видно на примере охотников и рыболовов Прикаспия (Джебел, Дам-Дам-Чешме). Из открытых стоянок интересна Самаркандская стоянка времени верхнего палеолита, представляющая собой лагерь степных охотников (Лев, 1964). Здесь отмечены очаги, вокруг которых группируются находки, но вопрос о наличии и характере жилищ остается неясным. Места, удобные для таких сезонных стоянок, посещались неоднократно, чем объясняется и большая величина территории, на которой распространены находки. Иногда это даже несколько гектаров, как например в мезолитическом местонахождении Ош-Хона на Восточном Памире, где располагались временные летние стоянки горных охотников (Ранов, 1964). Видимо, шел какой-то процесс совершенствования условий обитания на этих открытых поселениях. Во всяком случае на поселении Туткаул, расположенном в горном районе на берегу Вахша, в слоях X—V тыс. до н. э. появляются землянки, а вымостки из плоских галек свидетельствуют о существовании каких-то строений с твердым полом (Ранов, Коробкова, 1971).

Своеобразные жилища мы наблюдаем в неолитической кельтеминарской культуре, оставленной охотниками и рыболовами, обитавшими в северных областях Средней Азии в V—III тыс. до н. э. Это были овальные в плане каркасные столбовые строения с кровлей из дерева и камыша; низ стен их был обнесен земляным валиком. По другой реконструкции это были крупные полуземлянки. Площадь их велика — от 320 (Толстов, 1948, стр. 59—62) до 360—380 м² (Виноградов, 1968, стр. 31—35). В центре землянки располагался крупный постоянный очаг, по периферии — многочисленные временные, часто перемещавшиеся кострища и хозяйственные ямы. По расчетам С. П. Толстова в таком доме обитала община, состоящая из 100—125 человек, что, возможно, является некоторым преувеличением. Практически поселение состояло из одного такого огромного жилища. Иногда, правда, кельтеминарские материалы в переотложенном состоянии встречаются на площади до 1—3 га, что, вероятно, как и в Ош-Хоне, отражает регулярное посе-

щение удобных участков. Сам характер кельтеминарских жилищ тесно связан с природными условиями древней дельты Амударьи, с тугайными зарослями, в изобилии доставлявшими дерево и камыш. Труднее судить о долговременности их обитания. Расположение обогревательных очагов в Кават 7 у входа, видимо, указывает, что жилища были рассчитаны и на холодное время года. Интенсивное рыболовство могло способствовать развитию относительной оседлости. Четко выражен здесь социальный элемент—объединение в одном доме с постоянным центральным очагом всей общины, размеры которой и определяли величину дома. Социологически кельтеминарский дом адекватен крупной пещере, вынесенной на открытое пространство. Не исключено, что этот тип жилищ, сложившийся под воздействием экологических, экономических и социальных факторов, является в конечном счете также и этнической особенностью кельтеминарских племен.

Переход к земледелию и скотоводству был коренным экономическим рубежом в истории общества, справедливо рассматриваемым рядом исследователей как неолитическая революция. Прошедшие перемены особенно ярко сказались на облике поселений. В аридных условиях, где земледелие зависело от тех или иных форм искусственного орошения, фактор оседлости приобретал особую устойчивость. В этих условиях было сделано важное открытие в области строительного дела — возведение домов из глиняных блоков, вскоре сменяющихся сырцовыми кирпичами стандартных размеров. Это открытие определило качественно новый облик оседлоземледельческих поселений аридной зоны. Но это были лишь внешние перемены. Главное значение имеет то обстоятельство, что теперь из числа факторов, влияющих на характер поселений, на первый план все отчетливее выступает социально-экономическая доминанта.

В Южном Туркменистане относительно полно изучена линия эволюции оседлоземледельческих поселений (Массон, 1964), где древнейшими являются памятники неолитической джейтунской культуры. Само поселение Джейтун (Массон, 1971) состояло из 30 небольших домов стандартной планировки, рассчитанных, судя по величине (от 16 до 30 м²), на одну малую семью. Распределение находок орудий труда по территории поселения свидетельствует, что каждая парная семья занималась и обработкой шкур, и изготовлением кремневых орудий, и обработкой дерева. Расположение домов носит стихийно-хаотический характер, центральная площадь или центральный дом — святилище не выделяются. Ориентировочно можно полагать, что население Джейтуна составляло 150—180 человек. На среднем этапе джейтунской культуры, как показали раскопки Песседжик-Дене, центром поселения становится святилище, идентичное по плану жилым домам, но вдвое превосходящее их по площади (64 м²). Вместе с тем общее несколько хаотическое расположение жилых домов сохраняется (Бердыев, 1970). Это характерно и для позднего этапа джейтунской культуры, как свидетельствуют раскопки Чагылы-Дене, состоявшего из 13—14 однокомнатных домов. Наиболее крупный из них был расположен в центре поселка и, возможно, совмещал также функции святилища и места общих собраний. Влияние социального фактора на характер джейтуновских поселений весьма показательно.

Значение малой семьи как основной составной ячейки общества предопределило появление небольших однокомнатных домов. Вместе с тем необходимость объединения этих семей в общину для проведения устойчивого аграрного цикла сказалась на размерах поселков. Символом такого объединения для осуществления основной хозяйственной функции является святилище — дом общих собраний. Наличие на Джей-

туне, судя по ориентации очагов, двух типов домов первоначально вызвало предположение о разделении джейтунского поселка на две части или фратрии. Однако завершение раскопок установило децентрализованный характер расположения таких домов. В то же время как будто можно говорить об объединении 2—3 домов в группы с общим хозяйственным двором, что, возможно, свидетельствует о зарождении большесемейной общины. Если сравнить планировку джейтунских поселений с таким хронологически и стадияльно близким памятником, как Чатал-Гуюк, то обособленное, а не сомкнутое расположение домов парных семей можно рассматривать как этническую черту джейтунской культуры.

Известным своеобразием отличается планировка поселений времени Анау IА, комплекса, который отмечен сильными иранскими влияниями, а возможно, даже переселением племен из района Сналка. В Иране планировка поселений этого времени не изучена. В Южной Туркмении поселки Анау IА (Бердыев, 1968) небольшие по величине и четко делятся улицей на две части (Монджуклы-Депе, Чакмаклы-Депе). Каждая из этих частей содержит несколько комплексов, состоящих из жилых и хозяйственных строений, но не обособленных, как на Джейтуне, а объединенных в единые массивы. По-видимому, такая планировка поселков отражает деление их обитателей на две фратрии, тем более что в каждой из частей имеется по одному помещению идентичной планировки со стенами, окрашенными в красный цвет, что позволяет считать их святилищами. Подобная планировка поселений, не находящая себе аналогий, на более поздних памятниках, возможно, отражает черты этнического и социального своеобразия.

Памятники времени Намазга I по типам поселений скорее наследуют джейтунский опыт, минуя традиции Чакмаклы-Депе. Во всяком случае небольшой поселок Даштыджи-Депе состоит из маленьких однокомнатных домов хаотической застройки с крупным центральным домом—предположительным местом общих собраний. Вместе с тем в этот период появляются и крупные поселения—Кара-Депе площадью 15 га и Намазга-Депе, где обжитая территория была не меньшей. К сожалению, планировочная структура этих крупных центров остается неясной, но само их появление свидетельствует об успехах как экономики, так и социальной организации, позволяющих сосредоточить в одном месте довольно значительные массы людей.

В IV тыс. до н. э. на памятниках времени Намазга II наблюдается тенденция к объединению отдельных строений в многокомнатные массивы. Такие поселения, как Муллали-Депе и Ялангач-Депе, в планировочном отношении представляют собой замкнутые организмы с крупным общим домом-святилищем в центре и обводной стеной толщиной 0,5 м. Примечательно появление обводных стен в этих поселках. Развитие первобытной фортификации было обусловлено двумя основными факторами: социальным развитием, достигшим уровня имущественного неравенства, и этнической несплотой того или иного региона, увеличивающей возможности межплеменных столкновений. Последний фактор, как кажется, сыграл значительную роль в сложении ранней фортификации Иерихона и Хаджилара. Интересно, что и в Южном Туркменистане укрепленные поселки мы находим в Геоксюрском оазисе, образовавшемся пограничный форпост земледельческих племен, соседящих с культурами охотников и рыболовов (Хлопин, 1969).

Важные изменения происходят на южнотуркменистанских памятниках в конце IV—начале III тыс. до н. э. Их планировка известна по раскопкам Кара-Депе (Массон, 1960), Геоксюра и Чонг-Депе (Сарианиди, 1965). Теперь эти поселки состоят из многокомнатных домов-мас-

сводов, разделенных узкими улочками. Есть основания считать, что обитателями такого дома были 4—8 малых семей, объединенных в большесемейную общину. Недаром в это время в Южном Туркменистане появляются и коллективные гробницы с числом погребенных от 8 до 23 человек, видимо принадлежавшие именно таким общинам. Кара-депинские дома представляют собой социологический аналог прокезского дома, хотя внешний вид строений, обусловленный природной средой, резко отличен. Таким образом, здесь ясно видно, как социологический фактор — возрастание роли большесемейной общины — решающим образом сказался на всем облике поселений, причем в одинаковой мере в двух этнокультурных областях Южного Туркменистана — западной и восточной. Вторичным признаком, связанным, надо полагать, уже с чертами этнического своеобразия, является распространение на Геоксюре и Чонг-Дене круглых очагов-жертвенников, отсутствующих на западе. Интересно наличие на Геоксюре в одном из домов гончарной печи, что, возможно, указывает на начало межобщинной специализации. Судя по составу инвентаря в погребальных камерах Геоксюра, у некоторых общин было развито производство корзин. Менее ясны признаки поселка как единого комплекса. К их числу может быть отнесена обширная центральная площадь Кара-Дене, на которую выходили узкие улочки, разделявшие дома.

В дальнейшем в Южном Туркменистане при константности экологического и этнического факторов наблюдается все увеличивающееся влияние на тип поселений социальных и экономических явлений. Для эпохи бронзы здесь с полным основанием можно говорить о процессе городской революции.

В Южном Туркменистане этот процесс, частично еще в незавершенных формах, наблюдается в конце III — начале II тыс. до н. э. Раскопки Алтын-Дене лучше всего отражают воздействие городской революции на характер поселений (Массон, 1967, 1970). Само поселение, так же как и энеолитические поселки, состояло из многокомнатных массивов, разделенных узкими, кривыми улочками. Однако анализ взаимосвязанности помещений проходами показывает, что эти массивы распадаются на отдельные «квартиры», состоящие из двух небольших жилых комнат и двух-трех хозяйственных еще меньшей величины. Иногда «квартира» имеет и свой дворик. Возможно, перед нами жилища индивидуальных семей, становящихся главной ячейкой общества, хотя и объединенных в дома-массивы, что является внешней пережиточной чертой большесемейных общин. Вместе с тем показательно сохранение и коллективных гробниц, куда помещались взрослые мужчины и женщины (раскопаны две гробницы, в каждой по 14 человек). Существенно возрастают размеры поселения — площадь Алтын-Дене 46 га. Местами отмечены остатки обводной стены с примитивными башнями.

Но за этими количественными изменениями скрываются качественные перемены. Так, выделение ремесел закреплено их территориальным обособлением. Во всяком случае керамисты с двухъярусными горнами занимают в основном особый квартал площадью около 2 га. Появляются жилые дома совершенно особого типа — отдельно расположенные, строгого геометрического плана, как например раскопанный в 1969 г. «дом вождя» площадью около 100 м². До продолжения раскопок трудно судить, сопровождалась ли эта социальная дифференциация в архитектуре и территориальном выделении «квартала знати». Особое значение приобретают элементы, характерные для поселения как единого целого. Помимо площадей и ремесленного центра это комплекс монументальных строений, где центральное место занимает четырехступенчатое башнеобразное сооружение 12-метровой высоты. Весь комплекс

имел в длину по фронту 55 м. Перед нами культовое и престижное строение — яркий символ новой эпохи. Эти перечисленные явления показывают, что специфические черты складывающегося городского организма имеют четкую функциональную обусловленность, определяемую как экономическими, так и социальными факторами, иногда, правда, выступающими в религиозном облачении.

И, наконец, последний пример. В северных областях Средней Азии переход к производящей экономике осуществляется не только позднее, чем в Южном Туркменистане, но и в условиях иной экологии и в иной этнической среде. Так, в Хорезме во второй половине II тыс. до н. э. была распространена земледельческо-скотоводческая культура тазабат-баб, представлявшая собой по существу один из локальных вариантов андрона и скорее всего в значительной мере северо-западного происхождения. Несмотря на наличие в эту пору ирригационного земледелия (Итина, 1968), здесь нет сырцовой архитектуры, поселения состоят из полуземлянок с центральным очагом, отличающихся от кельтеминарских жилищ лишь правильными прямоугольными очертаниями и меньшими размерами (8×10 м, 10×12 м, 12×15 м). Видимо, это связано, с одной стороны, с характером экономики и природной среды, когда в условиях изменчивого водного режима акчадарынской дельты поселения часто переносились с места на место. Большое значение имела и принадлежность к андроновской общности, где поселения из полуземлянок, возникнув под воздействием экологического фактора, приобрели в дальнейшем значение этнического элемента. В первых веках I тыс. до н. э. этот тип поселения сохраняется, полуземлянки площадью в 75—100 м² вытянуты обычно в линию вдоль берега протока или канала. Крупные размеры полуземлянок позволяют видеть в них жилища большесемейных общин (Итина, 1963). Лишь создание устойчивых ирригационных систем в античном Хорезме позволило порвать с этой традицией и перейти к сырцовой архитектуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердыев О. 1968. Чакмаклы-Дене — новый памятник времени Анау IА. В сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М.
- Бердыев О. 1970. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. В сб.: Каракумские древности, в. III, Ашхабад.
- Виноградов А. В. 1968. Неолитические памятники Хорезма. М.
- Итина М. А. 1963. Поселение Якке-Персен 2. МХЭ, в. 6.
- Итина М. А. 1968. Древнехорезмийские земледельцы. В сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М.
- Лев Д. Н. 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Труды СамГУ, в. 135, Самарканд.
- Массон В. М. 1960. Кара-Дене у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л.
- Массон В. М. 1966. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. КСИИ, в. 108.
- Массон В. М. 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3.
- Массон В. М. 1970. Раскопки на Алтын-Дене в 1969 г. Ашхабад.
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун. МИА, № 180.
- Ранов В. А. 1964. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире. МИА, № 124.
- Ранов В. А., Г. Ф. Коробкова. 1971. Туткаул — многослойное поселение гнесарской культуры в Южном Таджикистане. СА, № 2.
- Сарианиди В. И. 1962. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, № 1.
- Сарианиди В. И. 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ 8, ч. IV.
- Толстов С. П. 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Хлопов И. Н. 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ-8, ч. III.
- Holl F., K. V. Flannery. 1967. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report, Proc. of Prehistoric Society: v. XXXIII.

ИСТОРИЯ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ (раннеземледельческая эпоха)

Археологическое изучение памятников Южной Туркмении от эпохи неолита до раннего железа включительно, параллельно с которым проводились специальные разносторонние палеогеографические исследования, позволило более полно, чем в других центрах оседлоземледельческой культуры нашей страны, восстановить для этой территории историю становления и развития земледелия как важнейшей производящей отрасли хозяйства. При учете расположения исследуемой территории в зоне сухого субтропического климата история земледелия приобретает здесь особый интерес, так как уже с самых ранних этапов заселения, т. е. с VI тыс. до н. э., речь идет об орошаемом земледелии. Относительная стабильность климата субтропиков на протяжении последних 8—10 тыс. лет и сходство в целом природных условий эпох неолита, энеолита, бронзы и раннего железа с современными ландшафтами, подтверждаемое серией палеогеографических данных, позволяют считать, что южнотуркменистанские племена развивали свое хозяйство по канонам в общем типичным для аридных областей Средней Азии и Ближнего Востока.

Специфика природных условий Южной Туркмении уже в эпоху неолита определила основную направленность хозяйства, выдвинув земледелие на ведущую роль и отодвинув на второй план скотоводство. В настоящее время, опираясь на комплекс археологических и палеогеографических материалов применительно к истории земледелия этого района, можно выделить три последовательных этапа в развитии способов орошения, отражающих непрерывную динамику земледельческого процесса на базе роста и изменений производительных сил и производственных отношений: древнейший переходный период, характеризующийся сочетанием неполивных и поливных форм земледелия; период создания и интенсивного использования небольших простейших оросительных систем; период создания сложных оросительных систем, дававших возможность для орошения значительных по площади оазисов (Лисицына, 1970).

Ниже мы рассмотрим эти три последовательных этапа, учитывая не только изменения в способах орошения, но и весь комплекс данных, характеризующих земледелие.

I. Древнейший этап относится к эпохам неолита и раннего энеолита (джейтунская культура, время Намазга I, VI—середина IV тыс. до н. э.). Оседлоземледельческие памятники неолита сосредоточены исключительно на северной подгорной равнине Копетдага и нигде в других районах, особенно в значительном удалении от гор, пока не найдены. Они связаны в прошлом с конусами выносов небольших горных ручьев и рек, высохшие русла которых можно проследить с помощью аэровизуальных методов. Ныне эти памятники, как правило, находятся в пустынных безводных областях, что является главным образом результатом изменения рисунка гидрографической сети за прошедшие восемь тысяч лет.

Переход к оседлому земледелию в Южном Туркменистане произошел в совершенно конкретных условиях, в зоне так называемой необеспеченной богары. Здесь посевы «под дождь» дают очень низкие урожаи, но наряду с ними именно в этих районах на паводковых разливах горных ручьев и рек могло развиваться орошаемое земледелие. В отличие от богарных посевов оно даже при минимальной затрате труда

давало высокие урожаи, которые реально обеспечивали население богатой пищей. Именно такое сочетание богарных и орошаемых посевов, твердо гарантирующее пищевой прожиточный минимум, стимулировало наиболее ранний переход к прочной оседлости в этой зоне. Можно предполагать, что в предгорьях, где количество осадков выше, осуществлялись богарные посевы, а более низкие, равнинные участки использовались под орошаемое земледелие.

Первоначально применялся лишь одноразовый полив посевов в периоды наводков с помощью устройства простейших перегораживающих и отводящих сооружений, а также обваловывания предназначенных под посевы земель. К сожалению, эти древнейшие оросительные сооружения не могут быть обнаружены в силу интенсивности накопления аллювиально-делювиальных отложений в подгорной зоне. Однако могут быть прослежены другие свидетельства древнего земледелия, к которым прежде всего относятся остатки обугленных зерен, а также отпечатки зерен и стеблей злаков в глинных промазках полов и в сырцовых протокирпичах, из которых сложены стены джейтунских домов. Среди них определены мягкая и карликовая пшеница, ячмень двухрядных форм. Наличие такого гибридного вида, как мягкая пшеница, свидетельствует о длительной предыстории процесса культивации.

В почвенных разрезах, заложенных близ джейтунских поселков под традиционными генетическими горизонтами почв пустынного ряда, обнаруживаются различные по мощности толщи суглинков, сохраняющих очевидные признаки использования их в древнем земледелии. Это так называемый древний агропериодический горизонт, отличительными особенностями которого являются более темный цвет, обусловленный повышенной гумусностью, значительная уплотненность, комковато-зернистая структура, наличие следов биогенной деятельности и слабая засоленность.

На поселениях джейтунской культуры обнаружены бесспорные орудия земледелия: жатвенные вкладышевые серпы или ножи, рукоятки которых делались из кости и, возможно, из дерева (рис. 1), и многочисленные кремневые вкладыши к ним; разнообразные предметы быта, предназначенные для переработки продуктов земледелия, — зернотерки, ступки, песты, куранты. Орудий для обработки земли найдено не было, несмотря на значительный объем раскопочных работ. Скорее всего причина их отсутствия кроется в особенностях почв, а именно в легкости их механического состава. Обработка таких почв могла производиться деревянными мотыгами (Букиннич, 1924), и в частности мотыгами из тамарикса, наличие зарослей которого, а также других древесных пород по долинам и дельтам ручьев и речек подтверждается серией палеоботанических определений углей, проведенных для памятников Южного Туркменистана (Лисицына, 1968).

Ориентировочные расчеты количества населения подгорной зоны в эпоху неолита, примерных площадей, занятых под земледелие, а также урожайности богарных и орошаемых посевов позволяют вывести среднюю приблизительную цифру количества зерна, приходившегося на душу населения, — 270 г. В принципе это количество при наличии продуктов скотоводства и охоты может удовлетворять самые насущные требования человеческого организма, но его еще явно недостаточно для получения излишков. Только расширение орошаемых посевов и интенсивное развитие именно орошаемого земледелия могло обеспечить постоянное и неуклонное повышение прибавочного продукта.

В последующую эпоху раннего неолита несколько расширяется географический ареал оседлоземледельческих поселений, известны факты переселения части племен из подгорной зоны на аллювиально-

дельтовую равнину р. Теджен. Этот момент исключительно важен, так как свидетельствует об окончательном утверждении орошаемого земледелия как ведущей формы хозяйства. Если в подгорной зоне богарные посевы служили дополнительным источником получения зерна, то в дельте Теджена выращивание посевов могло производиться только с помощью искусственного полива. Расположение памятников в «хвостовых» частях протоков субэвальной дельты реки позволяет предполагать, что на ранних этапах переселения люди продолжали по старой традиции пользоваться для орошения в основном паводковыми водами.

Оросительные сооружения этого времени пока неизвестны, не отмечено и никаких существенных изменений в ассортименте возделываемых культур. Несмотря на появление металла, орудия труда по-прежнему представлены кремневыми вкладышами жатвенных ножей или серпов, каменными зернотерками, ступками, пестами. На памятнике Чакмаклы-Депе найдены две каменные мотыги, близкие по типу мотыгам Хассуны (Бердыев, 1968). Однако эта находка еще не дает оснований считать, что каменные мотыги широко употреблялись в хозяйстве; по-видимому, основные земледельческие орудия продолжали изготавливаться из дерева. На памятниках этого времени также обнаружены кольца-грузила от палок-копалок, которые наряду с деревянными мотыгами могли использоваться для обработки легких, лёссовидных и аллювиальных почв.

II. Второй этап в истории земледелия, соответствующий периодам развитого и позднего энеолита и ранней бронзы (время Намазга II—IV, середина IV—начало II тыс. до н. э.), характеризуется появлением простейших по своей конструкции оросительных систем, которые создавались силами отдельных поселков и с помощью которых осуществлялся уже многократный полив засеваемых участков. К сожалению, по уже упоминавшимся выше причинам (быстрое накопление осадков в подгорной зоне) оросительные сооружения этого периода здесь также неизвестны. По-прежнему остается правомочным предположение о сочетании в этих районах неполивных и поливных форм земледелия, с преобладающей ролью орошаемого земледелия.

Об общих принципах устройства простейших оросительных систем можно судить на примере исследований энеолитических поселений, проведенных в Геоксюрском оазисе, расположенном в восточной части древней субэвальной дельты р. Теджен. С помощью целевой аэрофотосъемки, охватившей территорию площадью в 400 км², удалось восстановить рисунок древней гидрографической сети и проследить остатки ирригационных сооружений, относимых к периодам развитого и позднего энеолита, у поселения Геоксюр I. Для времени Намазга II обнаружены лишь небольшие обрывки ныне полностью заиленных и погребенных под позднейшими напластованиями арыков, к сожалению не дающих представления об оросительной системе в целом. Наиболее полно восстановлена ирригационная сеть для времени Намазга III, которая состоит из трех параллельных друг другу каналов, выведенных из крупного дельтового протока. От этих каналов отходит сеть мелких арыков, подававших воду непосредственно на поля, вытянутые узкой полосой вдоль оросительной системы. Для памятников, расположенных непосредственно на крупных дельтовых протоках, основной полив осуществлялся во время паводков системой напуска с помощью обваловывания русел (Хапуз-Депе). В это же время достоверно известно и появление в Южной Туркмении первых водоемов (Муллали-Депе).

Следы древнего земледелия в почвенных профилях прослеживаются как в подгорной зоне, так и на аллювиально-дельтовых равнинах. При этом на подгорной равнине непрерывная многовековая культура земле-

делия привела к образованию древнего агроирригационного горизонта значительной мощности — до 4 м и более. К сожалению, хронологическое расчленение погребенных почвенных толщ оказалось пока невозможным. Для всей этой свиты характерны уже упоминавшиеся выше признаки — повышенная гумусность, уплотненность и т. д. Сильно варьирует лишь степень засоленности, которая могла зависеть от самых разных причин, в частности от особенностей рельефа и режима древних поливов. Древние агроирригационные горизонты Геоксюрского оазиса в противоположность подгорной зоне отличаются маломощностью, объясняемой относительной кратковременностью использования этих земель под орошаемое земледелие, и очень высокой степенью засоленности (Минашина, 1969).

Существенных изменений в ассортименте возделываемых зерновых культур и в орудиях, связанных с земледельческим процессом, не отмечено. Несмотря на широкое появление металла, целых земледельческих орудий из него пока не найдено. Отдельные фрагменты позволяют предполагать, что в хозяйстве могли употребляться прямые и изогнутые серпы. Интересен факт появления в слоях позднего энеолита и ранней бронзы керамических колесиков от моделей повозок, что косвенно свидетельствует о применении в хозяйстве тягловой силы (Массон, 1960, стр. 399; Сараниди, 1965, стр. 39). Целая глиняная повозка пока найдена в единственном экземпляре. Однако каких-либо прямых указаний на применение силы животных именно в процессе обработки земли нет и все рассуждения о переходе в это время к сошному земледелию являются сугубо предположительными.

Увеличение площади орошаемых земель и усовершенствование оросительных систем неизбежно должно было привести к увеличению урожайности посевов и общему повышению получаемых от земледелия продуктов. В ряде мест, особенно в условиях хорошо налаженного ирригационного хозяйства, стало возможным получение двух урожаев в год. В целом при условии относительной неизменности площадей богарного земледелия и роста орошаемых земель количество зерна, приходящееся на душу населения в этот период, в среднем могло повыситься до 370 г.

III. Третий период в истории орошаемого земледелия, когда начинают создаваться сложные ирригационные системы, соответствует эпохам развитой и поздней бронзы и раннего железа (время Намазга V и VI, культура арханчского Дахистана = II — начало I тыс. до н. э.). Он характеризуется существенными изменениями в материальной культуре и экономике оседлых земледельцев Южного Туркменистана. В это время значительно расширяется географический ареал оседлоземледельческих поселений, происходит освоение субэвральской дельты Мургаба и низовьев р. Атрек. Создание мощных оросительных систем на аллювиально-дельтовых равнинах Мургаба и Атрека связано уже с забором воды из основных русел рек, осуществлявшемся с помощью достаточно мощных водоподъемных сооружений. Эти системы состоят из крупных магистральных каналов, которые питают разветвленную сеть оросителей 2-го порядка, а непосредственный полив полей осуществляется арыками. Характерно устройство специальных регулирующих «головных» сооружений в местах отвода боковых оросителей от главных каналов. Работы по эксплуатации столь сложных систем требовали большого количества рабочей силы, что приводило к организации оазисного хозяйства.

Многолетние исследования в низовьях р. Атрек, на территории древнедельтовой равнины, ныне именуемой Менед-Мисрианской, показали, что древние земледельцы при создании оросительных систем использо-

вали особенности дельтового рельефа, проводя магистральные каналы по гребням прирусловых валов. Такое расположение основных оросителей на командных высотах обеспечивало организацию самотечного орошения, что позволяло вводить в эксплуатацию значительные площади земель. Излишки ирригационных вод сбрасывались на пониженные участки, где образовывались солончаки. Исследование древних агроирригационных горизонтов позволяет считать, что система поливов осуществлялась с максимальной аккуратностью, так как следы вторичного засоления на территории распространения памятников культуры архайского Дахистана практически отсутствуют. Дефицит воды, поднимаемой из Атрека, предусматривал одновременное использование для целей орошения и бытовых нужд вод местного стока с гор Западного Копетдага.

В подгорной зоне выделение ремесла в самостоятельную отрасль производства и усовершенствование оросительных систем, способствующих интенсификации орошаемого земледелия, привели к сложению крупных поселений протгородского типа (Массон, 1967). При учете того обстоятельства, что сток с гор до известной степени лимитировал расширение орошаемых земель, изыскивались дополнительные источники воды; таковыми были кяризы, первое появление которых в подгорной зоне может быть отнесено к I тыс. до н. э. (Улуг-Депе). Ассортимент возделываемых культур становится более обширным: высеваются мягкая и карликовая пшеница, пленчатый и голозерный ячмень двухрядных и многорядных форм, рожь и пур. Развивается виноградарство. Среди орудий труда в значительных количествах появляются металлические, в частности серпы. Многочисленные модели повозок с вмазанными в переднюю часть головами верблюдов и быков уже более определенно свидетельствуют об использовании в земледельческом хозяйстве тягловой силы.

Примерный расчет урожайности посевов в этот период дает цифру количества зерна, приходящегося на душу населения, — 450—650 г. Интересно, что В. Фейрсервис пришел к близкой цифре — 447 г. для жителей хараппской культуры долины Инда. Очевидно, что уже при такой норме идет интенсивное накопление прибавочного продукта, приводящее к значительным изменениям в структуре общества. На протяжении всех трех охарактеризованных выше периодов наряду с развитием земледелия важнейшей составной частью палеоэкономики являлось скотоводство. Особенности природных условий Южного Туркменистана, а именно состав и качество пастбищ, определили и его специфику, дав толчок к разведению преимущественно мелкого рогатого скота.

Таким образом, в Южной Туркменинии в период с VI до первой половины I тыс. до н. э. наблюдается непрерывный рост населения, увеличение его плотности, расширение ареала древних оседлоземледельческих племен и соответственно площади орошаемых земель. История земледелия подгорной зоны Копетдага и аллювиально-дельтовых равнин рек Мургаба, Атрека и Теджена несколько различна в силу специфики климатических условий и других природных факторов. В подгорных районах оказывалось возможным выращивание низкоурожайных богарных посевов, площади которых в силу строгой приуроченности их к определенной зоне, по-видимому, существенно не менялись на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени. Увеличение плотности населения и рост количества поселений шли за счет интенсивного развития ремесленного производства и орошаемого земледелия, которое в свою очередь лимитировалось объемом стока с гор. В отличие от подгорной зоны на аллювиально-дельтовых равнинах могло развиваться только орошаемое земледелие, причем совершенствование ирригационной тех-

ники неизбежно должно было привести к практике двукратных посевов в год, что способствовало быстрому накоплению избыточного продукта.

В обоих районах земледелие было преимущественно оазисным. В двух первых периодах создание оазисов происходило преимущественно по географическому принципу, т. е. было вызвано необходимостью концентрации населения в наиболее благоприятных для земледелия районах, тогда как в третий период объединение в оазисы носило социально-экономический характер и было обусловлено общим высоким уровнем материальной базы земледелия.

Самые приблизительные демографические расчеты, сделанные нами для отдельных районов, показывают, что плотность населения в оазисах была очень высока и неуклонно возрастала с ростом техники орошения: так, если в первом периоде она составляла 10 человек на км², то во второй — 25 человек на км², а в третий — 80—90 человек на км². Вместе с тем рост плотности населения в оазисах не означает однозначного роста орошаемых земель: этот процесс идет значительно медленнее, увеличение же получаемых продуктов земледелия является главным образом следствием развития техники обработки земли, возделывания посевов и введения многоразовых поливов, улучшения посевного материала, отражающего непрекращающийся процесс отбора в ходе культивации того или иного вида, и сбора двух урожаев в год. В целом в Южной Туркмении на протяжении более пяти тысяч лет бытовал единый хозяйственный тип, который может быть назван земледельческо-скотоводческим, с упором на орошаемое земледелие.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердыев О. К. 1968. Чакмаклы-Дене — новый памятник времени Анау IА. В сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М.
Букницкий Д. Д. 1924. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, № 3—4.
Лисицына Г. Н. 1968. Растительность Южной Туркмении в VI—I тыс. до н. э. по данным определения углей. В сб.: Каракумские древности, в. II. Ашхабад.
Лисицына Г. Н. 1970. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. КСИА, в. 122.
Массон В. М. 1960. Кара-Дене у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X.
Массон В. М. 1967. Протегеродская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3.
Минашина П. Г. 1969. Печвы неолитического оазиса Геоксюр. В сб.: Земли древнего орошения.
Сарианиди В. П. 1965. Памятники позднего неолита Юго-Восточной Туркмении. САН, БЗ-8, ч. IV.

Г. Ф. Коробкова

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭКОНОМИКЕ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ (к постановке проблемы)

Трассологическое исследование индустрий первобытных культур дает яркий фактический материал для определения их хозяйственного облика. Детальный анализ древнейших орудий труда позволяет с большей глубиной подойти к проблеме конкретно-исторического изучения экономической жизни древних обществ. Материалом нашего исследования послужили индустрии ряда археологических культур и отдельных памятников эпох неолита и энеолита, характеризующихся главным образом земледельческо-скотоводческой экономикой. Это в основном раннеземледельческие комплексы, расположенные на территории юга

СССР. К ним относятся все известные к настоящему времени памятники джейтунской культуры—Джейтун, Песседжик-Депе, Чопан-Депе, Тоголок-Депе и др. (Бердыев, 1969; Коробкова, 1969а; Массон, 1971); неолитические комплексы Молдавии — стоянки Сороки I—V и Митокулноу, или Оргеевская (Маркевич, 1968; Коробкова, 1969б); ряд памятников трипольской культуры — Сабатиновка, Березовская ГЭС, Раковец, Сороки-Озеро, Поливанов Яр, Усатово и др. (Добровольский, 1952; Даниленко, Макаревич, 1956; Пассек, 1961; Григорьева и др., 1968, 1969; Маркевич, 1970; Черныш, 1970).¹

Трассологическое изучение индустрий названных памятников и учет остеологических данных с последних позволили не только восстановить общий облик экономики данных комплексов, но и наметить некоторые локальные различия и своеобразия в хозяйстве, особенно ярко выступающие между однокультурными памятниками. Имеющиеся материалы позволяют поставить вопрос о наличии в хозяйстве ряда южных земледельческо-скотоводческих культур локальной вариабельности двух типов. Первый наблюдается в сфере ведущих отраслей производящего хозяйства, второй — в домашних промыслах.

В Средней Азии подобная хозяйственная вариабельность обоих типов хорошо прослеживается на материалах джейтунской культуры. При сравнении индустрий Джейтуна, Песседжик-Депе, Тоголок-Депе и Чопан-Депе, имеющих устойчивую земледельческую экономику, в которой занято около 40% всех орудий труда (Коробкова, 1969а, стр. 18, 29, 38; 1970, стр. 154), всплывают определенные различия в другой хозяйственной отрасли—скотоводстве. Так, например, на Джейтуне и Чопан-Депе в разделке туш животных было занято 6.7 и 8.04% орудий, в Тоголок-Депе и особенно Песседжик-Депе—16.36 и 22.4% соответственно. При учете всего комплекса находок, и прежде всего фаунистических остатков, среди которых в Песседжик-Депе и Тоголок-Депе подавляющее число костей принадлежит уже домашним животным, а в Джейтуне процент диких животных достаточно велик (Массон, 1971, стр. 86), эти данные в сочетании с количеством орудий труда являются важными показателями усиления роли в хозяйстве песседжикцев и обитателей Тоголок-Депе скотоводства. И если в Джейтуне и Чопане скотоводство еще было подсобной отраслью, то в Песседжике и Тоголоке оно, по-видимому, имело одинаковое значение с земледелием, т. е. стало второй основной отраслью хозяйства.

Таким образом, первые два поселения джейтунской культуры (Джейтун и Чопан-Депе) дают яркий земледельческий комплекс при значительной роли в хозяйстве охоты и меньшей—скотоводства, для вторых двух (Песседжик-Депе и Тоголок-Депе) характерен земледельческо-скотоводческий комплекс, где земледелие и животноводство играли примерно равную роль в производящей экономике, о чем свидетельствуют как возросший процент домашних животных в составе фаунистических остатков, так и значительный рост орудий труда, непосредственно связанных с усилившейся новой отраслью—скотоводством.

Соответственные различия (названные нами различиями второго типа) можно наблюдать и в некоторых домашних промыслах вышеуказанных памятников, которые являются, по-видимому, результатом существенных изменений, происшедших в структуре хозяйства. Так, например, с усилением роли скотоводства заметно сократился уровень

¹ Пользуюсь случаем, чтобы принести глубокую благодарность всем, кто предоставил мне возможность для трассологического изучения вышеуказанных материалов, особенно О. К. Бердыеву, В. И. Маркевичу, Л. Ф. Патоковой, Т. А. Поповой, В. И. Цабескову и Е. К. Черныш.

производства, связанного с обработкой шкур убитых животных, и убедительно возросло значение ткачества. Если в Джейтуне количество орудий, занятых в первом производстве, составляло 23.85%, а в Чопан-Дене 20.84%, то в Песседжик-Дене и Тоголок-Дене оно значительно сократилось — 14.85 и 12.11%. В более позднем памятнике джейтунской культуры — Чагыллы-Дене — обработка шкур составляла лишь 6% всех домашних промыслов. Интересно, что соответственно возрастала роль ткачества. В Джейтуне число орудий, связанных с последним, равнялось 0.35%, в Чопан-Дене 0.73%, в Песседжик-Дене 2.06%, Тоголок-Дене 3.03%, в Чагыллы-Дене 4.8%. Следует также отметить некоторые различия в деревообрабатывающем производстве и в изготовлении украшений. В Джейтуне орудия, занятые в первом производстве, составляли 18.22%, во втором 4.81%, в Песседжик-Дене 21.7 и 7.7%, в Тоголок-Дене 10.9 и 8.5% соответственно.

Таковы данные по хозяйственной вариабельности памятников джейтунской культуры. Хотя основой последней является земледельческо-скотоводческая экономика, тем не менее и внутри ее в силу определенных экологических условий и сложившихся историко-культурных традиций наместились явные хозяйственные различия.

Подобная картина наблюдается не только в неолитической Средней Азии. Она охватывает широкую зону, включающую соседнюю территорию Ближнего Востока и южную часть Украины, Молдавию, Кавказ. Убедительные сведения о сложной вариабельной экономике ранних земледельцев дают памятники загросской культурной общности (типа Джармо). Один из них — само поселение Джармо, являющееся, по свидетельству авторов, типично земледельческо-скотоводческим комплексом, в основе хозяйства которого лежали земледелие и скотоводство. Второй — Тепе-Сараб, относящийся к той же культурной общности, что и Джармо, и синхронный последнему. Разное экологическое расположение памятников (Джармо находится в лесной области на высоте 750 м, Тепе-Сараб — в благоприятной для выпаса скала местности, лежащей на высоте 1260 м над ур. м.), по-видимому, отразилось на экономике этих поселений. По мнению К. Фланнери, основанному на данных фаунистических остатков, Тепе-Сараб явилось сезонным поселением скотоводов, получающих зерновые продукты от жителей Джармо. Характер индустрии обоих поселений также свидетельствует, что основой хозяйства в Сарабе было скотоводство (Flannery, 1965, p. 1255), в Джармо — земледелие и скотоводство. Таким образом, два однокультурных и синхронных по времени поселения служат наглядным примером наличия в загросской культурной общности хозяйственной вариабельности первого типа. Интересно, что подобные различия прослеживаются даже в пределах одного поселения. Таково многослойное поселение Али-Кош, оставленное единой культурной общностью. Нижние слои его (фаза Бас Мордех, 7500—6750 лет до н. э.) характеризуют скотоводческий уклад хозяйства, где немаловажную роль играла охота и минимальную — земледелие. Средние (фаза Али-Кош, 6750—6000 лет до н. э.) демонстрируют уже чисто земледельческо-скотоводческую экономику, где земледелие имело первостепенное значение.

Убедительную картину локальных различий в основах хозяйства рисуют неолитические памятники Молдавии — стоянки Сороки I—V и Митокулоу — и индустрия целого ряда поселений трипольской культуры. Обратимся к этим материалам.

По мнению исследователей, сорокский комплекс буго-днестровской культуры представляет собой вариант присваивающей экономики с такими основными отраслями хозяйства, как рыболовство и охота, и подсобными — скотоводством и земледелием (Маркевич, 1968, стр. 7,

12; Давид, Маркевич, 1970, стр. 59—61; Пассек, Черныш, 1970, стр. 122, 125, 126). Авторы отмечают, что в ряде памятников Сороки V, Цикиновка I — заметно возрастает роль скотоводства и земледелия (Давид, Маркевич, 1970, стр. 60—62). Анализ индустрии сорокских стоянок и данные фаунистических остатков показали, что, несмотря на главенствующее положение в хозяйстве племен, оставивших эти памятники, охоты и рыболовства, все же данная группа племен уже стояла на пути строительства производящей экономики, основанной преимущественно на скотоводстве. Недаром первенствующее значение в индустрии имели такие орудия, как ножи для разделки туш убитых животных (в Сороках I слой 2 дал 38,1% ножей) и скребки для обработки этих шкур. И хотя в культурных остатках сорокского комплекса обнаружены злаковые растения — пшеница однозернянка, двузернянка и спелта (Янушевич, Маркевич, 1970, стр. 88), что дало право исследователям говорить о возрастающей роли в хозяйстве сорокской группы земледелия, тем не менее характер индустрии с почти полным отсутствием землекопных и жатвенных орудий (за исключением двух вкладышей серпов в Сороках I, слой 2, двух в Сороках V и одного вкладыша в Цикиновке I) не позволяет делать вывод о наличии здесь земледелия как отрасли хозяйства. Единичные находки вкладышей серпов и мотыг могут скорее свидетельствовать о высоком уровне собирательства или в лучшем случае о зачатках земледелия. Состав же фауны на сорокских памятниках с большой убедительностью говорит о развивающейся роли скотоводства, которое наряду с охотой в Сороках V и Цикиновке I становится одной из основных отраслей хозяйства. Сказанное позволяет заключить, что сорокские стоянки характеризуют собой охотничье-скотоводческо-рыболовческое хозяйство, в котором уже немаловажное значение приобретает новая хозяйственная отрасль — животноводство, послужившее интенсивным толчком для бурного роста производящей экономики. Как нам представляется, последние осуществлялась в сорокском комплексе непосредственно и только через скотоводство.

Несколько иную картину рисует другой неолитический памятник Молдавии — стоянка Митокулноу (или Ореговская). Бинокулярное исследование индустрии с этой стоянки показало, что в ее составе значительное место принадлежит вкладышам серпов и ножам для разделки туш убитых животных. По-видимому, обитатели этой стоянки уже культивировали злаковые растения и разводили домашний скот. Не исключено, что основу их хозяйства составляли скотоводство и частично земледелие; охота и рыболовство, вероятно, играли подсобную роль.

Еще более вариабельным предстает хозяйство племен трипольской культуры. Данные процентных соотношений орудий и доля участия последних в том или ином производственном процессе, строгий учет фаунистических остатков позволяют рассмотреть здесь по крайней мере 5 вариантов хозяйственной основы с превалированием одной-двух отраслей в хозяйстве. При этом следует отметить, что хотя земледелие у трипольских племен и было поликультурным, жители умели культивировать многие сорта злаковых растений, некоторые были уже знакомы с виноградарством и садоводством (Янушевич, Маркевич, 1970, стр. 88, 89), научились изготовлять первоклассные сельскохозяйственные орудия, все же оно не получило своего дальнейшего расцвета, каковой наблюдался у джейтунских племен Средней Азии. Видно, в силу особых обстоятельств, под влиянием местных экологических условий и сложившихся историко-культурных традиций, трипольская группа племен больше акцентировала внимание на второй основной отрасли производящего хозяйства — скотоводстве. Об этом свидетельствуют как остеологические остатки, так и подсчет орудий труда с ряда трипольских

памятников. Тщательный анализ материалов с последних позволил наметить в трипольском хозяйстве 4 варианта, относящихся к хозяйственной вариативности первого типа.

I вариант — земледельческо-скотоводческий, при доминирующем или равном значении земледелия с животноводством. Подсобные отрасли — охота и рыболовство. К этому варианту следует отнести Усатовское поселение, нижний горизонт Поливанова Яра, поселение культуры Гумельница — Болград. Как показали подсчеты просмотренной части коллекции из Усатова, 20,2% всех орудий принадлежали земледельческой группе, 14,3% — скотоводческо-охотничьей, включающей орудия для разделки туш и обработки шкур животных, 12% — чисто охотничьей. Среди домашних промыслов преобладали кожевенное производство (50%) и в меньшей степени обработка дерева (12,3%).

Нижний слой Поливанова Яра дал 32,1% земледельческих орудий, 52,2% скотоводческо-охотничьих, 4,1% непосредственно охотничьих. В домашних промыслах ведущее значение имели кожевенное производство (около 50%), обработка дерева (10,6%), ткачество (3,8%).

Поселение Болград также имеет земледельческо-скотоводческую экономику. При этом интересно заметить, что процентные соотношения орудий с Болграда удивительно совпадают с джейтунскими. Так, земледельческие орудия в первом составляют 30,6%, ножи и скребки — 16,6%. Из домашних промыслов были развиты кожевенное производство (около 20%) и обработка дерева (14%).

II вариант — скотоводческо-земледельческий, с доминирующим животноводством. Земледелие носило существенный, но подсобный характер. Большую роль продолжала играть охота. К этому варианту можно отнести поселение Лука-Врублевская (Бибиков, 1953), средний слой Поливанова Яра, Сабатиновку. По приведенным С. Н. Бибиковым цифровым данным, в числе всех имеющихся в индустрии Луки-Врублевской изделий орудия, занятые в разделке туш и выделке шкур убитых животных, составляют 62,5%, в земледелии — 10,4%. Не исключено, что некоторая часть первых орудий могла использоваться и для разделки туш диких животных, тем более что кости последних (53%) превалируют над костями домашних. Вполне можно согласиться с С. Н. Бибиковым, что охота в хозяйстве Луки-Врублевской имела весьма большое значение.

Индустрия среднего слоя Поливанова Яра, представленная орудиями из полуземлянок 2, 4—5, 10—11, дала следующую картину. Орудия, занятые в скотоводческо-охотничьей отрасли, составляют 44,3%, в земледельческой — 6,5%. Заметно снизилась роль охоты, о чем свидетельствуют оставшиеся охотничьи орудия — 4%.

Индустрия Сабатиновки позволила выделить 42,6% скотоводческо-охотничьих орудий, 12,8% земледельческих, 2,8% чисто охотничьих. Из домашних производств большую роль играло кожевенное — 49,7%, обработка дерева и изготовление различных деревянных изделий имели меньшее значение — 22,1%.

III вариант — скотоводческо-охотничий, с доминирующим животноводством. Охота играла значительную, а возможно, и равную роль в хозяйстве. Незначительное место в экономике занимало земледелие. К данному варианту можно отнести все комплексы поселения Березовская ГЭС. В индустрии этого памятника оказалось 57 (ранний комплекс), 61 (средний) и 44,4% (поздний) скотоводческо-охотничьих орудий, соответственно 3, 2,5, 3,7% земледельческих, 13, 11,3, 18,6% чисто охотничьих. В домашних промыслах преобладали кожевенное производство (около 50—60%) и обработка дерева (19—20%).

IV вариант — скотоводческий, основой хозяйства являлось живот-

новодство. Подсобную и незначительную роль играли земледелие и охота. Этот вариант представляют такие памятники, как Раковец и Сороки-Озеро. Из всех обнаруженных в Раковце орудий 35% падает на скотоводческо-охотничьи, 3,7% — на земледельческие, 1,6% — на охотничьи. В Сороках-Озере эти же орудия распределились следующим образом: 20,7, 3,4% соответственно. Среди многих комплексов трипольской культуры эти два выделяются широко развитым плотничным производством, доминирующим среди домашних промыслов. Так, в обработке дерева в Раковце было занято 36% всех орудий, в Сороках-Озере — 51,7%. Таким образом, эти два поселения на фоне трипольских памятников демонстрируют различия первого и второго типа.

Судя по публикациям и выводам некоторых исследователей трипольской культуры (Мовша, 1970), возможно, выделится пятый хозяйственный вариант.

V вариант — охотничье-скотоводческий, с охотой в качестве основной отрасли и скотоводством в качестве существенной, но подсобной. Земледелие и рыболовство имели минимальное значение. Гипотетически к этому варианту можно отнести поселение Жванец (Мовша, 1970, стр. 90, 91), где, по определению В. И. Бибиковой, 69,6% костей принадлежат диким животным; по справедливому заключению Т. Г. Мовши, доминирующее значение в хозяйстве поселений Жванец и Цвикловцев имела охота (там же, стр. 93). Однако находки земледельческих и рыболовных орудий на этих поселениях свидетельствуют о наличии в хозяйстве их обитателей подсобных отраслей — земледелия и рыболовства. В составе фауны содержится 30,4% костей домашних животных, что позволяет говорить о значительной роли в палеоэкономике Жванца животноводства.

Таковы предварительные результаты по хозяйственной вариативности трипольской экономики. Работа в этом направлении еще только начата. Будем надеяться, что дальнейшие исследования производственных назначений трипольских орудий труда уточнят и дополнят намеченную нами хозяйственную вариативность и охватят большее число памятников. Работа в этом направлении позволит, по-видимому, вскрыть подлинные причины этой вариативности и, возможно, проследить пути развития последней. В настоящее же время можно лишь говорить о наличии сложной хозяйственной картины у племен трипольской культуры. Следует также отметить, что при изучении индустрии и сопоставлении ее данных с результатами анализа фаунистических остатков выявилась интересная закономерность. Земледельческое направление, как правило, наблюдается у жителей тех поселений, в хозяйстве которых имело большое значение животноводство с доминирующей ролью в составе стада мелкого рогатого скота (Цалкин, 1970, стр. 241, 251, 253) или при равном соотношении крупного и мелкого. Таковы поселения культуры Гумельница, например Болград, поздне-трипольское Усатово, нижний слой Поливанова Яра (там же, стр. 236, 237). Полное соответствие с данными остеологического изучения получил индустриальный комплекс Березовской ГЭС, скотоводческо-охотничий характер которого подчеркивается и составом орудий, и процентным соотношением диких и домашних животных, присутствующих на поселении примерно в равных количествах (там же, стр. 213). Наметившиеся определенные закономерности внутри земледельческо-скотоводческих хозяйств, особенно в комплексах с земледелием и разведением мелкого рогатого скота, позволяют поставить вопрос, не связано ли развитие и усиление трипольского земледения с какими-то внешними балканскими импульсами, под влиянием которых в хозяйстве трипольского населения появился мелкий рогатый скот.

Близкая картина хозяйственной вариабельности, возможно, вскрыется и в раннеземледельческих комплексах Кавказа. Разительное многообразие последних и различия в составе орудий как будто тоже свидетельствуют о сложных хозяйственных вариантах, прослеживаемых внутри единых культурно-исторических обществ.

Причины локальной хозяйственной вариабельности, по-видимому, следует искать в местных конкретных экологических условиях, культурно-исторических традициях и, вероятно, во взаимодействии и влиянии со стороны более развитых в культурно-хозяйственном отношении племен.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков С. Н. 1953. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38.
Бердыев О. 1969. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
Григорьева Г. В., Г. Ф. Коробкова, В. И. Маркевич, Т. С. Пассек, Т. А. Попова. 1968. Итоги работ Молдавской экспедиции. АО 1967 г.
Григорьева Г. В., В. И. Маркевич, Т. А. Попова, Е. К. Черныш. 1969. Работы Молдавской экспедиции. АО 1968 г.
Давид А. П., В. И. Маркевич. 1970. Хозяйство и фауна неолитических поселений Среднего Поднепровья. В сб.: Фауна кайнозоя Молдавии, Кишинев.
Даниленко В. Т., М. Л. Макаревич. 1956. Исследования на II Сабатишском раннеотрипильском поселении в 1949 г. Археологичні пам'ятки, т. VI, Київ.
Добровольский А. В. 1952. Перше Сабатишське поселення. Археологичні пам'ятки, т. IV, Київ.
Коробкова Г. Ф. 1969а. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158.
Коробкова Г. Ф. 1969б. Работы лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции. АО 1968 г.
Коробкова Г. Ф. 1970. Каменная индустрия Песеджик-Дене и ее среднеазиатские параллели. В сб.: Каракумские древности, в. III, Ашхабад.
Массон В. М. 1971. Поселение Джейтуш. МИА, № 180.
Маркевич В. И. 1958. Неолит Молдавии. Автореф. канд. дисс. М.
Маркевич В. И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I. КСИА, в. 123.
Мовша Т. Г. 1970. Позднеотрипильское поселение в с. Жванец. КСИА, в. 123.
Пассек Т. С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, № 84.
Пассек Т. С., Е. К. Черныш. 1970. Неолит Северного Поднепровья. В сб.: Каменный век на территории СССР, М.
Цалкин В. И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
Черныш Е. К. 1970. Трипольское поселение Сороки-Озеро. КСИА, в. 123.
Янушевич З. В., В. И. Маркевич. 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья. В сб.: Интродукция культурных растений, Кишинев.
Flannery K. V. 1965. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia Science, v. 147, № 3663.

В. И. Сарияниди

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН (по материалам Геоксюрского некрополя)

Вопросы реконструкции общественных форм жизни особенно доисторических обществ всегда были центром внимания советской исторической науки. Вместе с тем отсутствие письменных источников заставляет нас обращаться к археологическим данным, среди которых не последнее место занимают материалы древних могильников. Естественно, что и этот вид источников не является всеобъемлющим, однако при наличии массового материала в совокупности с другими археологиче-

скими данными он дает возможность наметить некоторые пути поисков и предварительных выводов. В частности, такие данные получены при многолетних исследованиях специфического вида погребальных памятников на энеолитическом поселении Геоксюр в Южном Туркменистане. Именно здесь наряду с индивидуальными захоронениями, составляющими характерную черту погребального обряда древнеземледельческих племен, были обнаружены и изучены могильные сооружения с коллективными захоронениями внутри. Всего на Геоксюре выявлено около 30 таких склепов-толосов, внутри которых находилось свыше 200 скелетов разной степени сохранности.

Следует сразу же оговориться, что не все толосы сохранились полностью и в процессе естественной дефляции часть их оказалась нарушенной к моменту раскопок. Таким образом, наряду с совершенно целыми скелетами имеются и полуразрушенные, что до известной степени искажает первоначальную ситуацию. Однако полевые наблюдения показывают, что отмеченные нарушения носят частичный характер: процессами дефляции оказались разрушены верхние части склепов, не затронувшие сами скелеты, находившиеся на полу толосов.

Нам осталось отметить, что наземные склепы-толосы, как правило, округлые в плане (много реже отмечены эллиптические и прямоугольные), сложены из сырцовых кирпичей на сухой кладке и имеют ложносводчатые перекрытия, в ряде случаев отмечены бесспорные входы, располагавшиеся сбоку камер и обычно заложенные кирпичами.

Раскопками установлено, что захоронения в толосах производились последовательно: при очередном погребении останки предыдущего покойника отодвигали в сторону, а на его место (обычно в центре склепа) помещали только что умершего. В результате такого способа захоронения лишь в единственном толосе оказался один костяк, во всех остальных находится от 2 до 10—12 скелетов (Сарганиди, 1965а, 1965б). По количеству захороненных склепы распадаются на две группы: первая — весьма немногочисленная, состоящая из парных скелетов; вторая — наиболее массовая, с коллективными захоронениями внутри (рис. 2, 1). Показательно также, что аналогичную картину рисует подсчет полезной площади внутри толосов (рис. 2, 2). Особый интерес представляет анализ захороненных во второй группе склепов, где наличие множества костяков намекает на использование подобных склепов в качестве семейных мавзолеев. Это как будто подтверждается поло-возрастной характеристикой умерших. В каждом склепе, за редким исключением, отмечаются разнополые взрослые индивидуумы и дети (рис. 2, 3, 4). Показательно также, что по крайней мере в двух толосах оказались скелеты пожилых лиц. Причем именно в этих камерах захороненные достигают максимального количества (рис. 2, 5). Не исключено, что в данном случае скелеты лиц старческого возраста являются останками прародителей больших семей (толосы Б и Н).

Таким образом, все эти наблюдения дают определенные основания видеть в толосах второй группы захоронения лиц, связанных семейным, а возможно, и кровным родством. Во всяком случае в трех склепах одонтологический анализ, проведенный А. Зубовым, показал, что погребены кровные родственники. Исследование зубной системы геоксюрских черепов в ряде случаев выявило наличие редких морфологических признаков, что высказало твердое убеждение в наличии кровного родства между ними. Если учесть, что исследование черепов проводилось не по толосам, а выборочно, то полученные результаты приобретают особую ценность. Как оказалось, во всех случаях черепа, обнаруживающие кровное родство, происходят из отдельных толосов. Это

череп № 170 и № 171 из толоса Ш, череп № 65 и № 67 из толоса О и, наконец, № 122 и № 124 из толоса Х. Однако не следует думать, что кровное родство имелось лишь между указанными индивидуумами — оно могло быть неоднократно представлено в изученной серии, но просто не было зафиксировано антропологическими методами в силу отсутствия редких морфологических деталей. Очевидно, что приведенные данные дают веские основания для утверждения о захоронении кровных родственников по крайней мере в части толосов Геоксюр. Полученные археолого-антропологические наблюдения представляют реальную базу для реконструкции общественных форм жизни обитателей этого конкретного памятника.

Камеры второго типа с коллективными захоронениями решительно преобладают над толосами с парными и тем более единичными скелетами. Очевидно, именно они составляли основной и ведущий тип погребального обряда. Наличие старческих скелетов в таких склепах может указывать на использование их в качестве мавзолеев больших семей, составлявших основную ячейку местного общества поры развитого энеолита.

Правомерность подобного заключения находит определенное подтверждение и в другом виде археологического источника — в анализе планировки жилых построек с поселения Геоксюр. Широкие раскопки показали, что рассматриваемое поселение состояло из отдельных многокомнатных домов, разделявшихся глухими заборами и в ряде случаев улочками. Если учесть, что в предшествующее время поселения состояли преимущественно из однокомнатных домов, то станет ясным, что новый тип застройки многокомнатными домами является характерной чертой, отражающей развитие общественных отношений и форм организации семьи. Естественно предполагать, что многокомнатные дома Геоксура были населены большими семьями, состоявшими из нескольких поколений кровных родственников и образовывавшими основную единицу общества. Не исключено, что толосы с коллективными захоронениями и являлись своего рода «фамильными» склепами, принадлежащими большим семьям, члены которых обитали в многокомнатных домах. Некоторое подтверждение тому дает картографирование толосов в пределах всего поселения Геоксюр, когда наряду с отдельно стоящими склепами встречены группы, состоящие из нескольких гробниц. Более того, отмечены случаи, когда переполненная до предела костяками погребальная камера засыпалась землей и на ее руинах возводился следующий толос, как бы символизируя прямую преемственность между погребенными. Это наблюдение тем более показательно, что рядом со старыми склепами всегда было пустое пространство, где можно было построить новую гробницу, избежав тем самым определенных технических трудностей, связанных с возведением новой камеры на руинах предшествующей. Следует добавить, что отдельные группы толосов отличаются и характером погребального инвентаря, что, возможно, связано со специализацией домашних промыслов больших семей (Сарианиди, 1965б, стр. 104). С другой стороны, выше уже отмечалось наличие хотя и редких камер с парными захоронениями, которые могли принадлежать малым семьям. Однако это кажущееся противоречие находит свое логическое объяснение в большом этнографическом материале (Косвен, 1963) и близко напоминает картину, реконструируемую для древневосточной общины, состоявшей из больших семей, которые, разрастаясь (обычно к третьему поколению), распадались на малые семьи (Дьяконов, 1963). Видимо, отражением этого процесса естественной сегментации большой семьи и являются

толосы-малютки Геоксюра с парными захоронениями, но именно бесспорное преобладание камер с коллективными погребениями свидетельствует о доминирующей роли большой семьи в местном обществе эпохи энеолита. Не исключено, что несколько таких больших семей составляло отдельные большесемейные общины, связанные родственными отношениями. Во всяком случае показателен факт совместного расположения четырех толосов; причем в одном случае такой отдельно стоявший могильник отграничен от прилегающих жилищ глухой обводной стеной. На другом раскопанном участке семь толосов сгруппированы в одном месте и отделены от рядом расположенных домов геоксюрского же времени широкой прямой улицей.

Приведенные наблюдения могут служить косвенным свидетельством в пользу принадлежности таких групп погребальных камер отдельным большесемейным общинам. Если такое предположение подтвердится в будущем, можно будет думать, что все поселение Геоксюр состояло из нескольких десятков таких большесемейных общин, состоявших в свою очередь из отдельных больших семей.

О многообразии конкретных форм жизни древнего общества по материалам Геоксюрского могильника можно судить по толосу Л, где из 9 костяков 1 детский, 4 мужских и 2 условно мужских. Хотя половая принадлежность еще двух скелетов не определена, в целом обращает на себя внимание погребение лиц преимущественно мужской линии, что потребует дальнейшего объяснения. Как бы то ни было, установленный факт существования больших семей, составлявших основную ячейку местного общества эпохи позднего энеолита, представляет для нас исключительный интерес. Есть основание предполагать, что выявленная структура была характерна не только для Геоксюрского оазиса, но и для всего Южного Туркменистана в целом. Яркое свидетельство тому — планировка ряда раскопанных поселений этого времени, и особенно Кара-Депе у Артыка, где с документальной точностью выявлены большие жилые массивы, состоявшие из многокомнатных домов.

Правда, здесь решительно преобладал способ индивидуальных захоронений в обычных могильных ямах, но отмечены и единичные камеры с коллективными захоронениями (Массон, 1964). Возможно, они принадлежали выходцам из юго-восточных областей, принесшим с собой свои собственные погребальные традиции. Есть основание считать, что способ коллективных захоронений в наземных погребальных камерах не был присущ местным древнеземледельческим племенам, а принесен в пределы Юго-Восточной Туркмении племенами, переселившимися сюда из более южных областей (Сараниди, 1965а).

Попав сюда, пришельцы на первых порах консервативно придерживались своих погребальных обрядов (сложившихся на их бывшей родине), что особенно четко прослеживается по материалам погребальных комплексов Юго-Восточной Туркмении поры позднего энеолита. В дальнейшем, в период ранней и особенно развитой эпохи бронзы, намечается как бы угасание традиций коллективных захоронений, но они все же продолжают существовать. В этом отношении показательны три камеры с коллективными захоронениями, выявленные на Алтын-Депе, в которых встречено от 14 до 38 скелетов (Массон, 1971). Эти, хотя и единичные, камеры с коллективными захоронениями красноречиво свидетельствуют о дальнейшем процессе развития больших семей; их внутренняя структура претерпевает определенные видоизменения, конкретная сущность которых может быть установлена на новом археологическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

- Дьяконов И. М. 1953. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей. ВДИ, № 1.
- Косвен М. О. 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Массон В. М. 1964. Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА, в. 101.
- Массон В. М. 1971. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-Депе. АО 1970 г.
- Сараниди В. И. 1965а. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.
- Сараниди В. И. 1965б. Геокюрский некрополь. В сб.: Новое в советской археологии, М.
-

II. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКА В 1970 г.

М. Р. Касымов

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ АХАНГАРАНСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА В 1970 г.

В 100 км к северо-востоку от г. Ташкента в долине р. Ахангаран находится многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Она расположена около одноименного родника на берегу Джарсая, левого притока Кызылалмасая, в предгорьях Чаткальского хребта (рис. 3). Памятник с 1963 г. систематически изучается Ахангаранским палеолитическим отрядом ИИА АН Узбекской ССР (Касымов, 1963, 1967, 1968, 1969). В 1970 г. отряд на Кульбулаке продолжал вскрытие раскопа № 1, частично исследованного в 1967 г., общей площадью 30 м². Кроме того, в двух местах заложены шурфы размером 1×2 м каждый.

На раскопе № 1 были вскрыты нижние культурные слои, так как часть II культурного слоя была вскрыта раскопками 1967 г., а I культурный слой здесь отсутствует и выявлен лишь на западном участке раскопа № 1 в 1967 г. Работами 1970 г. были вскрыты два позднепалеолитических и восемь мустьерских слоев. Кстати, три из последних (слои VIII^a, VIII^b и VIII^c) выявлены впервые; они расположены ниже ранее известного VIII мустьерского слоя и более чем на 5 м выше IX позднепалеолитического слоя. Расположение их различно. На западе раскопа VIII^b и VIII^a мустьерские слои кончаются в кв. X₁-39, Ч₁-39 и Ц₁-40, а на юге — в кв. от Ц₁-40 до Ц₁-47 и выклиниваются к северной и восточной стенкам. Возможно, нами вскрыта юго-западная часть этих слоев. Что касается мустьерского слоя VIII^a, то он выявлен на всей вскрытой площади раскопа № 1.

Разрез северной стенки раскопа № 1 на кв. X₁-39, X₁-40 и X₁-41 дал следующую картину (рис. 3):

	Толщина, в см
1. Дерновый слой	5—10
2. Супесь сероватого цвета	4—80
3. II позднепалеолитический слой, заполнен золой, сильно гумусирован, с многочисленными каменными изделиями и костями ископаемых животных	3—6
4. Супесь сероватого цвета	3—5
5. III позднепалеолитический слой, гумусированный, с находками каменных изделий и костей животных	3—8
6. Прослойка аллювиально-озерных отложений	10—38
7. IV культурный слой, слегка гумусированный, с многочисленными каменными орудиями финального мустье	6—8
8. Прослойка аллювиально-озерных отложений	8—28
9. V мустьерский слой с находками изделий и с единичными обломками костей ископаемых животных	5—6
10. Суглинок желтоватого цвета без находок	7—18
11. VI культурный слой с находками	5—8
12. Суглинок желтоватого цвета без находок	4—14
13. VII мустьерский слой с многочисленными орудиями	3—6
14. Суглинок желтоватого цвета без находок	4—9

15. VIII мустьерский слой с обломочным материалом и многочисленными орудиями	4—7
16. Суглинок желтоватого цвета без находок	10—15
17. VIII ^a мустьерский слой с каменными изделиями	4—6
18. Суглинок желтоватого цвета без находок	12—24
19. VIII ^b мустьерский слой с находками каменных орудий	1—6
20. Суглинок желтого цвета без находок	14—18
21. VIII ^a мустьерский слой с находками каменных изделий	1—6
22. Суглинок желтого цвета без находок	8—12
23. Слой обломочного материала, видимая мощность	4—6

На разных глубинах всей площади раскопа и шурфов прослежены аллювиально-озерные отложения, основным фактором образования которых явился мощный родник, действующий с древнейших времен до наших дней. Культурные слои хорошо прослеживаются в разрезе по всей северной стенке раскопа (рис. 3). Два верхних позднепалеолитических культурных слоя (II—III), продолжаясь с запада на восток, кончаются в кв. X₁-41, а IV, V мустьерские слои — в кв. X₁-43 и X₁-44. VI—VIII^a мустьерские слои (их четыре) выявлены на всех квадратах раскопа. Что касается двух нижних мустьерских слоев (VIII^b, VIII^a), то они, продолжаясь с востока на запад, кончаются в кв. X₁-39. Все культурные слои не потревожены и четко выделены. Между ними залегают прослойки, в которых отсутствуют археологические находки.

В шурфе I (кв. M₁-29, H₁-29), расположенном к северо-западу от раскопа, выявлены только три мустьерских слоя. В шурфе 2 (кв. M₂-29, H₂-29), находящемся к юго-западу от раскопа, обнаружены три позднепалеолитических культурных слоя с богатым археологическим материалом и столько же мустьерских слоев. Однако соотношение последних с культурными слоями, выявленными в раскопе, неизвестно и требует дальнейшего исследования.

Раскопки 1970 г. на Кульбулаке доставили огромное количество каменных изделий. Материалом для них служил главным образом местный кремнистый сланец, кремнь, песчаник, кварц и другие породы. Каменные изделия из восьми мустьерских слоев Кульбулака весьма своеобразны. Характерно обилие разнообразных дисковидных и других нуклеусов, укороченных массивных отщепов различной формы. Леваля-луазские сколы малочисленны. В типологическом отношении индустрия характеризуется наличием большого процента скребущих орудий выемчатых и скребковых форм. Наряду также скребла, концевые скребки, пластины, зубчатые орудия и орудия тейяжского типа (рис. 4). Комплекс орудий из всех мустьерских слоев представляет собой единый в индустриальном отношении материал, развивающийся и эволюционирующий. На протяжении длительного отрезка мустьерского времени индустрия самого верхнего (IV) мустьерского слоя характеризуется наличием наряду с мустьерскими орудиями орудий, носящих верхнепалеолитические черты. Однако и последние также продолжают традиции зубчатой и выемчатой индустрий. Отметим также, что впервые в V мустьерском слое были найдены зубы ископаемой лошади.

Что касается каменных индустрий двух верхних (III, II) культурных слоев, то они дали типичные для позднего палеолита орудия (рис. 4, 10—13). Материалом служил в основном кремнь хорошего качества. Среди изделий этого комплекса встречаются призматические и атипичные нуклеусы, концевые скребки и другие орудия с зубчиками или выемками. В индустрии позднепалеолитических слоев продолжают мустьерские традиции.

Таким образом, полученные в 1970 г. материалы многослойной стоянки Кульбулак еще раз свидетельствуют о наличии новой культуры зубчато-тейякского типа, составляющей пока единственную отдельную локальную группу палеолита Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- К а с ы м о в М. Р. 1963. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг. ОНУз, № 3.
К а с ы м о в М. Р. 1967. Памятники каменного века в долине Ангрена. ОНУз, № 2.
К а с ы м о в М. Р. 1968. Археологические работы в Узбекистане. АО 1967 г.
К а с ы м о в М. Р. 1969. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. АО 1968 г.

Х. Алпысбаев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В ПЕЩЕРАХ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА в 1969—1970 гг.

В настоящее время в Казахстане известны многочисленные памятники каменного века. Самые важные из них изучены и открыты в южных районах республики, где климат в эпоху антропогена был довольно мягким. В результате археологического исследования в пещерах юго-западных районов Южного Казахстана в 1969—1970 гг. обнаружены следы деятельности человека.

Древнейшими среди них являются отдельные находки массивных отщепов и пластинчатых отщепов ашельского типа, обнаруженные на поверхности Каржантау при спуске в долину р. Угама. Кроме того, встречены треугольные отщепы мустьерского типа в Азартекинской (16×10×3 м) и Калыптинской (16×4×2.5 м) пещерах в средней части горной речки Азартеки, левого притока р. Угама. Кремневые орудия этих пещер в основном состоят из массивных и треугольных отщепов с широкими площадками и выпуклыми бугорками. Очень грубая ретушь наносилась только по продольному краю. Массивные отщепы имеют весьма архаический, ашельский, облик и напоминают собой клектонские отщепы.

В районе высокогорного оз. Паршаколь отрядом зарегистрировано более 5 пещер и воронок. Одна из них находится над оз. Макпалсай; к ней можно попасть сверху, но, к сожалению, вся она заполнена снегом (в августе месяце). Пещера обращена на юго-запад; длина ее 19 м, ширина 3—5 м. Внутри пещеры два ответвления. Поблизости от этой пещеры были встречены каменные изделия мустьерского типа.

В верховьях р. Бесагаш (левый приток р. Угама) имеется более 20 пещер; среди них большой интерес представляет пещера, расположенная в 2 км к востоку от вышеуказанной речки у подножия высокой скалы. Длина пещеры 11 м, ширина 2—4.5 м, высота 2—3 м. Вход в пещеру обращен на юг. В разведочном шурфе были обнаружены каменные изделия и ряд других остатков. Насыщенность этой пещеры остатками каменного века поразительна. Среди каменных изделий имеются зубчатые и выемчатые экземпляры, что характерно для всей мустьерской эпохи нижнего палеолита.

В результате разведочных работ в районе Большого Каратау нами была посещена и осмотрена Карасайская пещера. Она имеет неправильную форму и находится в 6 км от г. Хантаги; длина ее 200 м, ширина 1.5—4 м, высота отдельных камер 15—20 м. Спорово-пыльцевые анализы, взятые из этой пещеры, показывают, что в пыльцевом спектре преобладают травянистые растения (99%), а древесная растительность (сосна) составляет не более 1%.

На северном склоне Большого Каратау отрядом осмотрена четырехзальная пещера Алтынсай. Она находится в 10 км к северо-западу от с. Сузак в нижнелазеоэойских мраморовидных известняках и расположена на левом склоне небольшого сая на высоте 50 м от его русла в пределах узкого водораздельного гребня. Ее длина 55 м, ширина 16—18 м при средней высоте 10 м. Вход в пещеру имеет вид небольшого правильного треугольника и ориентирован с северо-запада на юго-восток. Предварительная шурфовка первого зала была доведена до глубины 1.2 м, где были встречены каменные изделия. Глубже шурфовка не производилась из-за больших кусков упавшей сверху кровли.

В юго-восточном районе Боролтайских гор имеется крупная пещера Акмечеть. Она находится в 78 км к северо-востоку от г. Чимкента, располагается на левом склоне р. Курсай, на высоте 20 м от ее русла. Пещера вытянута вдоль реки с северо-востока на юго-запад; длина ее 135 м, ширина 64 м. Дно пещеры находится ниже русла сая на 8 м; высота ее от дна до сводовой части 30 м; у ее свода имеется отверстие, вытянутое с северо-востока на юго-запад, длиной 29 м, шириной 23 м; отверстие расположено на высоте 24 м от дна пещеры. В отдельных углах пещеры имеются сталактиты. На дне пещеры много костей ископаемых животных. Шурфовка, произведенная нами в глубине пещеры, дала каменные орудия неолитического облика, хотя поблизости от нее нами найдены изделия ашельско-мустьерского и более архаического облика (рис. 5).

При дополнительном посещении пещеры Караунгур, находящейся в 56 км к северо-востоку от г. Чимкента, нами было обнаружено большое количество кремневых орудий; среди них различные скребки, проколки и костяные изделия эпохи неолита.

В горах Малого Каратау нами изучалась другая пещера — Актугай, расположенная в долине р. Актугай. Вход в нее имеет эллипсоидное сечение с размерами полуосей 2—4 м и находится выше русла на 50 м. Она представляла собой три зала, соединенными проходами. Длина первого зала 20 м, ширина 14 м при высоте 5 м. Кровля первого зала имеет форму свода. Второй и третий залы имеют небольшие площади и постепенно переходят в пустоты типа «лисых нор». Шурфовка этой пещеры дала ископаемые фаунистические остатки и одно кремневое изделие палеолитического типа.

Большинство пещер находится в доломитовых известняковых массивах Большого и Малого Каратау и в долинах рек Машат, Аксу, Жабаклы, Чаян, Боролтай, Ушбас. Они служили убежищем человеку начиная с эпохи палеолита, о чем свидетельствуют сделанные находки. Предварительные данные, полученные нами, доказывают, что пещеры Казахстана заселялись в те отдаленные времена, когда на его территории бродили древние слоны, носороги, дикие лошади, сайга-антилопы и другие животные. Предварительные разведочные шурфы, заложенные в пещерах Южного Казахстана, дали пока очень скудные материалы. Изучение разновозрастных памятников в пещерах Южного Казахстана в дальнейшем может дать свой локальный очаг распространения культур каменного века, функционировавший очень длительное время.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ПЕЩЕРНЫХ СТОЯНОК МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Археологический отряд по изучению эпохи мезолита в Узбекистане в 1970 г. работал в Ферганской и Сурхандарьинской областях республики.

В Ферганской области продолжались раскопки грота Обишир V. Грот Обишир V расположен в 17 км к востоку от с. Сох на правом берегу сая Обишир. Длина его 40 м, ширина около 8 м, высота примерно 10 м. Своим входом грот обращен на юг, что улучшало термические условия, благоприятные для пребывания в нем человека. Это многослойный памятник. В нем обнаружено 3 слоя.

Верхний слой рыхлый, толщиной 15—20 см. За ним следует серая почва с античной керамикой, мощностью 1 м, местами 1.2 м. Ниже залегает культурный слой с мезолитическими находками, толщиной 20 см. Подстилает его серый слой почвы с очень редкими находками мезолитической эпохи, который доходит до скалы. В двух заложённых траншеях встречены остатки каких-то ограждений из камня.

Каменные орудия изготовлены в основном из кремня черного цвета, но встречается изредка белый и серый кремень. Техника обработки кремня пластинчатая, грубая, с присутствием микролитондных черт, о чем можно судить по наличию микропластин. При раскопках найдены нуклеусы призматических форм с одной, несколькими или двумя смежными ударными площадками. Кроме того, встречены дисковидные нуклеусы. Характерными заготовками орудий являются крупные призматические пластины, микропластины, а также отщепы. Основную группу орудий труда составляют изделия, связанные с обработкой продуктов охоты: ножи на крупных пластинках или составные, вкладышами в которых служили мелкие хорошо обработанные пластинки; проколки; узкие, тонкие сверла; скребки из небольших отщепов. Из других орудий представлены массивные скобели на пластинках и крупных отщепах и миниатюрные резчики-скобели. Здесь же найдены каменные грузила. Большинство типов орудий находят аналоги в мезолитических памятниках Средней Азии. Грубые пластинки, ножи из грубых пластинок аналогичны материалам из Самаркандской верхнепалеолитической стоянки (Лев, 1964, стр. 27, рис. 55), а различного типа скребки и нуклеусы с торцовым скалыванием — материалам из стоянки Ош-Хона, датированным VIII тыс. до н. э. (Ранов, 1962). Учитывая аналогии, а также то, что в гроте Обишир V имеются микропластинки и дисковидные нуклеусы арханческой формы, этот памятник можно датировать мезолитом.

В Сурхандарьинской области основные работы проводились в пещере Мачай, расположенной в местности «Курганча», на правом берегу р. Мачай Байсунского района. Пещера Мачай, как известно, раскапывалась в 1938—1942 гг. Г. В. Парфеновым, но основные материалы ее были потеряны. Лишь некоторые каменные и костяные орудия хранятся в Ташкентском и Термезском музеях.

Для получения новых материалов и уточнения стратиграфии в 1970 г. были продолжены раскопки этой пещеры (рис. 6). В центре раскопа под большим камнем на расстоянии 35 см друг от друга были обнаружены два человеческих черепа. По предварительному заключению В. Я. Зезенковой, черепа относятся к долихокравному типу или даже гипердолихокравному типу. По всей видимости, здесь был костер или очаг. Стратиграфию пещеры удалось проследить лишь на площади одного квадрата. Как выяснилось, пещера Мачай имеет три культурных слоя. Под верхним каменным слоем толщиной 1.6 м, залегает первый

культурный слой — гумусированный рыхлый суглинок толщиной 30 см. За ним следует галечный слой толщиной 20 см, ниже идет второй культурный слой толщиной 25 см, который сменяется каменной стерильной прослойкой в 25 см. Толщина нижнего третьего культурного слоя с песком и мелкими камнями — 50 см. Мощность культурных наслоений вместе со стерильными прослойками равняется 3,1 м.

В пещере Мачай были найдены кремневые и костяные орудия (рис. 7). Каменные орудия изготовлены в основном из серого кремня, иногда из черного. Здесь наряду с микролитическими пластинками встречаются осколки резцовых сколов, грубые пластинки с зубчатой техникой и пластинки с подправленной ударной площадкой, характерные для мустьерской техники. Кроме того, имеются костяные шилья. Из украшений найдена подвеска с орнаментом (рис. 7, 7). Грубые пластинки с зубчатой техникой и ряд костяных шильев находят себе аналогию в материалах пещеры Хоту, что позволяет предварительно датировать находки в пещере Мачай мезолитом.

ЛИТЕРАТУРА

- Лев Д. Н. 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. Тр. Самаркандск. гос. ун-в. им. Навои, в. 135.
Рапов В. А. 1962. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960. Археологические работы в Таджикистане, в. VIII, Душанбе.

А. В. Виноградов

О РАСПРОСТРАНЕНИИ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДАРЬЯСАЙСКОГО ТИПА (по материалам работ 1970 г.)

В 1968—1969 гг. в юго-западных Кызылкумах в районе сухого русла Дарьясай была найдена большая группа раннеолитических стоянок (Виноградов, Вактурская, Мамедов, 1969; Виноградов, Мамедов, 1970). Эти стоянки естественным образом заполнили «хронологический вакуум», в котором до сих пор находились земледельческие комплексы Южного Туркменистана VI—первой половины IV тыс. до н. э. (Массон, 1969, стр. 5). Комплексы находок со стоянок Дарьясай (наиболее полно представленные материалами раскопок стоянки Учаси 131) характеризуются пластинчатым микролитическим инвентарем, включающим крупные серии трапеций. Одним из самых характерных признаков дарьясайских стоянок является наличие в инвентаре так называемых рогатых трапеций — с выемкой в верхнем основании (рис. 8). Находки этих своеобразных изделий не единичны; обычно они составляют около 50% (иногда более) изделий геометрической формы. «Рогатые» трапеции в большинстве случаев симметричны, небольших размеров. Часто встречаются изделия удлинённых пропорций, иногда высокой формы. Тонкой ретушью со спинки в верхнем основании сформована выемка, часто довольно глубокая, полукруглая, иногда широкая и мелкая.

Широко распространено и подкреплено некоторыми вещественными археологическими находками мнение об использовании трапеций в качестве поперечнолезвийных наконечников стрел. Было бы заманчивым считать «рогатые» трапеции также наконечниками стрел; форма их более соответствует такому назначению, чем у трапеций обычного типа. Однако и в том, и в другом случае решение, видимо, не может быть однозначным. Об этом свидетельствуют удлинённые пропорции некоторых трапеций и особенно смещенная к одному краю выемка у ряда изделий.

Вероятно, большая часть «рогатых» трапещей использовалась в качестве вкладышей разного рода.

До работ 1970 г. мы считали, что крупные серии «рогатых» трапещей составляют специфику ранненеолитических комплексов Дарьясай и за его пределами не встречаются. Однако ранненеолитические комплексы дарьясайского типа были найдены в 1970 г. сначала на берегах сухого русла Эчкиликсай, а затем в центральной части впадины Караката. Стоянка Ходжа-Гумбаз 5 на Эчкиликсае и стоянка Караката 26 дали комплексы, исключительно близкие дарьясайским, в том числе много «рогатых» трапещей.

Находки на Эчкиликсае не были неожиданными: Эчкиликсай и Дарьясай относятся к единой системе северных протоков пра-Зеравшана, и культурное единство их обитателей в раннем неолите неувидимо. Иное дело — находки в центральных Кызылкумах, в Каракате, которые значительно расширили территорию распространения комплексов дарьясайского типа.

В 1970 г. стали известны аналогичные или близкие материалы с еще более широкой территории. Типичные «рогатые» трапещи обнаружены в подъемном материале из северо-восточного Приаралья и на разветвленных стоянках еще в двух пунктах Казахстана: на стоянке Пеньки I в Павлодарской области и на стоянке Каракня в северной части Мулюнкумов (Чалай, 1970, рис. 1, 6, 29). Последние две стоянки дали по одной «рогатой» трапещи; на стоянке Пеньки I имеется помимо этого серия мелких трапещей обычного типа. «Рогатые» трапещи казахстанских стоянок несколько отличаются от дарьясайских: выемка в верхнем основании образована ретушью с брышка. Насколько можно судить по опубликованным кратким сведениям, инвентарь стоянок, особенно стоянки Пеньки I, показывает некоторые черты сходства с материалами стоянок дарьясайского типа в Кызылкумах.

Представленные сериями «рогатые» трапещи из других районов нам сейчас неизвестны¹. Имеются, однако, единичные находки таких трапещей в мезолитических и неолитических памятниках Причерноморья, Крыма, Кавказа (Векилова, 1951, рис. 22, 29; Станко, 1966, рис. 2, 7; Мацкевой, 1969, рис. 15, 6). Правда, для этих районов несколько более характерны трапещи с различного рода обработкой оснований, не образующей выемок (иногда с зубчиками). В Нижнешиловской стоянке эти изделия представлены крупной серией (Формозов, 1962, рис. 1, 8; 11, 9; Крайнов, 1960, табл. VI, 4, 6).

Факт широкого распространения комплексов дарьясайского типа в Кызылкумах, находки «рогатых» трапещей на ранненеолитических стоянках Казахстана ставят некоторые новые вопросы относительно характера и генезиса ранненеолитической культуры Кызылкумов и Средней Азии в целом. Один из них — о соотношении этих комплексов с ранненеолитическими материалами известного раннее типа. Мы имеем в виду находки с Агиспе, Саксаульской I, Лявлякана 326 и некоторых других разветвленных стоянок Казахстана и Кызылкумов, ранненеолитический возраст которых (или по крайней мере определенной части их материалов) теперь считается общепризнанным. Учитывая близость последних материалам 5—6-го слоев Джебела и отсутствие в Джебеле «рогатых» трапещей, можно было бы утверждать, что перед нами два варианта ранненеолитической культуры. Однако пока нельзя еще исклю-

¹ По личному сообщению В. А. Ранова, трапещи с ретушью по верхнему основанию, образующей легкую выемку, имеются в ранненеолитических комплексах Таджикистана. Типологически они близки одной из групп «рогатых» трапещей стоянок дарьясайского типа. Эти интересные материалы пока еще не опубликованы.

чать возможность хронологического характера различий между комплексами дарьясайского типа, с одной стороны, и материалами типа Агиспе и Саксаульской I — с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А. В., Н. Н. Вактурская, Э. Мамедов. 1969. Археолого-географические исследования в районе Дарьясая. АО 1968 г.
Виноградов А. В., Э. Мамедов. 1970. Исследования в юго-западных Кызылкумах. АО 1969 г.
Векилова Е. А. 1951. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, в. XXXVI.
Крайнов А. Д. 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91.
Массон В. М. 1969. «От редактора». МИА, № 158.
Мацкевой Л. Г. 1969. Мезолитические стоянки Восточного Крыма. КСИА, в. 117.
Станко В. Н. 1966. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области. СА, № 2.
Формозов А. А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 91.
Чалая Л. А. 1970. О типах неолитических стоянок Казахстана. Сборник научных работ аспирантов института. Изд. МГУ.

А. Х. Юсупов

ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ТАДЖИКИСТАНА

В 1970 г. Нурекским отрядом продолжались работы на многослойном поселении гиссарской культуры Сай-Сайед. Это поселение расположено в 3 км к востоку от Туткаула, в зоне строительства Нурекской ГЭС. Оно занимает конус выноса, длина которого 80 м (с юго-запада на северо-восток), ширина 40 м. Высота конуса над современным уровнем сая около 12—15 м. Он резко понижается к Вахшу, так что в конце его высота над голоценовой равниной не превышает 3—4 м. Само поселение было открыто в 1956 г. А. П. Окладниковым, а первые раскопки на нем проводились в 1963 г. В 1965 г. бульдозером была обработана поверхность конуса, снятого до глубины 1—2,5 м. Начиная с 1966 г. здесь проводились систематические раскопки поселения. Сводная стратиграфия памятника следующая.

1-й слой — почвенный; мощность его 20 см.

2-й слой — супесь серого цвета, золотого происхождения, облессованная, содержащая обломки вахшских галек и красного песчаника, в верхней части разреза нарушена многочисленными ямами средневекового и бронзового времени глубиной 1.1 — 1.5 м. Этот слой содержал находки периода средневековья (керамику с ангобом светло-желтого цвета, посуду с росписью, кухонную посуду); периода раннежелезного века (лепную керамику с отпечатками ткани, 3 железных наконечника стрел; к этому времени относится и детское погребение, в котором собраны остатки украшений в виде орнаментированных бронзовых бляшек); эпохи бронзы (фрагменты керамики, бронзовое шило, игла с ушком).

3-й слой — первый культурный горизонт — супесь светло-серого цвета, смешанная с буравчиками известняка, обломками галечника и мелкими обломками красного песчаника. Здесь имеются очажные пятна с хорошо сохранившимися угольками. Толщина его 0.75—1.2 м. В первом горизонте найдена богатая коллекция кремневых орудий, превосходящая туткаульскую (рис. 9, А).

Среди крупных пожевидных пластин выделяются пластины вытянутых пропорций длиной 6—8 см, с затупленной ретушью по краям. Подобные пластины известны из памятников кельтеминьарской культуры (Гулямов и др., 1966) и на поселении Джейтун (Массон, 1960). Встречаются здесь также песты, куранты, зернотерки, выпрямители древков стрел и в большом количестве галечные изделия. Очень интересны находки костяных шильев, лошил, которые в Туткауле не сохранились (рис. 10). Керамика не встречается. По аналогии с Туткаулом этот горизонт можно датировать концом VI—началом V в. до н. э. (Ранов, Коробкова, 1971).

4-й слой — натечный, лежащий между двумя культурными горизонтами. Это рыхлый суглинок с мелкими обломками песчаника. По цвету он отличается от 1-го слоя, более светло-коричневого, толщина его 30—40 см. Археологические находки редки и относятся к первому горизонту.

5-й слой образует мощный, черный по цвету, второй культурный горизонт, который в кв. З, И, Ж, Е-8 залегает под селевой щебенкой, а в кв. М, Н, О, П, Р, С-8 над натечным слоем супеси. Мощность второго горизонта до 2 м. Здесь встречено множество очагов и очажных пятен (глубина от репера 7.95 — 8.14 м.). Каменный инвентарь представлен кремневыми и галечными изделиями (рис. 9, Б; 11). Среди кремневых встречаются нуклеусы — одноплощадочные и двух-трехплощадочные, пластинчатые орудия: проколки, ножи с затупленной спинкой, вкладыши составных пожей, боковые резцы, скобели, резчики, концевые скребки, трапеции, сегменты. Из галечных пород камня здесь найдены ножи с пришлифованными лезвиями, топоры, выпрямители.

6-й слой — линза щебенки, образующая третий культурный горизонт, который в Туткауле обозначен как горизонт 2а. В Сайеде он обнаружен пока в траншеях, в кв. Е. Толщина щебенки около 20—30 см. Из-за незначительной площади раскопок находок в этом слое мало. По аналогии с Туткаулом он относится к мезолиту и ориентировочно может быть датирован VIII—VII тыс. до н. э.

7-й слой — натечная супесь, смешанная с мелкими журавчиками известняка и красного песчаника. Мощность этого слоя 0.30—0.50 см. Находок в нем нет.

8-й слой — четвертый культурный горизонт, лежащий прямо в вахшском песке, неогеновом. Он обнаружен в траншее по линии 8, юго-восточнее раскопа. Слой желтый, с остатками очага и углистыми пятнами. Толщина его доходит до 1 м. Находки очень скудные, так как раскопки произведены на небольшой площади. Этот слой по аналогии с третьим горизонтом Туткаула может быть отнесен к раннему мезолиту.

В 5 км западнее поселения Сай-Сайед в верховьях сая, на его правом борту, расположено поселение Тугузак, где в 1970 г. были произведены сборы каменного материала. Памятник примыкает на западе к хребту Кухи-Сиргор, на востоке же тянется к р. Вахш. Терраса, где он залегает, сложена из красного песчаника мелового возраста и разбита на несколько уступов (общая линия около 4 км). Поселение расположено на четвертом уступе. Площадь его 40×60 м. Высота уступа от современного сая Сайеда примерно 75—100 м. Всего на стоянке собрано 567 экз. каменных изделий. В основном материале для изготовления орудий служил камень разного цвета. Находок из изверженных пород мало. Так, кремневые изделия представлены 491 экз., изделий из изверженных пород 76 экз. Среди кремневых орудий встречаются нуклеусы (60), скребки на отщепах (44), проколки (50), пожевидные пластины (8), отщепы с ретушью (19), отщепы (229), отбойники, пест-курант (рис. 12).

Самую большую группу образуют отщепы. Более крупные из них — 6—8 см, мелкие — 0,8—1 см. Большинство — нуклеидные; у некоторых на спинке имеются следы начатых сколов, а на краях ретушь. Такие орудия могли употребляться как скребла. Среди отщепов встречается много первичных, т. е. с галечной коркой на спинке. Имеются и вторичные, с параллельными сколами на спинке, и отщепы с бесформенными сколами. Ножевидные пластины единичны. Они правильной призматической формы, треугольные или трапециевидные в сечении; некоторые имеют по краям мелкую ретушь, нанесенную со стороны брюшка. Встречаются и грубые пластинки из галечных пород. Кремневые нуклеусы представлены изделиями клиновидной и призматической формы с односторонним и двусторонним скалыванием, с широкими площадками (рис. 11). Галечные ядрища представлены изделиями дисковидной формы, в виде чоппингов и чопперов (рис. 12). Очень интересной находкой является мотыга, сделанная из галечной породы камня, клиновидной формы. Боковые грани тщательно обработаны. Рабочий край острый. Наружная сторона мотыги сохраняет сплошную галечную корку. Длина ее 13 см, ширина лезвия 9 см (рис. 13).

ЛИТЕРАТУРА

- Гулямов Я., А. Аскарлов, У. Исламов. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана, Ташкент.
Массон В. М. 1960. Джейтунская культура. ТИОТАКЭ, т. X.
Окладников А. П. 1958. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66.
Рапов В. А., Г. Ф. Коробкова. 1971. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, № 2.

Н. З. Настюков, Н. Д. Праслов

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА ЗАПАДНОМ ЧИНКЕ УСТЮРТА

Ранней весной и поздней осенью 1970 г. одним из авторов данного сообщения (Н. З. Настюковым) было проведено исследование с палеозоологическими целями западного чинка Устюрта и открыто 8 новых местонахождений, представленных исключительно расщепленным и обработанным кремнем. Раньше отсюда были известны лишь находки небольшого количества кремней в урочище Моната (Сенигова, 1951), трех местонахождений близ оврага Кендерли и из мастерской каменного века в урочище Босага (Виноградов, 1968). По своему географическому положению открытые в 1970 г. памятники заполняют белое пятно между Прикарабугазьем (Коробкова, 1969) и Северо-Восточным Прикаспием (Праслов и др., 1969).

Все вновь открытые памятники доставили материал, достаточный для их характеристики. Два местонахождения выявлены на чинке вдоль сора Мертвый Култук. Одно из них расположено в 2—3 км западнее урочища Акбулак примерно в 40 км к северо-востоку от развалин форта Новоалександровский. Здесь на ограниченной площади собрано 80 расщепленных и обработанных кремней. Среди них 20 изделий со вторичной обработкой, 1 сильно сработанный призматический нуклеус и около 60 отщепов и сечений пластин. Из орудий наиболее выразительны 5 скребков разного типа и серия усеченных пластинок, ретушированных по продольным, а иногда и по поперечным краям (рис. 14, 23—27). Часто отмечается наличие противоположащей ретуши не только на пластинках, но и на скребках. Обращает на себя внимание 1 концевой

скребок на обломке широкой пластины, лезвие которого сознательно сужено путем ретуширования обоих продольных краев (рис. 14, 27). Судя по публикациям, скребки такого типа, иногда, правда, с более тонкой ретушью по боковым краям со стороны брюшка, отмечены в неолите южных и восточных районов Устюрта (Виноградов, Шолохов, 1970). Близкий Акбулаку по технике первичного раскалывания каменный инвентарь встречен на местонахождении Мертвый Култук примерно в 15—18 км северо-восточнее форта Новоалександровского. Здесь собран 101 кремьнь. Из них 29 орудий и 62 отщепа и сечения пластин. Почти треть орудий представлена разнотипными скребками — 10 экз. Много ретушированных сечений относительно массивных пластинок и несколько острий и пластин с притупленным краем (рис. 14, 15—22). Характер ретуши на орудиях такой же, как и в Акбулаке, но набор инвентаря здесь несколько иной.

Очень выразительный каменный инвентарь найден на местонахождении Сай-Утес, в овраге, в 1—2 км от станции. С площади около 1 км² здесь собрано 250 экз. кремня. Большинство изделий (226 экз.) изготовлено из серого «устюртского» кремня и составляет единый наиболее ранний комплекс. Выделяются 24 кремня иной, более темной окраски, иногда с легким коричневато-розоватым оттенком. Последние не типизированы и, по нашему мнению, являются более поздними, близкими по характеру обработки и по времени Акбулаку. Ранний комплекс характеризуется четко выраженной пластинчатой техникой расщепления. Примерно пятая часть изделий имеет вторичную обработку. Среди них выделяются группы концевых скребков, обломок двусторонне обработанного наконечника, выемчатые скобели и серия ретушированных пластинок (рис. 14, 1—14), 1 обломок пластинки с прямо срезанным поперечным концом (рис. 14, 1) и 1 обломок такой же пластинки с вогнутым поперечным концом (рис. 14, 2), которые по типу обработки близки к геометрическим формам — прямоугольникам и асимметричным трапециям, представленным хорошей серией в пятом слое Джебела (Окладников, 1956). Выемчатые скобели представлены как на узких удлиненных пластинках джейтунского типа, так и на отщепах (рис. 14, 10, 11). Комплекс в целом однороден и относится либо к концу мезолита, либо к ранним этапам неолита. Близкую аналогию Сай-Утесу по технике расщепления составляет местонахождение Бесшимрау, расположенное примерно в 50 км к востоку от Сай-Утеса в глубине плато у небольшой котловины с колодцами.

Из урочища Когусем находки были известны давно, но по сведениям А. В. Виноградова они не сохранились. Новый материал собран здесь на двух местонахождениях. Одно из них расположено в 1—2 км к югу от Когусема и примерно в 0,5 км к западу от какого-то позднего кладбища. Здесь собрано 428 кремней с площади около 1 км². Использовался кремьнь светло-серый с коричневато-розоватым оттенком, аналогичный кремню большинства местонахождений северо-запада Туркмении. 112 кремней имеет вторичную обработку. Пластины грубее, чем в Сай-Утесе, но количество их довольно высокое — 138 экз. по сравнению с 168 отщепами. Их длина сознательно ограничена, на что указывают и укороченные нуклеусы. Среди орудий особенно много ретушированных пластин. Ретушь часто противолежащая, а иногда только со стороны брюшка (рис. 14, 28—31). По типологии данное местонахождение сопоставимо с некоторыми неолитическими памятниками Устюрта (Формозов, 1949). Когусем II, расположенный в 12 км к юго-западу от Когусема I, аналогичен последнему по инвентарю. Совершенно другой тип каменной индустрии доставило местонахождение Карын-Ярык, находящееся в 42 км к северо-востоку от спуска Кызылсай. Здесь на неболь-

шой ограниченной площади (50×40 м) собрано более 500 расщепленных и обработанных камней. Среди них преобладают отщепы мустьерондного типа, часто с зубчатой ретушью, и серия двусторонне обработанных форм орудий (рис. 14, 33, 34). Выделяется один частичный бифас (рис. 14, 34), напоминающий мустьерские рубильца. Присутствие в коллекции грубопризматических пластин и обломков нуклеусов не позволяет относить данный памятник к мустьерской эпохе. Возможно, он относится к позднему палеолиту. Но для окончательного вывода необходимы более достоверные факты. Охарактеризованные выше новые материалы позволяют говорить только о том, что западные районы плато Устюрт были широко освоены первобытным человеком по крайней мере в эпоху мезолита—неолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А. В. 1968. Неолит Устюрта. В сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М.
Виноградов А. В., В. В. Шолохов. 1970. Новые данные о неолите Западной Туркмении. В сб.: Каракумские древности, в. III, Ашхабад.
Коробкова Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158.
Окладников А. П. 1956. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII.
Праслов И. Д., Г. Б. Постников, Е. В. Ротшильд. 1969. Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии, КСИА, в. 117.
Сенигова Т. Н. 1951. Находки кремня в западных районах чика Усть-Урга и в приаральских Кызылкумах. ИАН КазССР, сер. археол., в. 3.
Формозов А. А. 1949. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСНИМК, в. 25.

О. Бердыев

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСТЕННЫЕ ФРЕСКИ

Последние годы одной из основных тем археологических изысканий на Востоке является изучение древнеземледельческих культур, и в этой области сделаны едва ли не наиболее выдающиеся открытия. В результате раскопок 1960—1970 гг. были изучены поселения Чонал-Депе, Тоголок-Депе и Песседжик-Депе. Все эти поселения, группирующиеся в районе Геок-Тепе, в древности, очевидно, представляли собой один небольшой земледельческий оазис с центром на Песседжик-Депе. Здесь в 1968 г. было открыто крупное строение (№ 12), игравшее роль общинного дома, «святилища», стены которого были украшены выступами-пилястрами. Раскопки 1969 г. показали, что ниже общинного дома также расположены руины крупной постройки, стены которой сохранили следы росписи, являющейся древнейшей известной нам фреской на территории нашей страны. Она датируется VI тыс. до н. э. До раскопок Песседжик-Депе настенные рисунки были встречены лишь в памятниках энеолитического времени — Анау, Яссы-Депе у Каахка (IV тыс. до н. э.). Раскопки на Песседжик-Депе доставили нам первые образцы фресок джейтунской культуры. Это второе в мире поселение после Чатал-Гююка (Турция) с настенными фресками эпохи неолита.

Можно отметить сложную технику подготовки фона для живописи. Поверх стены был нанесен слой довольно хорошо отмученной, плотной глины желтого цвета, толщиной 3,5 см. Поверх первого слоя глины был нанесен слой глины с очень большим количеством каких-то растительных волокнистых включений. Эта глина представляет собой основу, на которую наносится белый грунт, состоящий из извести,

Поскольку такая побелка не включалась в грунт, а наносилась поверх, то она вследствие своей незначительной толщины оказалась с течением времени частично уничтоженной вместе с росписью. Роспись наносилась красной и черной краской и состояла из разнообразных сюжетов (рис. 15). Имеются три фигуры копытных животных и две фигуры кошачьей породы, возможно барсы. У первых подчеркнуто удлиненная фигура и спаренные ноги. Подобные профильные силуэтные рисунки характерны для изобразительного искусства (например, для наскальных рисунков) более ранних охотничьих племен. Барсы изображены с поднятыми хвостами, отличаясь этим от изображений барсов на расписной керамике Южного Туркменистана эпохи бронзы, где хвосты хищников обычно опущены вниз. Отметим, что керамика данного времени покрыта лишь довольно скромной по расцветке монохромной орнаментацией, а в панно «святилища» Песседжик-Депе налицо явное стремление к полихромии: хищники нарисованы черной краской, а копытные — красной. Спереди изображены двухцветные параллельные полосы с небольшим наклоном, шевроны и различные пятна. Возможно, некоторые из пятен являются остатками изображений животных, которые с течением времени оказались стертыми. Еще левее видны изображения, выполненные красной краской, напоминающие стилизованную фигуру человека в позе стремительного бега. Вспомним, что и фигурки человека этого времени также имели сильно стилизованную форму.

При тщательном осмотре панно создается впечатление, что какие-то копытные животные отчаянно спасаются от хищников, а навстречу стремительно бежит человек. Следует отметить, что именно охотничий сюжет характерен для большинства наскальных изображений эпохи палеолита и мезолита. Этот сюжет встречается и в фресках святилищ Чатал-Гююка. Однако рисунки из «святилища» Песседжик-Депе проще и архаичнее, нежели фрески Чатал-Гююка. У западного угла северо-западной стены имеются рисунки в виде больших геометрических фигур (треугольник и ромб), выполненных черной краской. Следует отметить большую близость этих фигур панно Песседжик-Депе с отдельными орнаментальными деталями настенной росписи культовых зданий неолитического времени (IV тыс. до н. э.) Южного Туркменистана (Яссы-Депе и Анау).

Раскопки 1970 г. на поселении Песседжик-Депе показали, что еще ниже этого «святилища», на уровне третьего строительного горизонта, расположены развалины еще одной крупной постройки, стены которой также покрыты различными рисунками. Полихромная настенная роспись была обнаружена и в помещении № 19, расположенном в центральной части поселения. Эти фрески в монолите были сняты со стен и перенесены в отдел археологии Института истории им. Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР. Во вскрытой части обнаружены двухцветные (красные и черные) параллельные полосы, шевроны и различные пятна, а также рисунок птицы с распростертыми крыльями.

И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОЛИНЕ КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

Для изучения истории древних племен Киргизии большой интерес представляют памятники эпохи поздней бронзы, открытые в последние годы в долине Кетмень-Тюбе. В течение трех полевых сезонов — 1968—1970 гг. — здесь в зоне затопления Токтогульского водохрани-

лица велись раскопки остатков поселения Джал-Арык и могильника Джазы-Кечу (Кожомбердиев, Галочкина, 1969).

Поселение Джал-Арык находится на левом берегу р. Чичкан на территории нового районного центра Токтогул. Местность ровная — пахотная земля. Поселение было случайно обнаружено рабочим Проектного института Киргизгипростроя при шурфовании участка нового райцентра на пробу грунта. В одном из шурфов на глубине 1,5 м были встречены древесные угли, зола и обломки глиняных сосудов с орнаментом. Эти материалы были переданы инженером Проектного института В. Я. Зайцевым в Институт истории АН Киргизской ССР. Здесь был заложен раскоп площадью 144 м². Установлено, что слой с целыми формами и крупными фрагментами керамики, обломками зернотерки, большим количеством золы, древесного угля и пятнами прокалившейся земли находится на глубине 150—170 см от современной поверхности. Мощность этого культурного слоя на площади 70 м² около 30—40 см. Получен керамический материал (более 15 сосудов) в виде обломков орнаментированной и неорнаментированной глиняной посуды; отдельные формы некоторых из них восстанавливаются (рис. 16). Сосуды достаточно крупные (высота 25—42 см; диаметр венчика 24—26 см), лепные, асимметричные, с округлым туловом и плоским дном. Преобладают сосуды с отогнутым венчиком, с валиком и со скошенным краем. У некоторых сосудов место перехода от шейки к тулову подчеркнуто небольшим уступчиком. По венчику часто проходит орнамент в виде полулунных вдавлений, косых насечек и узкой ленты, выполненной гребенчатым штампом. По шейке и плечикам сосудов также нанесен орнамент в виде вертикальных насечек («елочки»), выполненных гребенчатым штампом.

Керамика поселения Джал-Арык по технике изготовления, формам и орнаменту прежде всего очень близка сосудам из могильника Джазы-Кечу. Имеется довольно близкое сходство с керамикой поселений Ферганы, Северной Киргизии, Центрального и Северного Казахстана (Литвинский и др., 1962, стр. 376; Маргулан и др., 1966, табл. XXII, XXIV). Аналогичные формы сосудов встречаются также в материалах эпохи бронзы долины Таласа, Ташкентского оазиса и Хорезма.

Могильник Джазы-Кечу расположен на левом берегу р. Нарын, примерно в 4—5 км от перевала Кок-Бель. Это обширный могильник, количество оградок которого сейчас установить трудно. За два сезона здесь были вскрыты 52 оградки. Внутреннее пространство оградок не возвышается над окружающей местностью. Выложены они из рваного камня, уложенного плашмя в один ряд.

Оградки расположены довольно правильными рядами, изолированно друг от друга. Преобладают оградки округлой и подпрямоугольной формы; последние ориентированы углами по странам света. Размер оградок 3.10—4.80×3.20—5 м. Подавляющее большинство их имеет «пристройки» (от одной до четырех), в которых совершались, видимо, детские захоронения. Размеры «пристроек» 0.9—2.60×0.75—2.80 м.

Все могильные ямы ориентированы длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. В большинстве случаев это грунтовые ямы; только 5 могил имеют камешную облицовку и края 9 ям были выложены камнем в один-два ряда. Размеры могил: длина 1.4—1.7 м, ширина 70—100 см. Плохая сохранность останков погребенных не дает четкого представления об антропологическом типе, способе захоронения и ориентации покойников. В 4 могилах обнаружены кальцинированные кости; в 3 — обожженные и необожженные. В 12 оградках найдены остатки костяков, свидетельствующие о существовании обряда трупоположения, видимо, скорченного. Все погребения ограблены. Погребальный инвен-

тарь представлен керамикой и двумя предметами из бронзы — игла и ссрыга, изготовленная из проволоки, скрученной по спирали в конус; 60 целых и фрагментированных сосудов получены из могильных ям (от 1 до 5) и из задернованного слоя внутри оградок (всего 5 случаев). Сосуды горшксообразной и баночной формы, плоскодонные, асимметричные, с плавной линией перехода от венчика к тулову и дну; у 4 сосудов в первом случае есть четкий уступчик (рис. 17). Тесто имеет примесь дресвы, разную степень обжига, серовато-коричневатый цвет. У 5 сосудов черная внешняя поверхность и черное тесто. Орнамент украшает 12 сосудов. Это горизонтальные ряды насечек разной формы — типа «елочки» и зигзагообразных линий, заштрихованные ромбы, углы, поставленные вершинами внутрь впереди стоящего угла.

Исследованные погребения по способу устройства оградок, их ориентации, конструкции могильных ям, способу погребения, формам посуды и отдельным мотивам орнамента находят параллели в могильниках Киргизии, Ферганы, Хорезма, Северного и Восточного Казахстана (Кожемяко, 1960; Оразбаев, 1958, стр. 259—263; Гамбург, Горбунова, 1956, стр. 86; Итина, 1961, стр. 18—43). В целом материалы эпохи бронзы с поселения Джал-Арык и могильника Джазы-Кечу синхронны, представляют единую культуру, имеющую специфические особенности, и дополняют новыми фактическими данными материалы тянь-шаньского локального варианта андроновской культуры. Приведенные широкие параллели с окружающими районами подтверждают слова М. П. Грязнова о том, что андроновские племена Тянь-Шаня отличались от других андроновских племен лишь некоторыми внешними формами своей культуры, материальная же основа их социальной жизни и хозяйства была в общих чертах одинаковой (Грязнов, 1968, стр. 58).

ЛИТЕРАТУРА

- Гамбург Б. З., Н. Г. Горбунова. 1956. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСНИМК, в. 63.
Грязнов М. П. 1968. Бронзовый век, История Киргизии. Т. I. Фрунзе.
Итина М. А. 1961. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3. МХЭ, в. 5.
Кожемяко П. Н. 1960. Памятники эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН КиргССР, СОН, т. II, в. 3.
Кожомбердиев И., И. Г. Галочкина. 1969. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968 г.
Литвинский Б. А., А. П. Окладников, В. А. Ранов. 1962. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
Маргулян А. Х., К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Оразбаев А. М. 1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 5.

Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев

СТОЯНКА СТЕПНОЙ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В начале июля 1965 г. на территории центральной усадьбы совхоза им. Кирова при строительстве жилого дома были найдены культурные остатки, относящиеся к эпохе бронзы. Центральная усадьба им. Кирова расположена в северной части Вахшской долины (в 12 км к востоку от г. Курган-Тюбе), в Южном Таджикистане, на самой верхней террасе р. Вахш.

В декабре 1965 г. на месте первоначальных находок были начаты небольшие по площади раскопки, завершенные в 1970 г.¹ К сожалению

¹ Раскопочную группу Южно-Таджикистанского отряда (руководитель Б. А. Литвинский) возглавлял В. С. Соловьев.

нию, заложить единый большой раскоп оказалось невозможно. Дело в том, что площадка, на которой были сделаны находки, ограничена с востока крупным оросительным арыком и лежащей рядом с ним шоссейной дорогой, с запада — хлопковым полем, а с севера и юга — жилыми домами. Приходилось делать между домами сравнительно небольшие раскопы. Всего раскопов было заложено шесть (раскоп № 1 — 4.5×2 м; раскоп № 2 — 9.6×6 м; раскоп № 3 — 6.6×5.5 м; раскоп № 4 — 3.50×2.60 м; раскоп № 5 — 5.20×3 м; раскоп № 6 — 6.80×50 см). Территория стоянки была околонтурена разведочными шурфами 1×1 м. Площадь, на которой встречались находки, вытянута с востока на запад полосой 40×10 м; удалось вскрыть треть ее (130 м²).

Раскопками были выявлены два культурных слоя (рис. 18), отделенных друг от друга лёссовой толщей (50 см). Верхний культурный слой залегал на глубине 70 см от поверхности; нижний — на глубине 120—125 см. Слои залегали на одинаковой глубине от поверхности на всей площади стоянки; по-видимому, древний микрорельеф был ровным. Сверху культурные слои были перекрыты современными пригационными отложениями, толщина которых 40—50 см. Верхний и нижний культурные слои были расчищены только в раскопах № 1 и № 2, в раскопах № 3 и № 5 был вскрыт только нижний культурный слой, а в раскопе № 4 лишь верхний культурный слой. Толщина культурных слоев незначительна (3—5 см), что позволяет говорить о двух недолговременных стоянках, связанных, видимо, со старицами р. Вахи или с самой рекой. Ранняя стоянка была затоплена водой (разлив села?): на всей площади вскрытого нижнего слоя лежит тонкий слой песка. Почти во всех раскопах в нижнем слое были вскрыты очаги круглой формы, диаметр которых доходит до 50 см. Очаги есть двух типов. К первому типу относятся простые очаги, сложенные на полу жилищ в виде каменного кольца. В раскопе № 1 очаг был сложен из камней и песчаных плиток. Ко второму типу относится очаг, вскрытый в раскопе № 3. Он состоит из топки — углубления в полу и каменного кольца, выложенного на полу вокруг углубления. Камни, из которых были сделаны очаги, сильно закопчены и обожжены. Основная часть находок керамики и мелких (неопределенных) фрагментов костей сделана у очагов. В ходе работ никаких сколько-либо четких остатков жилищ не было обнаружено. На дне раскопов № 1 и № 2 были заложены шурфы 120×65 см. Они вошли в слой совершенно стерильного лёсса и при дальнейшем углублении никаких культурных остатков не дали. Основную часть находок составляет керамика (рис. 19, 20, табл. 1, 2).

ТАБЛИЦА I
Соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики

№ раскопов		Общее количество фрагментов	Орнаментированные фрагменты
Верхний слой	1	2	2 (100)
	2	23	4 (17)
	3	—	—
	4	1	—
	5	1	—
	6	—	—
Итого . . .		27 (100)	6 (23)

Нижний слой	1	63	17 (11)
	2	65	12 (18)
	3	112	10 (9)
	4		
	5	8	1 (12)
	6	—	—
Итого . . .		248 (100)	40 (12)

Примечание. В таблицах 1 и 2 цифры в скобках — проценты.

ТАБЛИЦА 2

Орнаментированная керамика

№ раскопов	Общее количество орнаментированных фрагментов	Гребенчатый штамп	Плоский штамп	Комбинированный штамп*
Верхний слой	1	2	1	—
	2	4	—	—
	3	—	—	—
	4	—	—	—
	5	—	—	—
	6	—	—	—
Итого . . .		6 (86)	1 (14)	—
Нижний слой	1	7	3	—
	2	12	6	—
	3	10	4	2
	4	—	—	—
	5	1	—	1
	6	—	—	—
Итого . . .		30 (100)	13 (40)	3 (10)

* Комбинированный штамп — орнамент, нанесенный гребенчатым и плоским штампом.

Керамика нижнего слоя (248 фрагментов) ручной работы. Обжиг в основном серый; количество черепков красно-коричневого цвета невелико (всего 5). Ленка сосудов произведена очень тщательно. Тесто хорошей отмучки, но в нескольких случаях с включением мелкоотличенного белого камня (диаметром до 1,5 мм). Поверхность затиралась, а иногда и лощилась. После этого наносился орнамент. Поломанные сосуды ремонтировались, для чего в стенках просверливались дырочки. Некоторые крупные фрагменты позволяют судить о форме сосудов. Распространенной была форма мало выпуклых горшков с покатыми плечиками, плавно переходящими в высокое, слабо вогнутое горло. Диаметр горла 17—24 см. Венчик — прямое продолжение стенки; верхняя плоскость его округло-выпуклая или плоская. Вторая форма — это узкогорлый горшок (диаметр 14 см) с крутыми, почти уступчатыми плечиками, невысоким горлом и округлым, в виде валика, венчиком. Судя по мелким фрагментам, некоторые сосуды этой формы имели молоточковидный, приотстренный наружу венчик.

Особая форма — крупный горшковидный сосуд со слабо выпуклым корпусом, без выделенного горла. Венчик в виде наклонного наружу прямого среза. В верхней части корпуса два горизонтальных валика, отсекающих от венчика полосы шириной 4,8 см (верхний валик) и

4.5 см (расстояние между двумя валиками). Диаметр сосуда 26 см (рис. 19, Б, 3). Сохранились 4 нижние части сосуда. В двух случаях имеется выделенный плоский поддон (высотой 0.3—0.7 см).

В орнаментированных сосудах и первой и второй формы был покрыт орнаментом, насколько позволяют судить фрагменты, по крайней мере весь верх (горло, плечики, верхняя часть корпуса). На одном сосуде первой формы нанесен простейший вид орнамента — обращенные вершинами вверх крупные равнобедренные треугольники, площадь которых заполнена уголками крупного штампа (4×4 мм). Столь же элементарен орнамент на другом сосуде первой формы: в пояске из двух горизонтальных линий несоприкасающиеся кружки (диаметр 8 мм), нанесенные штампом; ниже — более узкий поясок, в который вписаны обращенные вершиной вверх полуovalы; у основания горла — еще один поясок с таким же полуovalом. Более сложный и насыщенный орнамент на третьей горшке первой формы: на горле — широкий пояс, образованный сверху и снизу спаренными горизонтальными линиями, внутри рассеченный параллельными наклонными пучками линий; ниже — узкий поясок, по полю которого в шахматном порядке нанесены уголки треугольного и овально-ромбического штампа (в 2 ряда). Еще ниже, уже на корпусе сосуда, — пояс из крупных и вытянутых заштрихованных остроугольных треугольников вершиной вниз (основание их 6.5—7.0 см, высота около 9 см). Штрихи, заполняющие поле треугольников, наклонные к основанию. Орнамент выполнен плоским штампом.

Интересен орнамент на горшке второй формы (рис. 19, Б, 2). По горлу идут вытянутые «углы», очерченные линиями, выполненными плоско-линейным штампом. Острый конец одного «угла» вставлен в расширение другого. Внутри «углов» — пучки расходящихся отрезков, нанесенных зубчатым штампом. Ниже, по плечикам, две разделенные линией горизонтальные полосы, состоящие из вдавленных «углов». Еще ниже, по корпусу, — крупные остроугольные треугольники вершинами вниз, заштрихованные резко наклонными линиями, нанесенными зубчатым штампом (границы треугольников образованы плоско-штампованной линией). Имеется несколько фрагментов с орнаментом такого же типа. На сосуде третьей формы (рис. 19, Б, 3) два верхних пояска заняты вертикальными зигзагами, поле между которыми поочередно то гладкое, то в верхней части заполнено резными линиями, прочерченными с помощью гребенки. Кроме того, имеются сложные композиции из треугольников. Штампованные оттиски нанесены мелко-зубчатым штампом (чаще от 1×1 мм до 2×1.5 мм). Хотя встречаются равнобедренные треугольники, преобладают косоугольники. Особняком стоит фрагмент керамики из раскопа № 1. Он красноглиняный, леплен от руки. Высокое качество теста, характер обжига, тщательность обработки лощеной поверхности — все это с полной определенностью выделяет этот фрагмент из всей серии и заставляет связывать его с другой керамической традицией. К сожалению, форма этого сосуда неопределима (по-видимому, плечики и горло небольшого сосуда).

Верхний слой дал меньшее количество керамики — всего 27 фрагментов (из них половина красно-желтоглиняных). Тесто у большинства фрагментов с большим количеством примесей — мелко толченого камня. На 5 фрагментах внутри — отпечатки матерчатого шаблона.

Привлекает внимание верхняя часть желтоглиняного сосуда с рожковидным носиком-сливом, посаженным под горловиной (рис. А, 1). Горловина невысокая, заканчивается утончающимся венчиком. Рожок невысокий (2.5 см), овальный (3.1×3.6 см). Из орнаментированных сосудов следует остановиться на крупном сером фрагменте стенки

(рис. 19, А, 3), где имеется сложный узор из лент, очерченный плоскими штампованными линиями, с внутренней плоскостью, заполненной отпечатками гребенчатого штампа.

Были также обнаружены литейные формы, в том числе овальная в плане половинка составной литейной формы (18.5×11 см при толщине 5—5.3 см). Один из узких торцов отбит. Одна широкая плоскость отполирована, и на ней вырезаны два гнезда для совмещения половинок формы и углубление для отливки предметов (рис. 21, 1). Судя по этому углублению и пластилиновому оттиску, плоская лезвийная часть предмета шириной 2.2—2.5 см и длиной 17.5 см имела почти параллельные грани, слабо суживающийся клинок с округло-треугольным завершением. Эта лезвийная часть резко утолщается в сторону, противоположную навершию, где она достигает 0.5—0.6 см (т. е. 1—1.2 см, когда форма сложена). Затем следует резкое сужение до 1.8 см, причем желобок становится полукруглым в сечении (глубина 0.8—0.9 см). Именно в этой части форма обломана. Есть еще одна половинка составной формы, изготовление которой не было завершено (отполирована одна плоскость и высверлены гнезда; они в точности совпадают с гнездами на первой форме). Не исключено, что это половинки одной и той же формы. Что же касается предмета, для отливки которого предназначалась данная форма, то здесь можно высказать предположение, что это, быть может, втульчатый наконечник копья. Названные формы происходят из верхнего слоя, как и формы для отливки небольшого зеркала диаметром около 8 см, с бортиком (рис. 21, 3). В нижнем слое обнаружена форма для отливки какого-то предмета с рукоятью или втулкой (рис. 21, 2). Из нижнего слоя происходят также куски других форм, а из верхнего фрагмент керамической льячки.

В быту находили применение и многочисленные каменные орудия, об изготовлении которых свидетельствуют каменные отщепы (нижний и верхний слои — 16 экз.). Из нижнего происходят также узкая зернотерка (26.5×10.5 см при толщине 4.6 см), скорее употреблявшаяся как терочник, и обломанное ударное орудие.

Керамика нижнего слоя находит многочисленные аналоги в керамике культур степной бронзы. Остановимся лишь на нескольких моментах. При сопоставлении с памятниками андроновской культуры прослеживается определенная близость к керамике федоровского этапа. Большая часть сосудов первой формы по своему профилю приближается к федоровским. Об этом же свидетельствует орнаментальная схема некоторых сосудов. Мелкозубчатый штамп особенно характерен для памятников федоровского этапа (Сорокин, 1962, стр. 81), хотя встречается и на следующем, алакульском этапе; например, в керамике из Алексеевского поселения и могильника, где использовался для нанесения наиболее сложных узоров (Кривцова-Гракова, 1947, стр. 58, 1). Другая особенность рассматриваемой керамики — нанесение узоров не менее чем на половине орнаментированных фрагментов с помощью гребенчатого штампа — перекликается с керамикой федоровского этапа, где такой орнамент вообще преобладает (на алакульской керамике он встречается сравнительно редко) (Сальников, 1967, стр. 248—285). Очень существенно наличие на посуде из совхоза им. Кирова косоугольных треугольников; их большинство. Этот орнаментальный мотив характерен именно для федоровских сосудов, позже он исчезает (там же, стр. 302). Если исходить из схемы К. В. Сальникова, рассматриваемую керамику следовало бы поместить в федоровский этап или в переходный, федоровско-алакульский. Разумеется, такой прямой перенос этой схемы, выработанной на материалах из Приуралья, на материал, происходящий из Южного Таджикистана, явно

неправомерен, тем более что орнаментальные композиции не находят полных аналогий ни в приуральских, ни в иных, андроновских, памятниках.

Рассмотрим в этой связи некоторые закономерности развития орнамента на керамике среднеазиатской степной бронзы. В Хорезме гребенчатый штамп, характерный для раннетазабагьябских комплексов, затем исчезает (Итина, 1960, стр. 103). На стоянке Ангка 5 половина орнаментированных сосудов украшена с помощью гребенчатого штампа (там же, стр. 86). В материалах более позднего могильника — Кокча 3 гребенчатого штампа почти нет, причем преобладают равнобедренные треугольники (Итина, 1961, стр. 69—70). На самых ранних кайрак-кумских поселениях — № 12 и № 16 — наблюдается преобладание керамики с гребенчатым штампом (соответственно 61 и 68% от общего числа орнаментированной), но и в этих комплексах косоугольные треугольники встречаются лишь спорадически (Литвинский и др., 1962, стр. 240, 242, 252—253).

Учитывая и эти традиции в развитии орнамента, казалось, можно было бы считать нижний слой поселения, обнаруженного в совхозе им. Кирова, более ранним, чем начальная дата вышеуказанных тазабагьябских и кайрак-кумских памятников, т. е. XV в. до н. э. Вместе с тем наличие вертикального зигзага (сосуд третьей формы) заставляет вспомнить, что этот мотив, распространенный и на федоровской, и на алакульской стадии, все же более характерен для последней, как и заполняющий пространство между зигзагами орнамент «проташенной гребенки» (Сальников, 1967, стр. 301—303; Кривцова-Гракова, 1947, рис. 58, 1). Вертикальный зигзаг нередок и на тазабагьябской керамике (Итина, 1960, рис. 43, 11, 1). В тазабагьябских комплексах имеются аналогии сосудам второй формы (Итина, 1965, рис. 2, 4; см. также: Гулямов и др., 1966, табл. XXXVIII). Могут быть отмечены и другие аналогии в тазабагьябской керамике, но и в отношении этих аналогий следует указать на приблизительность сходства и на отсутствие в огромном количестве уже известных образцов тазабагьябской керамики сколько-либо полных совпадений. По-видимому, здесь представлена иная, местная, группа керамики степной бронзы, отличная от тазабагьябской. Все вышеуказанное позволяет предложить в качестве первой предположительной попытки дату для этого комплекса — середина II тыс. до н. э. Еще более затруднительна (из-за недостатка материала) датировка верхнего слоя. Судя по всему комплексу (о сосудах со сливами-рожками см.: Литвинский и др., 1962), он скорее всего относится к концу II—началу I тыс. до н. э.

Мы вполне отдаем себе отчет, насколько слабы предпосылки, на которых основаны предложенные датировки; последние следует рассматривать как условные, с возможным смещением в одно-два столетия. Немногочисленность материала, отсутствие серий степной бронзы на юге Среднеазиатского междуречья и своеобразие рассматриваемого комплекса, выделяющего его из серий с более отдаленных территорий, — все это безусловно повышает интерес и значение публикуемых материалов. В самом деле, до сих пор с территорий Южного Таджикистана было известно лишь несколько изолированных находок предметов, непосредственно связанных с кругом степной бронзы; найденные Х. Мухитдиновым сосуды из Саксан-Охура (Литвинский, Мухитдинов, 1969, рис. 1), В. А. Рановым — фрагменты керамики из окрестностей Кара-Буры.

Окрестности Кара-Буры, давшие фрагменты андроновской керамики, и рассматриваемая стоянка находятся на левобережье р. Вахш. В нескольких десятках километров, но на правобережье, расположены ис-

следованные под руководством одного из авторов данной статьи могильники вахшской культуры. Керамический комплекс, обнаруженный в погребениях этих могильников, в значительной мере синхронен комплексу стоянки в совхозе им. Кирова, но совершенно отличен от него: по форме и технике сосуды из могильников близки керамике мургабского варианта культуры Намазга VI. Трудно переоценить важность вновь открытого памятника стеной бронзы как для интерпретации памятников вахшской культуры, так и для понимания основных линий сложного развития культуры южных областей Среднеазиатского междуречья в эпоху развитой и поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гулямов Я. Г., У. Пелямов, А. Аскарлов. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.
Иттипа М. А. 1960. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры в 1957 г. МХЭ, в. 4.
Иттипа М. А. 1961. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3. МХЭ, в. 5.
Иттипа М. А. 1965. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. МХЭ, в. 6.
Кривцова-Гракова О. А. 1947. Алексеевское поселение и могильник. ТГПИМ, в. XVII.
Литвинский Б. А., Х. Мухитдинов. 1969. Античное городище Саксан-Охур. СА, № 2.
Литвинский Б. А., А. П. Окладников, Б. А. Ранов. 1962. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
Сорокин В. С. 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120.

Г. А. Пугаченкова

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕБАКТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Маршрутные рекогносцировки, осуществляемые Узбекистанской искусствоведческой экспедицией на юге республики и связанные в основном с изучением античных и средневековых памятников, принесли в 1970 г. открытие остатков гораздо более древней археологической культуры на землях сельсовета Миршаде в Шурчинском районе Сурхандарьинской области, расположенного почти у подножия первой гряды гор, ограничивающих с северо-запада долину Сурхандарьи, куда спускаются горные сани. Близ русла одного из них зимой 1969 г. трактористами были выброшены из земли археологические остатки. Произведенное в 1970 г. нашей экспедицией обследование района и пробные раскопки уже позволяют охарактеризовать некоторые черты материальной культуры располагавшегося здесь архаического поселения.¹

Особая группа археологических объектов оказалась сконцентрированной на площадке размером около 120×80 м. Культурного слоя после распахки почти не сохранилось, хотя и удалось выявить какие-то зольники. Среди находок много предметов из камня: куски зерпоторок, куранты, терки со сработанными плоскостями, небольшое тесло, какой-то овальный гипсоватый предмет (рис. 22). Керамика в основном лепная; тесто грубоватого вымеса, с добавкой речного песка. Преобладают толстостенные сосуды кухонного назначения — котлы, горшки, на внешней поверхности которых видны следы копоти; форма их сфероидная (полностью не восстанавливается), закраины прямые или с отгибом наружу; у края нередко налпы для упора в виде шишечки или апельсиновой дольки; имеется иногда короткий круглогорлый слив.

¹ Участники работ: Г. А. Пугаченкова (руководитель экспедиции), Б. А. Тургунов, Э. В. Ртвеладзе, Т. В. Беляева, Е. А. Некрасова.

Черепок коричневатого цвета, обжиг неравномерный. На некоторых фрагментах стенок — мазки красной и черной краски или красной охры. Встречаются фрагменты более тонких сосудов из хорошо промытой глины желтоватого цвета, на которых красной или горчично-коричневой краской нанесены орнаменты в виде цепочки треугольников. Найден своеобразный сосуд в виде пары сращенных сбоку горшочков. Особый интерес представляет комплекс из 5 небольших предметов, найденных в одном месте. Они выточены из серо-черных галек и отполированы по поверхности; 4 из них — подставки (от 5 до 6,5 см по высоте), расширенные у пяти и сверху, где имеется небольшой углубленный резервуар; пятый объект — удлиненный пестик фаллической формы. Почти несомненно их ритуальное назначение: очевидно, пестиком растиралось на культовых подставках какое-то особое вещество, — может быть, растение сома (или хаома), столь чтившееся в индоиранском мире; сам же ритуал, судя по составу предметов, был связан с культом плодородия.

В этом же пункте обнаружена скульптурная голова со сколотым носом. Сделана она из красноватого камня, тщательно моделирована и отполирована по поверхности. Лицо широкое, безбородое, с большими миндалевидными глазами под врезами крутых бровей, с крупным ртом, небольшими раковинами ушей. Волосы разделены на пробор и облегают череп крупными прядями, обозначенными параллельными врезками.

По своему составу археологический комплекс сближается с культурами эпохи бронзы Южного Туркменистана и долины Инда. Фаллический пестик и подставки подобны найденным в Мохенджо-Даро и Хараппе; скульптура стилистически близка образу божества из Мохенджо-Даро; керамика же по формам и орнаментации сходна с комплексом Джхангар; вместе с тем лепная керамика с примесью песка характерна для культуры Яз I в долине Мургаба, хотя мотивы росписи там иные.

Еще три выявленных пункта древней культуры Миршаде, расположенные на расстоянии 2—3 км друг от друга, представляют остатки могильника и поселения. Для них характерен комплекс керамики, выполненной на гончарном круге (рис. 23). Черепок ее тонкий, плотного вымеса, розоватого, иногда красноватого цвета. Типичные формы сосудов — крупные, стройные вазы на высокой устойчивой полке, с широким резервуаром S-образного профиля; глубокие миски и чаши с небольшим донцем и сферо-коническим туловом, изогнутым у края внутрь; крупные горшки с отгибом рельефной закраины и с надломом, выделенным приостренным ребром в нижней части, при переходе к плоскому дну; небольшие широкогорлые, безручечные кувшинчики; отлогие горшочки. Большинство сосудов покрыто светлым ангобом, иногда они не ангобированы; вазы же, как правило, с ярко-красным или розоватым ангобом и часто с лощением, нанесенным concentрическими кругами снаружи резервуара, и с петлеобразными розетками внутри.

Расчистка некоторых не разрушенных при вспашке могил выявила, что покойники уложены в скорченном положении, на правом или левом боку; ориентированы могилы изголовьем на север или на северо-восток. Исключение представляет погребение ребенка, лежащего на спине, изголовьем на юг, с поворотом лица на запад. В могилах имеется погребальный инвентарь — несколько сосудов, а в одном из погребений оказались бронзовое зеркало и бусы. Керамика этого комплекса почти идентична по формам, черепку, ангобу или лощению керамике типа Намазга VI из Южного Туркменистана, особенно ее мургабскому

варианту, а в предгорьях Копетдага сосудам из Янги-Калинского могильника. По предварительному определению, культура Миршаде восходит к эпохе поздней бронзы и датируется соответственно второй половиной II тыс. до н. э.

Разведки на Миршаде пока лишь начаты. Тем не менее уже и на предварительной стадии можно говорить о принципиальном значении этого нового интересного пункта арханческой культуры для территории Средней Азии. Прежде всего это первый значительный памятник времени бронзы в долине Сурхандарьи. По своему характеру Миршаде принадлежит к тому единому кругу древних долинных цивилизаций, которые простирались от Тигра и Евфрата через Иранское плато и южные районы Средней Азии до Пенджаба включительно. В археологическом же отношении Миршаде занимает как бы промежуточное положение между культурами Южного Туркменистана типа Намазга VI и Яз I и постхараппской культурой долины Инда, свидетельствуя об очень древних историко-культурных связях с этими областями районов северного бассейна Амударьи, т. е. Северной Бактрии. Эти историко-культурные общности сохраняются здесь и позднее — в античное и средневекое время.

В. М. Массон

ШЕСТОЙ СЕЗОН РАБОТ НА АЛТЫН-ДЕПЕ

В 1970 г. на Алтын-Депе работы в основном сводились к изучению стратиграфии и продолжению систематических раскопок верхнего культурного слоя. Исследование напластований культурных слоев проводилось на раскопе I, где была расширена и углублена разведочная траншея, заложенная в 1969 г. А. Я. Щетенко (Щетенко, 1970; Массон, 1970). Здесь установлена четкая стратиграфическая колонка (рис. 24), основанная на смене строительных горизонтов и частично уточнившая картину, предварительно намеченную в 1969 г. Вскрытые горизонты могут быть объединены в четыре культурно-исторических комплекса (см. таблицу). Первый из них, включающий слои Алтын

Стратиграфия раскопа I		Намазга-Депе	Геоксюрский оазис
по раскопкам 1970 г.	по раскопкам 1969 г.		
Алтын 1 Алтын 2 Алтын 3	Алтын 1 Алтын 2 Алтын 3	Намазга V	Хапуз, ярусы I—II
Алтын 4 Алтын 5 Алтын 6 Алтын 7 Алтын 8	— Алтын 4 Алтын 5, 6 Алтын 7 Алтын 8	Намазга IV	Хапуз, ярусы III—XII
Алтын 9 Алтын 10 Алтын 11/12 Алтын 13 Алтын 14 Алтын 15 Ярусы XXXVI—XXXIX	Алтын 9 Алтын 10 Алтын 11/12 Алтын 13, 14	Намазга III	Чонг-Депе
	—	Намазга IV	Геоксюр I, 2
	—		Геоксюр 3
	—		Муллалли-Депе

1—3, дает материал, типичный для верхних наслоений памятника. Слои Алтын 4—8 общей мощностью 3,75 м относятся ко времени Намазга IV и рисуют картину эволюционного развития этого комплекса в его восточном варианте. Так, расписная керамика Алтына 4 относится к тому позднему типу комплекса, который был назван намазгинским (Массон, 1967, стр. 172). Частично сюда примыкает и слой Алтын 5, где, правда, уже в значительной мере представлен геометрический стиль многоступенчатых крестов и имеется фрагмент толстостенного сосуда с полихромной росписью. Господство этого стиля характерно для Алтына 6—8 (хапузский тип или раннее Намазга IV). В целом хапузский тип развивается на основе мотивов и композиционных схем геоксюрской керамики, но отдельные элементы явно инспирированы кара-депинской керамикой типа Намазга III (например, солярные круги в Алтыне 8).

Третий культурно-исторический комплекс определяется распространением керамики геоксюрского типа с полихромной росписью и охватывает слои Алтын 9—14 общей мощностью 3,5 м. Как известно, в настоящее время можно говорить о керамике раннегеоксюрского (слои Геоксюр 1 и 2) и позднегеоксюрского (Чонг-Депе, XIV—XIII ярусы Хапуз-Депе) типа (Сарганиди, 1964, 1965). На Алтын-Депе к позднему типу явно относятся слои Алтын 9 и 10, причем в слое Алтын 9 были найдены 3 импортных черепка кара-депинского типа, в том числе один с изображением барсов. Подражания кара-депинской керамике времени Намазга III имеются в слое Алтын 10, а один фрагмент даже как будто в слое Алтын 11/12. В слое Алтын 14 преобладает нерасписная керамика красного цвета с черными пятнами.

Наконец, четвертый культурно-исторический комплекс выделяется по керамике ялангачского типа и охватывает слой Алтын 15 и нижние слои траншеи, представляющие собой срыв культурных отложений. Расписная керамика, найденная здесь, наиболее близка такому памятнику Геоксюрского оазиса, как Муллали-Депе (Хлопци, 1969, табл. XVIII). В слое Алтын 15 и в XXXVI ярусе были найдены части массивных женских статуэток с росписью, покрывающей плечи и бедра (рис. 25). На шее одной из фигурок изображено ожерелье с подвесками, идентичное росписи на статуэтке с Муллали-Депе (там же, табл. XIX, 5). В целом полученные материалы показывают четкий генезис местной культуры эпохи бронзы на основе комплекса геоксюрского типа. Во многих слоях были найдены помимо керамики терракотовые пряслица и фигурки животных, а в слое Алтын 7 бронзовый крючок и проколка.

Верхний слой Алтын-Депе исследовался на раскопах 5, 9 и 11. На первом из них завершено вскрытие сохранившейся части жилого квартала, состоявшего из нескольких многокомнатных домов, принадлежавших, судя по размерам и наличию хозяйственных дворов с тандырами для выпечки хлеба, индивидуальным семьям, ведущим обособленное домашнее хозяйство. Замкнутая планировочная единица была выявлена и на раскопе 9, где жилой дом представлен «домом вождя», вскрытым в 1969 г. (Массон, 1970, рис. 6), а хозяйственный двор с подсобными строениями и тандыром располагался к северу и был расчищен в 1970 г. Размеры всего хозяйственного комплекса в целом намного превосходят дома, открытые на раскопе 5. Скорее всего мы имеем здесь дело с отражением социальной дифференциации в типах строений, когда дом раскопа 9 образовывал явление первого порядка, дома раскопа 5 — второго, а строение «холма ремесленников» (раскоп 10), возможно, даже явления третьего порядка (Масимов, 1970, рис. 15). Наконец, на раскопе 11, расположенном на юго-восточной окраине

Алтын-Депе, обнаружены мощные сырцовые кладки, скрывающие, очевидно, первоначальную обводную стену толщиной около 2,3 м.

Особый интерес представляет коллективное погребение, обнаруженное на раскопе 9 и располагавшееся в своего рода квадратном мавзолее, возведенном из сырцового кирпича и имевшем внутри размеры 2,2×2,2 м. Мавзолей был огорожен специальными стенами, так что по крайней мере с двух сторон образовался обводной коридор. В этом коридоре к востоку от камеры были обнаружены 3 миниатюрных сосуда и 3 женские статуэтки, принадлежащие к одному иконографическому типу и имеющие одинаковые знаки. Возможно, очередная статуэтка и сосудик помещались именно в коридоре вне погребальной камеры при совершении каких-то регулярных обрядов или при помещении в камеру очередного усопшего, положение которого требовало соответствующих подношений. Интересно, что на одной из статуэток помимо знака «треугольник с ресничками» есть процарапанное изображение восьмилучевой звезды (рис. 26), имевшее в Шумере и Вавилонии значение детерминатива божества, перед его собственным именем. В таком случае можно было бы в знаке «треугольник с ресничками» видеть символ или даже имя богини — покровительницы Алтын-Депе, поскольку статуэтки этого иконографического типа и с такими знаками встречаются исключительно на нашем поселении. Кстати, фигурка этого типа была обнаружена в погребальной камере на раскопе 5 в 1966 г. (Массон, 1967, рис. 11). В самой коллективной камере были обнаружены останки 38 человек, 34 сосуда и другие изделия, в том числе бронзовая печать, располагавшаяся у пояса одного из погребенных. В первой погребальной камере времени Намазга V, обнаруженной на Алтын-Депе в 1966 г. на раскопе 5, находились останки 14 человек и 2 печати, во второй (раскоп 7, 1969 г.) — также 14 человек и ни одной печати. Детальное изучение поло-возрастного состава погребенных безусловно будет иметь важное значение для исследования общества Алтын-Депе. Наблюдения В. И. Сариниди на позднэнеолитическом поселении Геоксюр показали, что там коллективные гробницы сооружались как для малой семьи, так и для большесемейной общины (число погребенных до 10—12 человек). Гробницы Алтын-Депе, открытые в 1966 и 1969 гг., по числу погребенных как будто тяготеют к этой второй группе. По числу захороненных в гробнице 1970 г. трудно видеть в ней усыпальницу большесемейной общины. Возможно, этот мавзолей обслуживал какую-то более крупную большесемейную единицу, например домовую общину, объединявшую несколько больших семей, обитавших в одном квартале. Отметим вместе с тем, что характер инвентаря не позволяет говорить о какой-либо особой состоятельности лиц, помещавшихся в этот мавзолей. Аналогичная картина наблюдалась и в двух других коллективных гробницах.

ЛИТЕРАТУРА

- Мясимов И. 1970. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе. В сб.: Каракумские древности, в. III, Ашхабад.
- Массон В. М. 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3.
- Массон В. М. 1970. Раскопки на Алтын-Депе в 1967 г. МЮТАКЭ, в. 3.
- Сариниди В. И. 1960. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X.
- Сариниди В. И. 1964. Хапуз-Депе — памятник эпохи бронзы. КСИА, в. 93.
- Сариниди В. И. 1955. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ-8, ч. IV.
- Хлопкин И. 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ-8, ч. III.
- Щетенко А. Я. 1970. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции АО 1969 г.

РАСКОПКИ «ВЫШКИ» НАМАЗГА-ДЕПЕ

Стратиграфическое изучение «Вышки» Намазга-Депе в широких масштабах было начато в 1968 г. (Щетенко, 1969). В 1970 г. работы были продолжены. Траншея 1968 г., расположенная на юго-западном склоне «Вышки», была расширена и превращена в раскоп (8×25 м). Вскрыто 7 строительных периодов времени Намазга VI и 2 строительных горизонта Намазга V. Два нижних строительных горизонта Намазга V были выделены благодаря глиняным промазкам полов. Кроме керамики, типичной для комплексов этого времени, были найдены 3 глиняные женские статуэтки. Особый интерес представляют знаки (шестилучевая звезда), украшавшие плечи и спины одной статуэтки. Это первая статуэтка со знаками, найденная на Намазга-Депе.

Три следующих строительных периода (время Намазга VI) связаны с большим зданием (10×4 м), состоящим в последнем периоде (Вышка 5) из двух помещений (3 и 4). Стены помещений сложены из необожженных кирпичей стандартных размеров (48×26×10 см и 50×25×10 см) и обмазаны штукатуркой. Глиняные промазки полов четко выделяют три периода в перестройке этого здания. Сохранность стен колеблется от 50 см до 2 м. Пом. 3 в первый период обитания (Вышка 7) включало две смежные комнаты (5 и 6), соединенные проходом. В южном углу пом. 6 стоял небольшой сосуд, а на полу пом. 5 стоял закрепленный квадратными кирпичами другой сосуд (высота 1,5 м, диаметр тулова 60 см). В нем оказался кирпич (25×25×15 см) с шестилучевой звездой. В пом. 4 в следующий строительный период (Вышка 6) было помещено 6 сосудов. На одном из них (сосуд 5) находилась плоская глиняная крышка. Другая крышка оказалась в сосуде 1, а третья лежала рядом. В третий строительный период (Вышка 5) оба помещения были забутованы рядами кирпичей. На верхнем полу пом. 3 находился выступ, около которого лежала каменная наковальня в виде плоского цилиндра. Пом. 4 было разделено на две комнаты (7 и 8). В пом. 7 под верхний пол (Вышка 5) было впущено погребение (№ 1). Погребенный уложен головой на юго-восток, в скорченном положении, на левом боку. Голова его покоилась на большом фрагменте керамики. Рядом лежал каменный предмет в виде конусообразного параллелепипеда с отверстием в центре.

Четвертый строительный период (Вышка 4) отмечен кирпичной кладкой, в основании которой оказался фрагмент каменной литейной формы. На уровне следующего горизонта этого строительного периода (Вышка 4а) был найден целый сероглиняный кувшин с гофрированным высоким горлом. Следующий строительный период (Вышка 3) отмечен уровнем пола и остатками кирпичной кладки (размеры кирпича 47×26×10 см). В бровке раскопа прослежен и верхний строительный период (Вышка 2), вскрытый в свое время в раскопе Б. А. Куфтиша.

Керамика всех строительных периодов времени Намазга VI представлена пятью группами: 1) светлоангобированная (намазганский тип); 2) такая же, но в изломе черепка розовый цвет (алтыновский тип); 3) красноангобированная, иногда с лощением; 4) кухонная посуда, в тесте примесь дресвы; 5) сероглиняная. Формы всех типов керамики, кроме четвертой, однообразны: чаши на ножках, кубки, розетки и пр., т. е. весь набор форм, который известен еще в комплексах времени Намазга V. Следует отметить лишь некоторое огрубление выделки сосудов. Четвертая группа представлена в основном котлами и горшками.

Подводя итоги работы на «Вышке» Намазга-Депе, необходимо подчеркнуть то новое, что дали эти раскопки. Впервые на этом памятнике найдена статуэтка со знаками, которые находят себе аналогии на других памятниках подгорной полосы Южной Туркмении. Кроме того, опять же впервые знаки обнаружены на необожженных кирпичках и на крышке от сосуда. Все это свидетельствует о том, что гипотеза о возможном существовании протописьменности на юге Средней Азии в эпоху поздней бронзы (Массон, Сариниди, 1969) получает новые подтверждения. Каменная литейная форма — уникальная находка для эпохи поздней бронзы Южной Туркмении. В то же время она позволяет точнее датировать средние слои времени Намазга VI, так как булавки, отливаемые в этой форме, известны в Янги-Калыкском могильнике (Ганялин, 1956, рис. 3), обильный материал которого также находит параллели на «Вышке» Намазга-Депе и поселении Теккем-Депе. Стратиграфическое изучение «Вышки» Намазга-Депе позволяет уточнить общее представление о длительности существования комплексов времени Намазга VI и сократить мощность культурных напластований с 7 м, как считали раньше (Куфтин, 1956), до 4.5 м, при семи строительных периодах, что по некоторым расчетам дает период в 280—350 лет (Хлопин, 1964, стр. 61—66).

Таким образом, раскопки на Намазга-Депе подтвердили существующее мнение, что после расцвета оседлоземледельческой культуры во II тыс. до н. э. (время Намазга V) в Южной Туркмении не наступает резкого упадка. Площади поселений сокращаются, но жизнь на них продолжает существовать по крайней мере еще несколько столетий. Интересно, что аналогичная картина наблюдается в Пакистане и Индии, где на смену блестящей хараппской цивилизации в середине II тыс. до н. э. приходят комплексы «упадочной» Хараппы. Появляется новый вид краслощенной керамики, которая, по нашему мнению, несомненно имеет много общего с краслощенной керамикой времени Намазга VI.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганялин А. Ф. 1956. Погребение эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ТЮТАКЭ, т. VII.
 Куфтин Б. А. 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1962 г. ТЮТАКЭ, т. II.
 Массон В. М., В. И. Сариниди. 1969. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы. ВДИ, № 1.
 Хлопин И. Н. 1964. Геоксюрская группа поселений эпохи неолита. М.—Л.
 Щетенко А. Я. 1969. Раскопки Тайчанак-Депе и Намазга-Депе. АО. 1968 г.

В. И. Сариниди

РАСКОПКИ 1970 г. НА УЛУГ-ДЕПЕ

Поселение Улуг-Депе — одно из немногих в Средней Азии, где слои эпохи раннего железа непосредственно перекрывают культурные напластования позднебронзового века. В 1970 г. на Улуг-Депе был заложен стратиграфический шурф размерами 7×4.5 м, доведенный на глубину 3.5 м. Шурф копался по ярусам (каждый ярус 0.5 м) так, что самый нижний, VII ярус оказался представленным типичным материалом времени Намазга VI. Кроме керамики найдены терракотовые изделия: женская статуэтка, головка верблюда и паленная змея. В целом аналогичная керамика представлена в VI ярусе, где, однако, появляются единичные лепные расписные фрагменты. Встречена женская ста-

туэтка. В V ярусе наряду с гончарной посудой типа Намазга VI количественно увеличивается лепная расписная, отмеченная еще в предшествующем ярусе. Здесь найдена и бронзовая печать.

Керамический комплекс IV—II ярусов резко отличается от нижележащего решительным преобладанием лепной расписной посуды над гончарной. Орнаменты преимущественно геометрические: треугольники, ромбы, пирамидки, заштрихованные косой сеткой. Ведущая форма — полусферическая чаша с расписным фризом в верхней части. Кухонная посуда представлена котлами с наленными косыми полосками и иногда выступами — ручками, жаровнями, крышками. Наиболее прямые соответствия имеются в комплексе Яз I в дельте р. Мургаб (Массон, 1959, табл. XVII—XXIX). В самом верхнем, I ярусе лепная расписная посуда (встречены лишь единичные фрагменты) замещается гончарной, среди которой выделяются банкообразные сосуды с подкошенной придонной частью и миски типа Яз II. Основные формы гончарной керамики I яруса восходят к керамическому комплексу VII яруса.

Таким образом, лепная расписная посуда постепенно распространяется еще в эпоху поздней бронзы (VI—V ярусы), становится ведущей в раннежелезном веке (IV—II ярусы) и, наконец, вытесняется гончарной в ахеменидское время (I ярус).

Впервые рассматриваемый комплекс расписной керамики выделен в Анау, где он был определен как сложившийся в результате завоевания традиционно земледельческих оазисов варварскими племенами степных культур Средней Азии (эпоха варварской оккупации — ЭВО). Однако в настоящее время появились данные, заставляющие пересмотреть эту устоявшуюся в литературе точку зрения. Так, керамика, близко напоминающая посуду типа ЭВО, обнаружена на североафганском поселении Тилля-Тепе (Кругликова, Сараниди, 1971, стр. 457—458) и на памятниках около г. Кучана (иранский Хорасан) (рис. 27). Причем в обоих случаях верхние слои памятников представлены керамикой типа Яз II. На Тилля-Тепе слои с лепной расписной посудой занимают толщу свыше 10 м, в то время как в Южном Туркменистане они не превышают 2.5—3 м. Очевидно, что есть основания предполагать сложение комплекса ЭВО под южным влиянием, а учитывая разную толщину соответствующих слоев, под влиянием районов Северного Афганистана. Однако не может быть исключено и иное допущение: соответствующие южнотуркменистанские и североафганские комплексы могли сложиться под влияниями, идущими из одного общего центра, скорее всего из иранского Хорасана. К сожалению, кучанские поселения еще не раскапывались, но сам факт их существования в Хорасане имеет для нас первостепенное значение.

Будущие исследования внесут коррективы в предложенную схему, однако бесспорным остается установленный факт сложения комплекса ЭВО в Средней Азии под южными воздействиями, носившими характер племенных передвижений, возможно неоднократных.

В этом отношении показательно, что в подгорной полосе Копетдага (судя по Улуг-Депе и, видимо, Елькен-Депе) лепная расписная посуда появляется еще в эпоху поздней бронзы, так что соответствующие слои в целом достигают мощности 3.5—4 м. В то же время более северные поселения (типа Яз-Депе) имеют мощность слоев до 2 м, а сам археологический комплекс Яз I выступает как бы в «готовом виде».

Весьма важные открытия сделаны в последние годы и на юге Узбекистана. Так, на поселении Кучук-Тепе (Альбаум, 1965) получен материал, чрезвычайно близко напоминающий аналогичный с Тилля-Тепе. Вместе с тем при несомненной культурной общности этих двух конкретных комплексов вполне определенно наблюдается более «перифе-

рийный» облик керамики Кучук-Тепе, проявляющийся в заметной бедности расписной посуды, мотивы орнаментов которой весьма немногочисленны и отличаются к тому же большей небрежностью исполнения. Еще более замечательные открытия сделаны около г. Денау, на землях сельсовета Миршаде, расположенного примерно в 150 км к северо-востоку от Кучук-Тепе. Здесь удалось зафиксировать разрушенный культурный слой былого поселения, где встречены расписные фрагменты лепной керамики (Пугаченкова, 1971, стр. 421), близко соответствующие посуде Кучук-Тепе и в опосредствованной форме сосудам Тилля-Тепе. Таким образом, нити цепочки поселений, идущая из пределов Северного Афганистана (Тилля-Тепе) и через правобережье р. Амударьи (Кучук-Тепе) уходящая до подножия гор северо-западной оконечности долины Сурхандарьи (Миршаде). Исходя из имеющегося материала есть все основания предполагать прямую генетическую связь между былыми обитателями указанных пунктов, количество которых бесспорно будет увеличиваться при дальнейших исследованиях.

В таком случае очевидно, что сложение культуры типа Яз I связано не с вторжением варваров среднеазиатских степей, а с постепенным расселением восточноиранских племен в пределах южных районов Северного Афганистана и Средней Азии. Тогда сложение памятников типа Кучук-Тепе и Миршаде следует рассматривать не в прямой связи с комплексом Яз I Южной Туркмении, а скорее в связи с дальнейшим распространением комплекса типа Тилля-Тепе, веским подтверждением чего является (помимо прочего) их территориальная близость. Как известно, II—начало I тыс. до н. э. связываются специалистами с расселением индоиранских племен. Рассмотренные археологические комплексы Средней Азии, Ирана и Афганистана полностью соответствуют по времени предполагаемым событиям, но лишь новое накопление фактов сможет дать реальные основания для перехода от предположительных допущений к обоснованным утверждениям. Пока намечаются лишь контуры направленности основных племенных передвижений, ведущие к решению этой сложной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбаум Л. И. 1965. Поселение Кучук-Тепе в Узбекистане. Матер. сесс., посв. 10-летию археол. иссл. 1961 г. в СССР, Баку.
Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, № 73.
Кругликова И. Т., В. И. Сараниди. 1971. Археологические исследования в Северном Афганистане. АО 1970 г.
Пугаченкова Г. А. 1971. Археологические исследования Узбекстанской культурно-исторической экспедиции. АО 1970 г.

Г. Н. Лисицына

О РАБОТАХ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Осенью 1970 г. в Юго-Западной Туркмении, на правобережье Атрака, в пределах так называемой Мешед-Мисрианской равнины, продолжал работы отряд по изучению истории земледелия, организованный Институтом археологии АН СССР для проведения специальных исследований на землях древнего орошения по трассе строительства IV очереди Каракумского канала. Работы отряда носили комплексный характер, сочетая археологические, геоморфологические, почвенные и палеоботанические методы¹.

¹ Работы проводились совместно со среднеазиатской экспедицией Института географии АН СССР.

В 35 км к северо-востоку от районного центра Кызыл-Атрек, в ареале памятников культуры архаического Дахистана (конец II—начало I тыс. до н. э.), был открыт ранее неизвестный оазис сельских поселений этого времени, названный нами Бенгуванским и зашифрованный под индексом Д-48. Никаких памятников более позднего времени на территории оазиса встречено не было. Оазис насчитывает 34 поселения, сосредоточенных на площади 15 км², которые представляют собой небольшие холмы (дупе), сплошь усыпанные по поверхности фрагментами керамики и отделенные друг от друга плоскими такыровыми пространствами.

Стратиграфические шурфы, заложенные на двух поселениях оазиса (18 и 19), вскрыли культурные слои мощностью до 4 м, которые подстилаются толщей пестрых по цвету и литологическому составу древнедельтовых отложений рек Атрека и Сумбара. Культурные горизонты, прослеженные в шурфах, представлены остатками сырцовых стен помещений, многочисленными промазками полов и разнообразным мусорным завалом. Основную массу археологических находок составляет керамика, преимущественно светлая, кремоватого оттенка, тогда как серая, красная и кухонная встречена в сравнительно небольших количествах. Преобладание светлой керамики является отличительной чертой сельских памятников культуры архаического Дахистана, для крупных же поселений этого времени характерную группу находок составляет серая керамика. Керамические формы, восстановленные по ярусам шурфов, дают в целом довольно однородную картину; они представлены светлоглиняными чашами, тагора, мисками, светло- и красноглиняными высокогорлыми кувшинами, небольшими красными и серыми узкогорлыми кувшинами, светло- и сероглиняными тринодами, светлоглиняными ситечками, кубками, хумчами и кухонной посудой с примесью дресвы в тесте.

Нередки находки фрагментов каменных изделий — зернотерок, ступок, пестов. Изделий из металла в шурфах не встречено, обнаружены лишь бесформенные кусочки бронзовых и железных шлаков. Многочисленный остеологический материал представлен костями коровы, свиньи, осла и мелкого рогатого скота. Полученный из стратиграфических шурфов археологический материал не дает никаких оснований для какого-либо расчленения внутри самой культурной толщи и полностью вписывается в хорошо известный комплекс материальной культуры архаического Дахистана. Восстанавливаемый по этим материалам уклад хозяйства живших здесь племен говорит о его преимущественно сельскохозяйственной направленности.

Площадь Бенгуванского оазиса с востока и запада ограничена широкими, расплывчатыми валами, которые образовались на месте проходивших здесь в архаическое время магистральных каналов. Эти валы-каналы имеют ширину 20—25 м; возвышаясь над окружающей равниной всего на 0.7—0.8 м, они проходят в меридиональном направлении, упираясь на юге в современный каньон Атрека. Поперечная трапеция, заложенная через западный вал-канал, вскрыла четкую русловую линзу шириной до 8 м и глубиной 2.5 м (рис. 28). Ее борта образованы боковыми выбросами канала, сохранившими следы неоднократных чисток. Сама линза заполнена отложениями аллювиального генезиса, в которых сделаны находки отдельных фрагментов керамики времени архаического Дахистана. От этих двух магистральных каналов чаще всего под прямым углом отходит сеть каналов второго порядка, замыкающих крупные земельные участки, некогда использовавшиеся под орошаемое земледелие, а ныне занятые временными пастбищами.

Каналы второго порядка и сеть арыков также выражены расплывчатыми валами, прослеживающимися лишь в микрорельефе исследуемой территории, на поверхности которых всюду встречаются отдельные фрагменты керамики времени архаического Дахистана. Факт полного отсутствия на всей территории оазиса материалов более позднего времени позволяет относить восстановленную здесь оросительную сеть ко времени его существования, не допуская использования этих оросителей в период античности и средние века, что наблюдается на других участках Мешед-Мисрианской равнины. Значительная площадь древних орошаемых земель, принадлежащих Бенгванскому оазису, по предварительным полевым подсчетам составляющая около 2 тыс. га, свидетельствует, так же как и комплекс материальной культуры, о преимущественно земледельческом укладе хозяйства.

Серия почвенных шурфов, заложенных на разных участках оазиса, позволила выявить так называемый древний агропрригационный горизонт (или горизонт суглинков с признаками их использования в древнем земледелии) мощностью до 1,2 м. Полевые почвенные исследования и камеральная обработка образцов из этого слоя показали, что засоленность орошаемых земель, относимых ко времени архаического Дахистана, значительно ниже, чем на участках, где имеются памятники античного и средневекового периодов, что ставит их в число наиболее пригодных для будущего сельскохозяйственного освоения. Специальные паллоэтноботанические исследования растительных примесей в сырцовых кирпичках, взятых из стратиграфических шурфов, проведенные Л. В. Прищепенко, обнаружили остатки двух зерновых культур — мягкой пшеницы и многорядного ячменя, которые, по-видимому, были основными возделываемыми растениями на исследуемой территории в конце II—начале I тыс. до н. э.

Ю. А. Заднепровский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ДАЛЬВЕРЗИНА

В результате проведенных исследований, особенно в итоге раскопок последних трех лет, на Дальверзинском поселении эпохи поздней бронзы в Ферганской долине установлено, что оно состоит из трех частей: основной жилой части — Дальверзин I; восточного участка между двумя оборонительными стенами — Дальверзин II; северо-западной части — Дальверзин III (Заднепровский, 1962, 1970, 1971). В 1970 г. работы проводились на всех трех частях поселения.

На Дальверзине I продолжено начатое в 1969 г. изучение главной улицы с прилегающим жилым участком. Остатки улицы прослежены на небольшой площади, так как она повернула на юго-запад и вышла за пределы раскопа. Залегает она на глубине 70 см от поверхности. Главная улица проложена при возникновении поселения и стратиграфически относится к нижнему строительному горизонту. Но она функционировала на протяжении всего периода существования Дальверзина, и трасса ее не была застроена. На остальной площади раскопа выявлены культурные отложения двух горизонтов с многочисленными хозяйственными ямами, скоплениями битой посуды, очажными пятнами и т. д. Наибольший интерес вызывает яма у северного борта раскопа. Края ее находятся на отметке 50—70 см ниже поверхности. Диаметр ямы 2 м, глубина 50 см. В ней оказалось 8 костяков подростков, лежащих на правом или левом боку, а также лицом вниз и обращенных головами в разные стороны (рис. 29). У двух погребен-

ных, как заметила В. Я. Зезенкова, оказалась одинаковая аномалия в строении резцов нижней челюсти, которая могла явиться только результатом наследственности, следовательно, часть погребенных была родственниками. Подобное коллективное захоронение впервые открыто на поселениях чустской культуры; оно расширяет наши представления о погребальном обряде у земледельцев Ферганы эпохи бронзы. Несомненно, что здесь мы сталкиваемся с традицией, восходящей к глубокой древности — к эпохе энеолита юга Средней Азии и Среднего Востока в целом (Массон, 1964). Распространение подобного обряда в Фергане можно рассматривать как еще одно свидетельство генетической связи чустской культуры с юго-западом Средней Азии.

В раскопе VIII в 1970 г. не удалось выявить строительных остатков. По всей вероятности, на этом примыкающем к улице участке располагались дворы с хозяйственными ямами. Кстати сказать, на данном участке, как и на других раскопах, никаких следов стойлового содержания скота не удалось проследить.

В северо-западной части поселения в 1968 г. неожиданно была обнаружена внутренняя оборонительная стена. Тогда была вскрыта восточная часть ее длиной 130 м. Она соединялась на севере с внешней стеной поселения и обрывалась у арыка на юг. Затем был раскопан южный отрезок стены длиной 40 м — так была изучена вся сохранившаяся часть ее. Оказалось, что эта стена, имеющая в плане форму дуги, концами упирается во внешнюю стену и окружает северо-западный участок площадью 2,2 га, который представлял собой цитадель Дальверзина (Заднепровский, 1970).

В раскопе VII открыто 11 помещений, непосредственно примыкающих к южной стене, и этим начато исследование планировки верхнего горизонта цитадели. В 1970 г. в раскопе VII углубились на участке пом. 7–9. Пом. 9 расчистили до уровня второго пола. В пом. 7 ниже первого пола обнаружили необычную кладку вдоль южной, восточной и северной стен из стандартных прямоугольных сырцовых кирпичей. На небольшом участке в пом. 8 вскрыты все напластования до материка и выявлены 4 уровня полов. Общая толщина слоя равна 3,2 м. Здесь на третьем полу найден почти целый замечательный расписной горшок (рис. 30). Проведенные работы показали, что для выявления планировки цитадели нижележащих горизонтов необходимо провести работы на большой площади.

В 1970 г. завершили разрез стены цитадели, где расчистили и разобрали 37 кирпичных слоев. Стена была построена следующим образом: на нижний культурный слой толщиной до 50 см положен выравнивающий слой раствора с обломками кирпичей. Затем следует слой из 7 рядов кирпичей, лежащих в широтном направлении (вдоль стены); он перекрыт выравнивающим слоем, на который уложено 4 ряда кирпичей, лежащих в меридиональном направлении (поперек стены). Толщина стены 2,5 м. Сохранилась она на высоту 3 м. Северный (внутренний) край ее вертикально ровный. С внешней (южной) стороны пристроена глинобитная платформа толщиной 5 м и высотой 1 м. В целом стена цитадели представляет собой мощное сооружение толщиной в основании до 8 м. Особый интерес вызывают клейма на кирпичах в стене цитадели. Всего оказалось более 20 кирпичей с двумя или тремя параллельными желобками, проведенными пальцем, или с прямоугольным крестом в середине кирпича. Подобные клейма широко известны на памятниках более позднего периода. Относительно значения их высказаны разные предположения (Массон, 1956, стр. 247; 1967, стр. 187). В этой связи отметим, что впервые в Средней Азии кирпичи со знаками открыты на поселениях эпохи бронзы.

На Дальверзине II небольшие работы проводились только в 1959 г. В 1970 г. в разных частях заложены три шурфа, один из которых превращен в раскоп X (площадью 40 м²). Культурный слой на этом участке отличается по толщине и характеру отложений от такового на Дальверзине I и III. Никаких строительных остатков здесь не обнаружено; имеются основания считать, что этот участок (площадью около 5 га) не был застроен и использовался в качестве загона для скота.

Каждая из трех частей Дальверзина была окружена особой оборонительной стеной. Внешняя крепостная стена проходит по краю Дальверзина I, вторая стена окружает Дальверзин II, внутренняя стена выделяет цитадель. Все три стены построены на нижнем культурном слое; по стратиграфическим данным и по всему комплексу находок они одновременны. Подобная историческая топография впервые установлена для поселений эпохи бронзы Средней Азии. В основе ее несомненно лежат социально-экономические причины, которые могут быть выявлены только при определении назначения отдельных частей. Однако для этого в нашем распоряжении пока еще недостаточно материалов. Вместе с тем особое внимание следует обратить на выделение в Дальверзине цитадели, являющейся одной из древнейших в Средней Азии. Обычно в археологии появление цитадели рассматривается как один из признаков наличия классового общества (Толстов, 1948, стр. 115). Однако если обратиться к этнографическим материалам, то найдем сообщения о разделении деревень на отдельные родовые кварталы, часто обнесенные забором или низкими стенами. Такое разделение было свойственно, например, общинам Новой Гвиней, в которых довольно ясно проявлялась социальная стратификация и род вождя противопоставлял себя остальным членам (Бутинов, 1968, стр. 135 и сл.). В свете этих данных возникает вопрос, нельзя ли рассматривать особенности исторической топографии Дальверзина, и в частности, выделение в нем цитадели, не как отражение социального расслоения классового общества, а как проявление социальной стратификации доклассового общества на позднем этапе развития первобытнообщинного строя.

ЛИТЕРАТУРА

- Бутинов П. А. 1968. Папуасы Новой Гвиней. М.
Заднепровский Ю. А. 1952. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118.
Заднепровский Ю. А. 1970. Цитадель Дальверзина. АО 1969 г.
Заднепровский Ю. А. 1971. Раскопки на Дальверзинском поселении. АО 1970 г.
Массон В. М. 1956. Первобытнообщинный строй на территории Туркмени. ТЮТАКЭ, т. VII.
Массон В. М. 1964. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА, в. 101.
Массон В. М. 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3.
Толстов С. П. 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
-

СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ВО ФРУНЗЕ

23—26 ноября 1970 г. во Фрунзе состоялось совещание по вопросам изучения средневековых городов, организованное Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана и Институтом истории АН Киргизской ССР. На открытии заседания выступил вице-президент АН Киргизской ССР Б. Д. Джамгерчинов. В работе совещания также принимал участие директор Института истории АН Киргизской ССР К. К. Оразалиев.

На совещании были рассмотрены вопросы методики изучения средневековых городов Средней Азии и Казахстана в трех основных аспектах: метод изучения региона; метод изучения города; метод изучения квартала. С общими докладами по этим вопросам выступили В. М. Массон и О. Г. Большаков. О методах изучения крупных районов средневекового периода говорили в своих докладах П. Н. Негматов (по материалам Северо-Западного Таджикистана), П. Н. Кожмяко (по памятникам Киргизии), К. А. Акишев, К. М. Байпаков и Л. Б. Ерзакович (по материалам Отарского оазиса). На вопросах методики изучения города остановилась С. Б. Лунина (на примере Мерва). О методических приемах исследования социальной структуры золотоордынских городов говорил в своем докладе Г. А. Федоров-Давыдов, об изучении квартала Афраснаба — Г. В. Шишкина. Всего в работе совещания приняли участие представители 27 учреждений из 14 городов. Совещание в своем решении отметило необходимость сосредоточения основного внимания на раскопках кварталов, как решающего звена городской структуры, и на завершении историко-географического изучения средневековых памятников, особенно в тех областях, где отождествлена лишь часть поселений, упоминаемых в письменных источниках.

После совещания состоялся пленум Научного совета, на котором был рассмотрен план работы и утвержден состав редколлегии. Намечается проведение проблемно-тематических совещаний по раннеземледельческим культурам в Ереване, по памятникам каменного века в Самарканде и по памятникам эпохи ранних кочевников в Алма-Ате.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

27 февраля 1970 г. на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита Б. А. Литвинским докторской диссертации на тему «История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья». Официальными оппонентами выступали В. М. Массон, К. Ф. Смирнов и А. И. Терепожкин. Для написания своего труда Б. А. Литвинский выбрал один вид источника — материалы из памиро-ферганских могильников, значительная часть которых была добыта экспедициями, руководимыми автором диссертации. Но при анализе их привлекались все доступные материалы с поселений Ферганы и сопредельных областей.

Большой раздел диссертации посвящен типологическому анализу различных категорий вещей, проведенному с учетом статистического метода. Б. А. Литвинский дает сквозное описание каждой из категорий от эпохи бронзы до раннего средневековья. Положительная сторона этого метода, по мнению К. Ф. Смирнова, состоит в том, что он позволяет проследить эволюцию каждой из категорий на протяжении длительного периода. Отрицательным же моментом подобного подхода явилось отсутствие в труде Б. А. Литвинского обобщающих археологических характеристик каждого отдельного исторического периода.

Для Средней Азии характерны контакты кочевого и оседлоземледельческого населения. Автор прослеживает эти контакты. Однако один из оппонентов (А. И. Терепожкин) указал, что эти связи нужно было бы проследить более детально, в частности вопросы хронологии чукотской культуры, которую, судя по отдельным находкам (фол-

ма для отливки псалты, одноколычатые удила), нужно датировать временем более поздним, чем кайрак-кумская культура, и именно VIII в. до н. э. Б. А. Литвинский ответил, что он не дал в работе разноречивых характеристик чустской культуры потому, что ею занимается Ю. А. Заднепровский, по вопросам соотношения кайрак-кумской и чустской культур он будет заниматься в дальнейшем.

Определенные возражения вызвал вопрос о том, что всю юго-восточную часть Средней Азии и прилегающие к ней районы Афганистана, Индии и Восточного Туркестана занимала конфедерация саков-хаумаварга. Однако, как отмечали К. Ф. Смирнов и В. М. Массон, курганы саковского времени, открытые на Памире, дали скорченные захоронения, в то время как в синхронных им курганах Семиречья и Казахстана покойники лежали вытянутыми на спине, головой на запад. Отличен и расовый тип погребенных в памирских курганах. В. М. Массон отметил также, что устойчивый антропоморфный облик божества Фарро на кушанских монетах заставляет сомневаться в трактовке зооморфных ручек сосудов культуры Кауңчи как воплощения фариа. Вместе с тем все выступившие единодушно отмечали, что вопросы, поднятые в диссертации, разработаны Б. А. Литвинским с большой эрудицией и превосходным знанием литературы.

22 мая 1970 г. на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН Узбекской ССР была защищена кандидатская диссертация Дуке Ибаррече Хуаном на тему «Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии, Казахстана и Сибири» (руководитель — доктор ист. наук М. П. Грязнов). Диссертант на богатых материалах, собранных археологами Средней Азии, Казахстана и Сибири, попытался обобщить и наметить пути происхождения и хронологии культур андроновско-карасукского круга и их взаимоотношение с последующим этапом. В работе использованы обширные неопубликованные материалы Красноярской экспедиции, участником которой являлся диссертант. Им подтвержден местный характер происхождения карасукской культуры, подчеркивается переход на этом этапе к новой, более прогрессивной системе скотоводства — яллагной.

В выступлениях оппонентов — академика Я. Г. Гулямова и М. Джуракулова — подчеркнуты полемический характер монографии, большая работа исследователя по корреляции синхронных памятников Средней Азии, Казахстана и Сибири, что позволило правильно осветить развитие археологических культур, доказать генетическую связь карасукской культуры с андроновской и происхождение ее на базе алакульского этапа андроновской культуры. Важным выводом автора является выделение на этапе поздней бронзы вместо множества выделенных предшественниками вариантов двух культур — карасукской и каменоложской. Возражения вызвала лишь недостаточная разработка среднеазиатского материала.

29 мая 1970 г. на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита С. С. Черниковым докторской диссертации на тему «Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы». Официальными оппонентами выступили О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов и А. И. Тереножкин. Представленная работа состояла из двух больших частей: первой, посвященной неолиту, и второй, посвященной эпохе бронзы и представляющей собой переработанный вариант ранее опубликованной монографии (МИА, № 88, 1960). Все выступавшие отмечали большое значение работ С. С. Черникова, являющегося видным исследователем первобытной истории Казахстана. Вместе с тем ряд вопросов, поднятых в работе, был признан спорным или требующим дальнейшего уточнения. Так, оживленной дискуссии подверглись вопросы о том, считать ли лук и стрелы в эпоху неолита только охотничьим оружием или также и боевым, постоянным или сезонным было неолитическое поселение Усть-Нарым, насколько правомерно выделение усть-буконьского этапа. С. С. Черников в ответном слове защищал свою точку зрения по этим вопросам, нашедшую отражение в опубликованном реферате. Ученый совет единогласно присудил С. С. Черникову ученую степень доктора исторических наук.

21 октября 1970 г. на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН Узбекской ССР была защищена Т. Мирсаатовым кандидатская диссертация на тему «Изучение утутских шахт и функциональное определение их орудий методом эксперимента» (руководитель — доктор ист. наук С. А. Семенов). Работа посвящена изучению древнейших памятников горного дела в Узбекистане, в которых шла добыча кремня человеком каменного века. Экспериментальная работа велась в шахтах и по следам, оставшимся на полуфабрикатах и орудиях. Т. Мирсаатову удалось восстановить состав орудий, применяемых неолитическими горнорабочими, характер работ. Помимо этого, используя орудия, аналогичные древним, он провел экспериментальную разработку на месторождении с хронометражем. Трасеологическое исследование и археологическое экспериментирование позволили автору воссоздать картину горных работ на Утутском месторождении. В отзывах оппонентов М. П. Грязнова и

М. Р. Касимова отмечены оригинальный характер исследования и новизна методики работы. Критике был подвергнут внехронологический анализ горного дела, без сопоставления с последующими периодами, что наглядно показало все особенности техники древнейшего способа проходки выработок и отсутствие анализа социальной организации производства.

25 декабря 1970 г. на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита диссертации на степень доктора исторических наук Б. В. Андриановым по теме «Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия)». Основное содержание темы полно опубликовано им в работах: «К вопросу о географических изменениях в дельте Амударьи» (Вопросы географии. М., 1951); «Материалы к истории орошения в Хорезме» (Главный Туркменский канал. М., 1952); «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX)» (ТХЭ, т. III, 1958); «Древние оросительные системы Приаралья» (М., 1969).

Оппонентами по теме диссертации выступили академик Б. Б. Пиотровский, доктор исторических наук А. М. Белецкий и доктор географических наук Л. В. Душин-Барковский. Все они отметили большую значимость работы Б. В. Андрианова, суммировавшего и тщательно проанализировавшего материалы многолетних работ по истории земледелия и оросительных систем, проведенных на территории древнего Хорезма, которые рассмотрены им на общем фоне развития земледелия Старого и Нового Света от эпохи неолита вплоть до XIX в. Ученый совет Института археологии АН СССР единогласно присудил Б. В. Андрианову ученую степень доктора исторических наук.

6 мая 1971 г. на заседании Ученого совета Института истории АН Узбекской ССР состоялась защита кандидатской диссертации Т. С. Ерназаровой на тему «Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным» (руководитель — канд. филолог. наук О. И. Смирнова). Работа основана на изучении монетных находок на Афрасиабе, сделанных в ходе работ с 1945 по 1969 г., и привлечении всех доступных данных архивов и музейных собраний. Официальными оппонентами выступили В. М. Массон и М. Н. Федоров. В ходе обсуждений были высказаны пожелания о проведении химического анализа согдийских драхм и подражающего им согдийского чекана и необходимости для истории денежного обращения к строгой послыпой фиксации монет по археологическим комплексам, рисующим реальный состав обращающейся монеты для определенного отрезка времени. Отмечалась также крайняя ограниченность материалов, характеризующих период до V в. н. э. В. М. Массон высказал сомнение в заключении диссертанта о выпуске подражаний тетрадрахмам Епидема в самаркандском, а не бухарском Согде.

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ 1971 г.

В апреле—мае 1971 г. отрядом по изучению памятников парфянского времени Института истории АН Туркменской ССР под руководством В. Н. Пилипко были продолжены раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз. Это поселение состоит из ряда вехолмений, каждое из которых представляет собой остатки отдельно стоящего дома. При раскопках одного из холмов (№ 7), оказавшегося руинами крупного, округлого в плане жилого дома площадью около 350 м², был найден клад — комок плотно слепшихся монет, первоначально, вероятно, завернутого в тряпичку. После чистки выяснилось, что клад состоит из 50 серебряных монет. По предварительному определению, 49 из них являются парфянскими драхмами, чеканенными в период правления Митридата I, Фраата II, Артабана I, т. е. в середине II в. до н. э. Среди этих монет наиболее многочисленны драхмы Фраата II, а чекану Митридата I принадлежат всего 3 монеты. Особый интерес представляет пятидесятилетняя монета — тетрадрахма Евкратиды, свидетельствующая о хождении на территории северных областей Парфянского государства греко-бактрийской серебряной монеты. Дальнейшее изучение состава этогоклада, найденного на рядовом сельском поселении, каким является Гарры-Кяриз, несомненно углубит наши представления о характере денежного обращения на территории Северной Парфии.

В мае—июне 1971 г. в Юго-Западном Таджикистане отрядом АИТ Таджикской ССР под руководством Б. А. Литвинского исследовалось городище Тамоша-Тепе, расположенное около Явана. Городище подквадратное в плане, обнесено глинобитным валом, имеет внутри небольшую цитадель и занимает площадь около 16 га. Внутри часть городища была застроена глинобитными домами, образующими несколько строительных горизонтов общей мощностью 3 м. Найденная глиняная посуда, сде-

лания в основной массе на гончарном круге, обнаруживает наиболее близкие аналогии в материалах комплекса Яз II и частично Яз I, что позволяет ориентировочно часть комплекса отнести к VIII—VI вв. до н. э. Являясь древнейшим городищем, открытым на территории Таджикистана, Тамоша-Тепе вместе с тем как бы заполняет лауну между комплексами могильников поздней бронзы (Бишкент, Тигровая Балка и др.) и нижними слоями таких северобактрийских памятников, как Калаи-Мир (Кобаджан I), Болдай-Тепе и Мунчак-Тепе. В то же время в верхних слоях Тамоша-Тепе имеется керамика эллинистического типа, в том числе со штампованным орнаментом на внутренней части мисок, имеющая определенные параллели в материалах известного южнобактрийского городища Айя-Ханум.

В апреле 1971 г. отряд Института археологии АН Узбекской ССР под руководством Л. И. Альбаума продолжил начатые в 1970 г. раскопки на Фаяз-Тепе, в окрестностях Термеза. Этот памятник представляет собой буддийский комплекс кушанского времени. Здесь открыта дважды перестраивавшаяся ступа и раскопан целый ряд помещений, обрамлявших центральный двор. Найдены многочисленные фрагменты каменной скульптуры, отчасти напоминающей коллекцию Хадды. Особый интерес представляют настенные фрески с изображением процессии донаторов, выполненные в манере, имеющей отчетливые связи с греко-римским искусством. Над головой одной фигуры сохранилась часть, видимо, кушанской надписи, сделанной греческим алфавитом. Это открытие свидетельствует о значительной роли буддизма в кушанский период в крупнейшем центре Северной Бактрии — Термезе, в окрестностях которого расположен другой хорошо известный буддийский памятник — Кара-Тепе.

В марте — апреле 1971 г. отрядом Института археологии АН Узбекской ССР под руководством А. Аскарлова были произведены раскопки памятника эпохи разнотной бронзы — Сапалитепе, расположенного на юго-западе Сурхандарьинской области. Его центром было подквадратное в плане укрепление, обнесенное двойным кольцом стен. В раскопанной западной половине обнаружены многочисленные помещения, разделенные небольшим проулком как бы на три «квартала», видимо соответствовавших трем основным общественным единицам — большесемейным общинам. Под полом комнат обнаружено около 30 погребений, как правило, содержащих богатый инвентарь в виде керамических, бронзовых и деревянных сосудов, бронзовых печатей и других изделий. Керамический материал обнаруживает наиболее близкие аналогии в материалах позднего Намазга V—раннего Намазга VI. Прямую параллель Сапалитепе представляют квадратные крепости эпохи бронзы, открытые советско-афганской экспедицией в Северном Афганистане. Видимо, намечаются границы обширной культурной общности, в которую входили Южный Туркменистан (Намазга-Депе, Лучин и др.), Южный Узбекистан (Сапалитепе, Миршаде) и вне пределов СССР по крайней мере Северный Афганистан (группа памятников Дашлы).

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

В соответствии с постановлением коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, постановлением Совета Министров Узбекской ССР от 10 октября 1970 г. в Узбекистане в г. Самарканде открыто новое отраслевое научное учреждение — Институт археологии АН Узбекской ССР.

Институт открыт в связи с большими успехами, достигнутыми учеными республики в исследовании древнейших культур, особенно в изучении истории городов Узбекистана. Структурно Институт археологии АН Узбекской ССР состоит из четырех секторов (сектора камня и бронзы (руководитель — канд. ист. наук М. Р. Касымов), сектора античной археологии (руководитель канд. ист. наук У. Исломов), сектора средневековой археологии (руководитель — канд. ист. наук С. Рахимов) и сектора истории орошения Узбекистана с древнейших времен до наших дней (руководитель — канд. ист. наук А. Р. Мухамеджанов) Юдного отдела — музейного (руководитель — канд. ист. наук Р. Х. Судейманов), двух лабораторий — лаборатории реставрации, консервации и химико-технологического анализа археологических материалов (руководитель — канд. техн. наук А. Абдуразаков) и лаборатории фиксации и научной обработки иллюстративных материалов (руководитель — И. Ташкенбаев). Институт возглавляет кандидат исторических наук А. Аскарлов. Перечислим основные научные направления Института.

1. Изучение древних памятников для восстановления истории хозяйства и быта, духовной культуры, общественно-экономического уклада первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального общества, структуры древних городов.

2. Историко-археологическая периодизация памятников культуры древнейших и древних периодов на территории Узбекистана.

3. Изучение древних строительных материалов и химико-технологический анализ керамического облицовочного материала с целью разработки технологии их изготовления для использования в народном хозяйстве.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО АРХЕОЛОГИИ ИРАНА

С 1969 г. департамент археологии и народной культуры Министерства культуры Ирана начал издавать ежеквартальный журнал «Бастаншенаси ва хонаре Иран» («Археология и искусство Ирана») под редакцией доктора Парвиза Варджананда. Небольшой по объему журнал печатается на хорошей бумаге со значительным числом иллюстраций. В журнале публикуются статьи как иранских, так и иностранных, в том числе советских, исследователей. Так, в № 3 за 1969 г. опубликована статья М. А. Дамдамаева «О бесцусной надписи». Основной материал печатается на персидском языке с помещением в конце журнала французских аннотаций. Хроника археологических работ текущего квартала дается на английском и французском языках. Помимо разделов основных статей и хроники в журнале также помещается обзор литературы по археологии и искусству Ирана. Большое значение археологических памятников Ирана для древней и средневековой истории Востока и их интенсивное изучение за последнее десятилетие делают особенно важным организацию такого журнала в самом Иране.

РАБОТЫ СОВЕТСКО-АФГАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1970 г.

Работами советско-афганской экспедиции около г. Акча в Северном Афганистане открыт оазис поселений эпохи поздней бронзы. Выявлено свыше 10 памятников, состоящих из укрепленных крепостей и прилегающих поселений. Оборонительные стены крепостей сложены из сырцового кирпича и усилены круглыми башнями. Внутри располагаются жилые строения. На одном поселении выявлено круглое в плане монументальное здание бесспорно общественного назначения. Большая часть керамики изготовлена на гончарном круге; среди керамических форм выделяются вазы на высоких, нередко полых ножках и кубки со сливами. Небольшая, но выразительная группа сероглиняной, часто лощеной посуды производит впечатление импорта из Северо-Восточного Ирана. Большая коллекция кремневых изделий включает наконечники стрел, дротиков и пластины, изготовленных тонко ретунированной техникой. Наряду с этим имеются и бронзовые изделия, в том числе зеркала, булавки, серпы с зубчатым лезвием, массивные печати. Выявлены следы местной плавки металла. Имеются как захоронения в пределах поселений, так и вынесенные за их территорию «грунтовые» могильники. Погребальный инвентарь преимущественно состоит из сосудов, в меньшей степени — из металлических украшений. Отмечены «кенотафы» и ритуальные захоронения баранов с погребальными приношениями.

В целом акчинский археологический комплекс относится ко II тыс. до н. э. и обнаруживает генетическое родство с синхронными земледельческими памятниками южных областей Средней Азии.

Несколько севернее и частично на памятниках эпохи бронзы находится оазис «ахеменидского» времени. Еще дальше на северо-восток располагается группа памятников античного времени. Здесь под руководством Н. Т. Кругликовой проведены раскопки столичного города Дальверзин-Тепе, верхние слои которого относятся к позднелушанскому времени. Вскрыты здания монументального характера, в том числе небольшой храм со стилизованными полихромными росписями и глиняными статуями. Стенные росписи открыты также в помещениях, примыкающих к городским стенам. Большой вещественный материал включает керамику, мелкую глиняную пластику, невозможные украшения, монеты. Местами выявлена стена оазиса, тянущаяся на многие километры. Дальнейшие исследования извлекут на свет новые фактические данные по древней истории Бактрии.

ИТОГИ РАБОТ ИРАКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

АН СССР В 1971 г.

Весной 1971 г. советская археологическая экспедиция в Ираке завершила третий полевой сезон. Как и в 1969 и 1970 гг., работы экспедиции были сосредоточены в северо-западной части Месопотамии, в долине Сиджара. Здесь, близ г. Тель-Афар, находится группа из 6 теллей, известная под названием Ярым-Тепе («Половина хол-

ма»). Экспедиция продолжала исследования раннеземледельческих поселений Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II.

Поселение Ярым-Тепе I относится к хассунской культуре и датируется VI тыс. до н. э. В 1971 г. раскопки охватили площадь около 1500 м². На отдельных участках они были доведены до глубины 5 м (общая мощность культурного слоя здесь 6 м). Вскрыты остатки многочисленных жилых и хозяйственных построек 5—7-го строительных горизонтов. Начато исследование более раннего, 8-го строительного уровня. Получены важные данные для суждения о планировке, домостроительстве и хозяйстве обитателей поселения на различных этапах его развития. Чрезвычайный интерес представляют открытые здесь в 1971 г. двухъярусные гончарные печи. Особо следует отметить находку медного предмета в виде свернутой пластинки — это самое древнее металлическое изделие, найденное в Месопотамии. Значительна коллекция керамики, включающая образцы посуды самаррской культуры, типичных хассунских сосудов стандартного типа с характерной резной и расписной орнаментацией и образцы ранних форм хассунской керамики. Найдены серия женских глиняных статуэток и обломок древнейшей глиняной печати — пентадеры.

Поселение Ярым-Тепе II характеризует следующий этап развития Северной Месопотамии. Оно относится к халафской культуре (V тыс. до н. э.). Культурный слой поселения достигает 7,6 м. Раскопки велись на площади около 500 м² и доведены до глубины 3,5 м. Исследованы остатки хозяйственно-бытовых сооружений 4-го и 5-го строительных горизонтов. Основным типом жилища являются здесь в отличие от прямоугольных многокомнатных сооружений на Ярым-Тепе I однокомнатные круглые дома в виде толосов. Открыто уже более 20 толосовидных сырцовых построек. К некоторым из них примыкают небольшие прямоугольные или круглые помещения хозяйственного назначения. Кроме того, здесь открыты остатки массивного прямоугольного здания, представлявшего собой скорее всего культовое сооружение — один из древнейших храмов Месопотамии. Добыт большой остеологический и палеоботанический материал и обнаружена значительная коллекция разнообразных орудий (зернотерки, песты, терочники, ступки, серповые вкладыши и т. д. и т. п.). Среди огромного количества находок особый интерес представляет халафская керамика, отличающаяся высоким качеством изготовления и удивительным многообразием геометрических и изобразительных мотивов полихромного расписного орнамента. Крайне интересны и расписные антропоморфные статуэтки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.—Л.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР. М.
- МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
- ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.—Л.
- СОН — Серия общественных наук.
- ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
- ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции АН СССР. М.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Рис. 1. Эволюция земледельческой экономики в Южном Туркменистане.
- Рис. 2. Гистограмма геоксюрских толосов.
1 — по числу погребенных; 2 — по площади толоса; 3 — по половому составу; 4 — по наличию детей; 5 — по наличию стариков; буквы — шифры толосов.
- Рис. 3. Кульбулак. Разрез северной стенки раскопа № 1 на кв X₁-39, X₁-40 и X₁-41.
X₁=41.
- Рис. 4. Кульбулак. Каменные изделия.
1, 2, 5 — из слоя VI; 3, 7, 11, 14 — из слоя VII; 4 — из слоя V; 6, 9, 15, 16 — из слоя VIII; 8 — из слоя IV; 10 — из слоя II; 12, 13 — из слоя III.
- Рис. 5. Южный Казахстан. Подъемные изделия из района Чимкента (1—9).
- Рис. 6. Мачай. Разрез пещеры.
1 — рухнувший свод; 2 — глыбы камня; 3 — культурный слой; 4 — скала; 5 — нераскопанная часть; 1, 11 — остатки скелета.
- Рис. 7. Мачай. Костяные и каменные изделия (1—18).
- Рис. 8. Трапещи с ранненеолитических стоянок Кызылкумов.
1—5 — стоянка Учачи 66; 6—11 — стоянка Учачи 29; 12—15 — стоянка Учачи 131/11 (все три стоянки с Дарьёй); 16—19 — стоянка Ходжа-Гумбаз 5 (Эчкиликсай); 20—24 — стоянка Караката 26 (впадина Караката).
- Рис. 9. Сай-Сайед. Кремневые изделия из первого (А) и второго (Б) горизонтов.
- Рис. 10. Сай-Сайед. Костяные изделия (А, Б).
- Рис. 11. Сай-Сайед. Галечные орудия.
- Рис. 12. Тугузак. Кремневые орудия (А, Б).
- Рис. 13. Тугузак. Мотыга и галечное орудие.
- Рис. 14. Западный чик Устюрта. Кремневые изделия.
1—14 — из Сай-Утеса; 15—22 — из Мертвого Кудтука; 23—27 — из Акбулака; 28—31 — из Когусема 1; 32 — из Бешимрау; 33, 34 — из Карын-Ярыка.
- Рис. 15. Песседжик-Дене. Настенная роспись.
- Рис. 16. Сосуды с поселения Джал-Арык.
- Рис. 17. Сосуды из могильника Джазы-Кечу.
- Рис. 18. Вахшская стоянка. Раскоп № 2. Стратиграфический разрез.
- Рис. 19. Вахшская стоянка. Керамика, верхнего (А, 1, 2, 4) и нижнего (все остальные) слоев.
- Рис. 20. Вахшская стоянка. Керамика верхнего (Б, 14) и нижнего (все остальные) слоев.
- Рис. 21. Вахшская стоянка. Литейные формы верхнего (1, 3) и нижнего (2) слоев.
- Рис. 22. Миршаде. Каменные «ритуальные» предметы.
- Рис. 23. Миршаде. Сосуды из могильника.
- Рис. 24. Алтын-Дене. Стратиграфическая колонка раскопа, 1.
- Рис. 25. Алтын-Дене. Статуэтки из слоя Алтын 15 и XXXVI яруса.
- Рис. 26. Алтын-Дене. Статуэтка из гробницы на раскопе, 9.
- Рис. 27. Сопоставление орнаментов расписной керамики Улуг-Дене и Тилля-Тепе.
- Рис. 28. Поперечный разрез через вал-канал в западной части Бенгюванского оазиса.
1 — легкий суглинок; 2 — супесь; 3 — тяжелый суглинок; 4 — песок; 5 — глина; 6 — глинистые прослои; цифры в кружках — находки керамики.
- Рис. 29. Дальверзин. Раскоп VIII. Коллективное захоронение.
1—7 — номера погребений.
- Рис. 30. Дальверзин. Раскоп VII. Расписной сосуд.

раннеземледельческая эпоха		период создания стойких производных систем		период создания и дальнейшего использования простейших производных систем		период создания и дальнейшего использования простейших производных систем	
		1000 до н.э.	НАМАЗГА VI и культура Джамна-Джамна	2000 до н.э.	НАМАЗГА V	3000 до н.э.	НАМАЗГА IV НАМАЗГА III НАМАЗГА II
		4000 до н.э.	НАМАЗГА I	5000 до н.э.	ДЖАМНА-ДЖАМНА	6000 до н.э.	ДЖАМНА-ДЖАМНА
		5000 до н.э.	ДЖАМНА-ДЖАМНА	6000 до н.э.	ДЖАМНА-ДЖАМНА	7000 до н.э.	ДЖАМНА-ДЖАМНА

Рис. 1

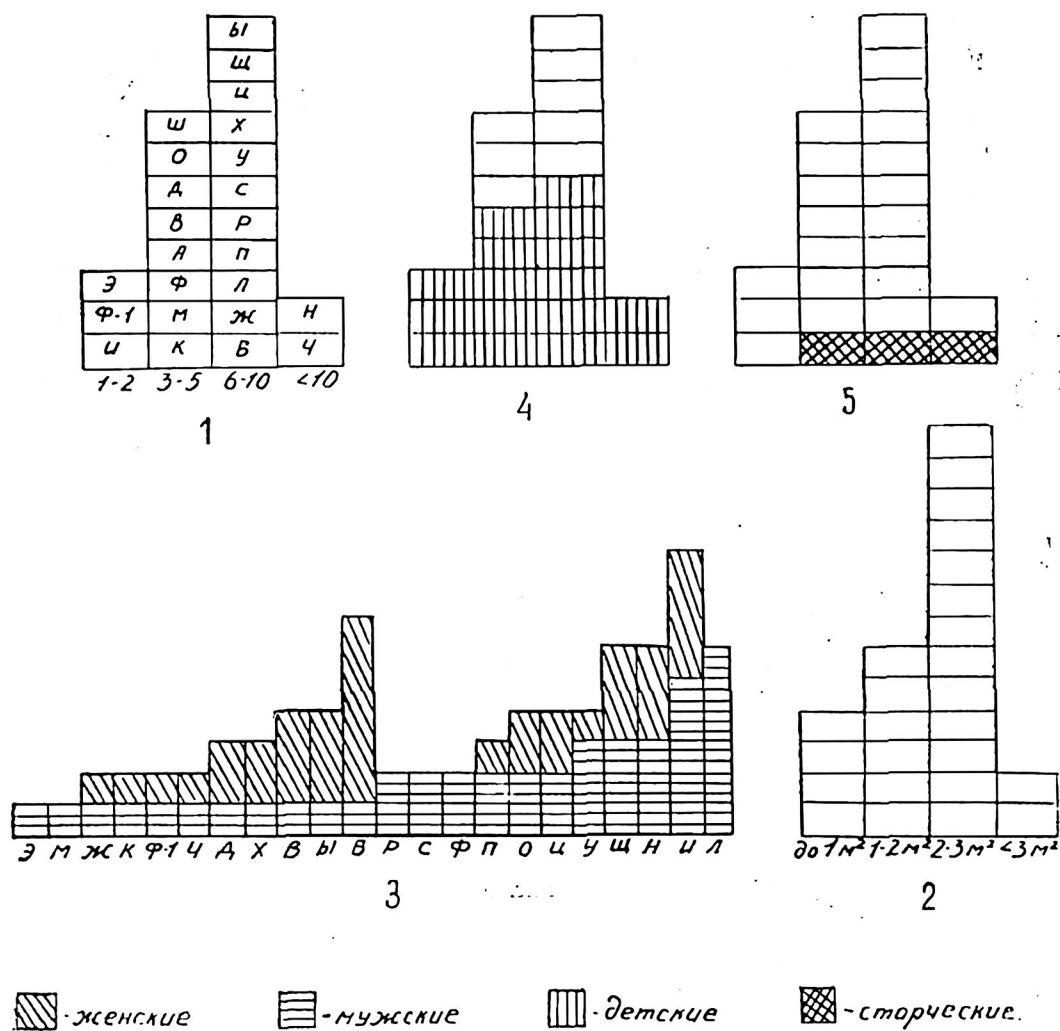

Рис. 2

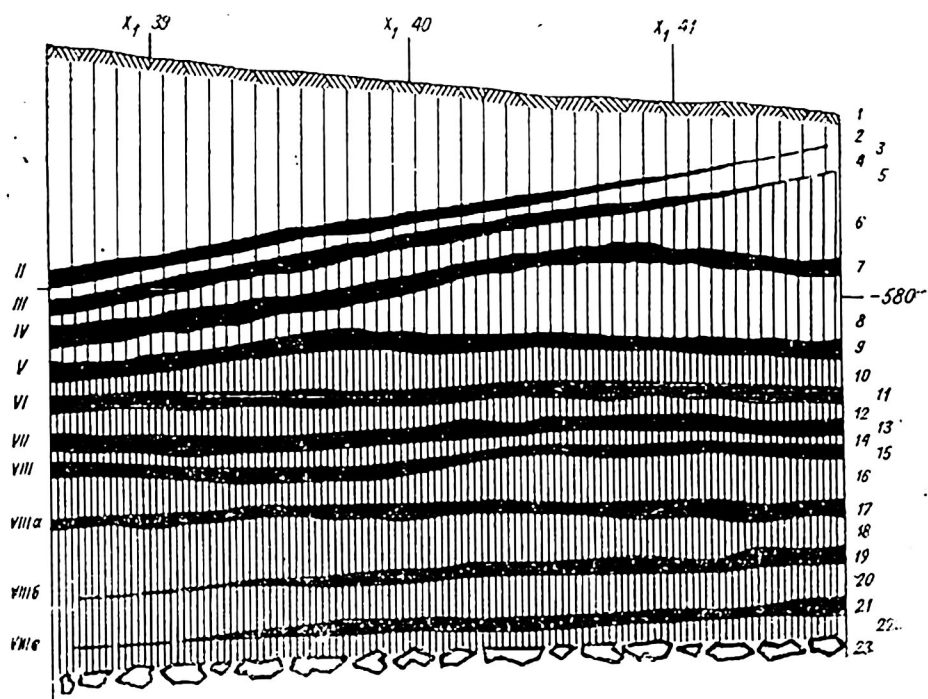

Рис. 3

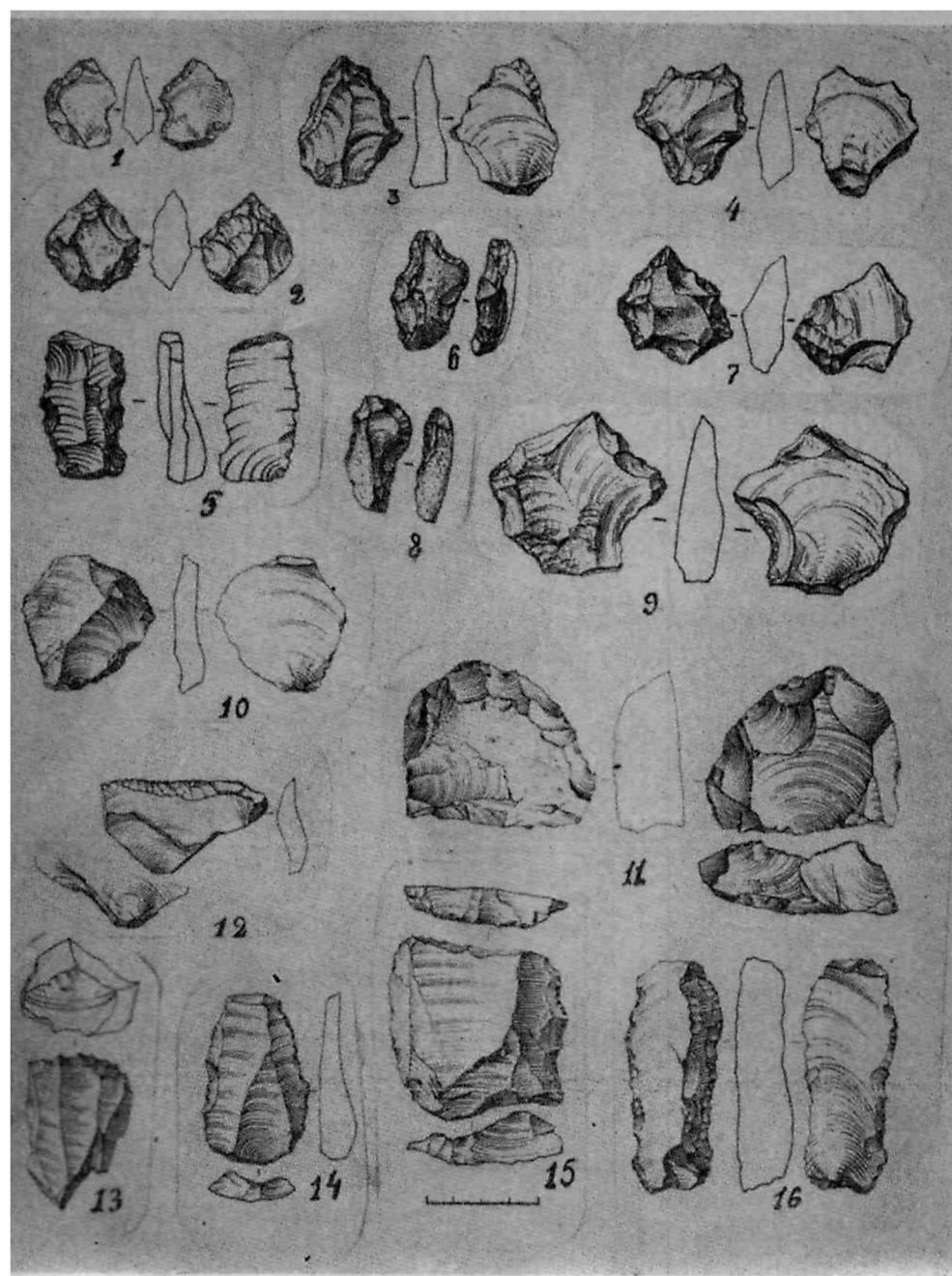

Рис. 4

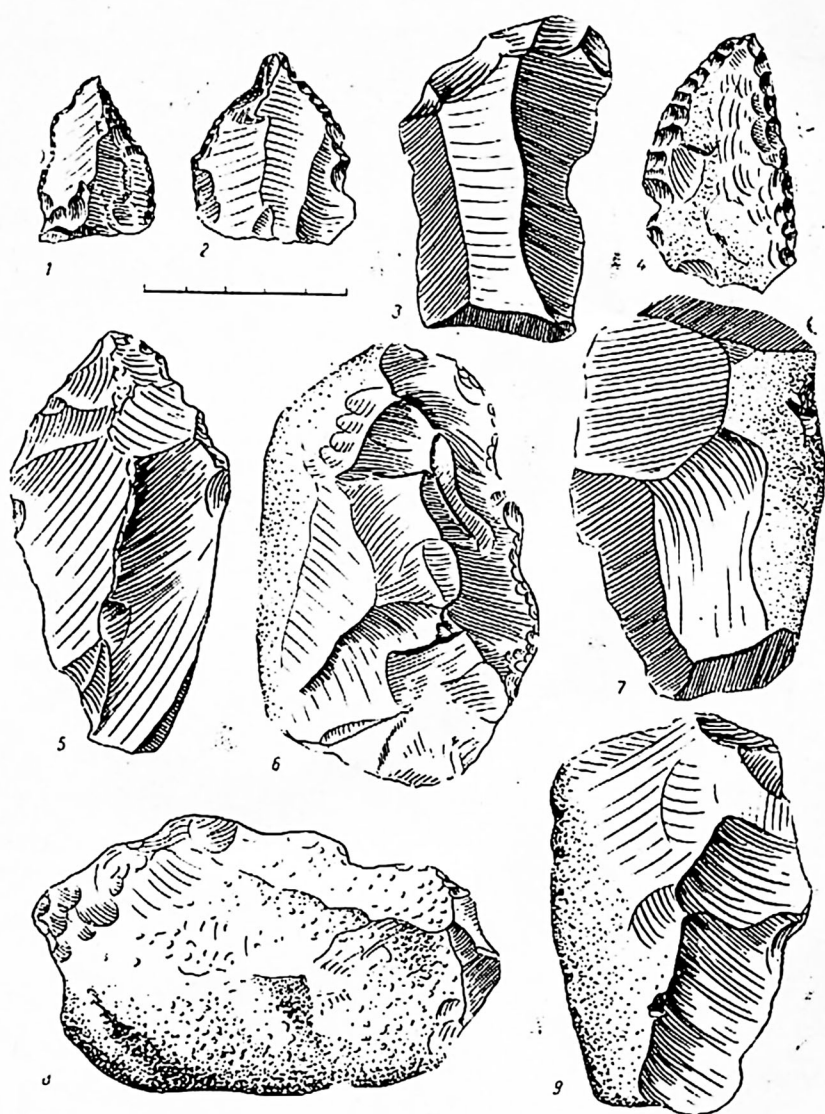

Рис. 5

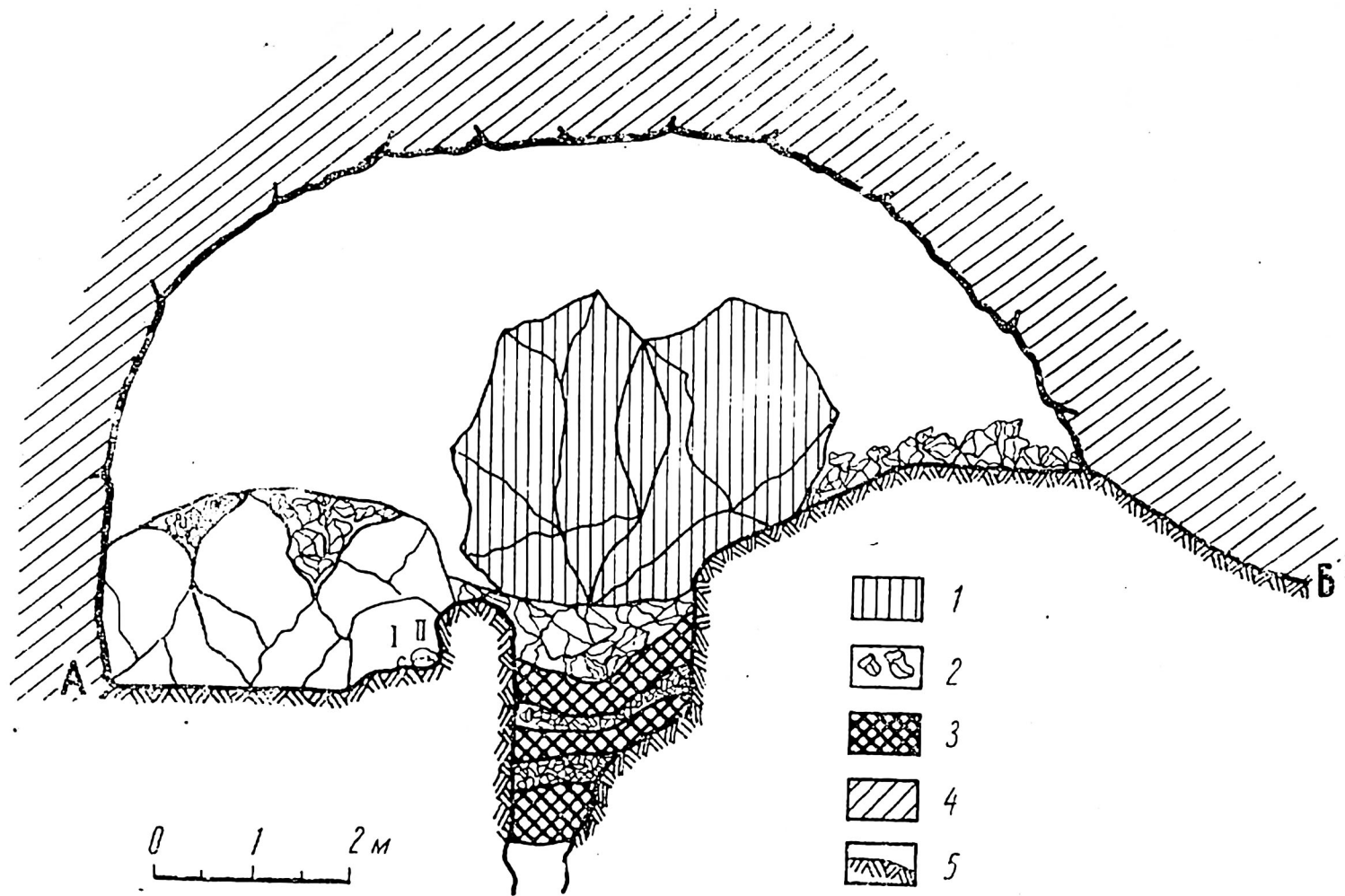

Рис. 6

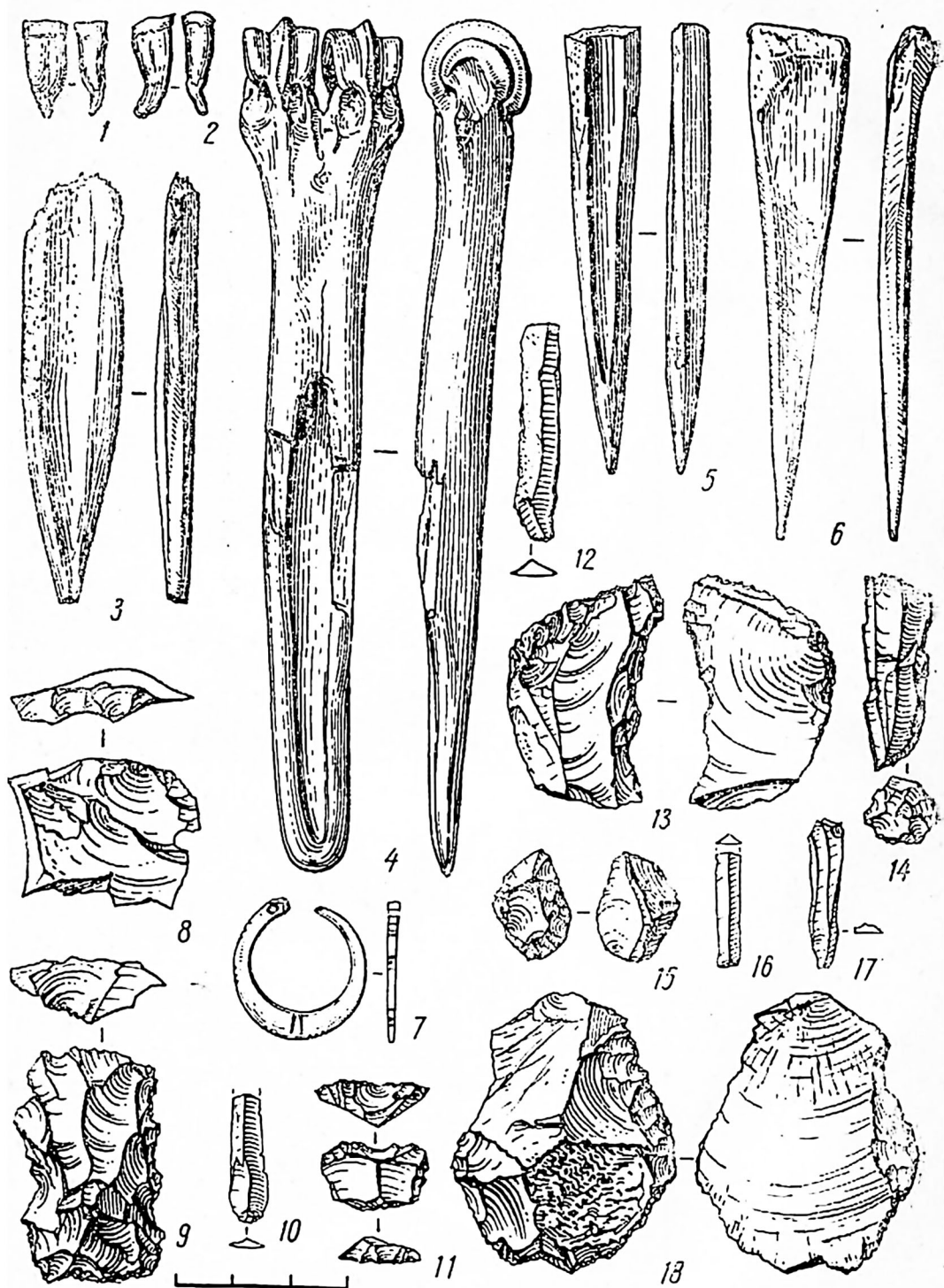

Рис. 7

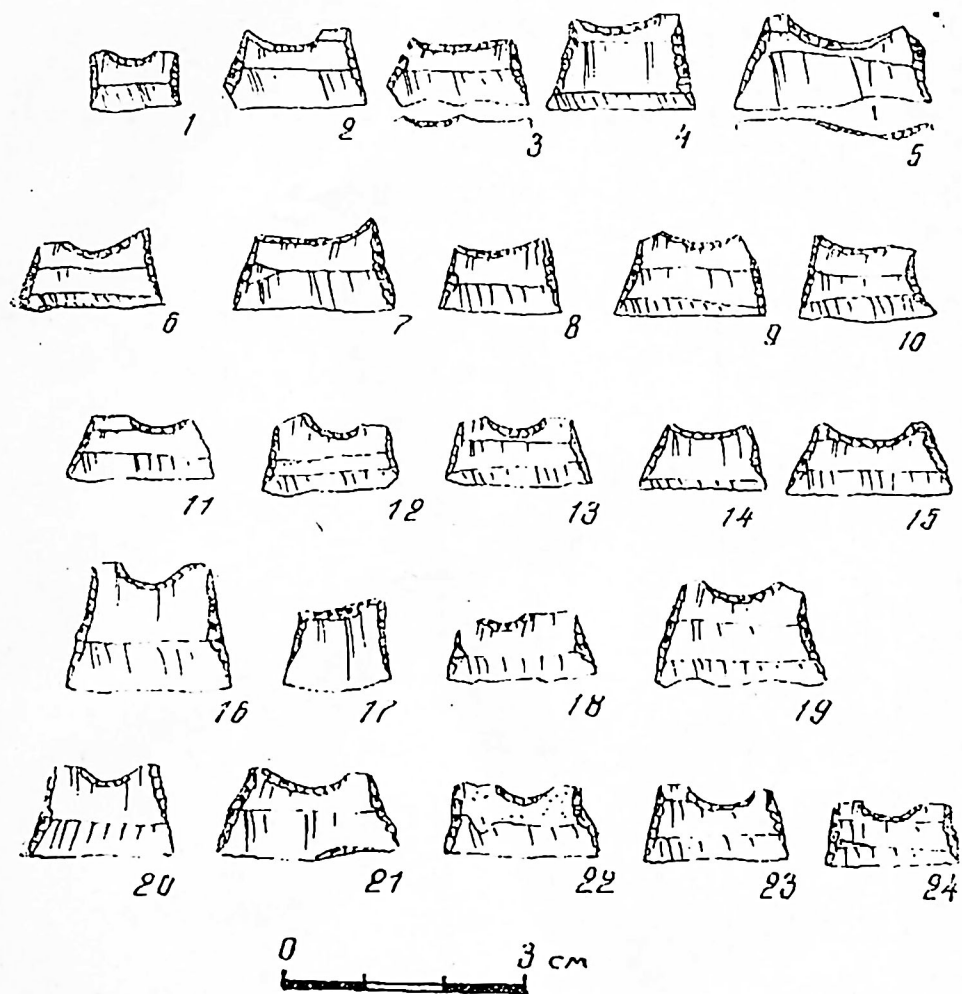

Рис. 8

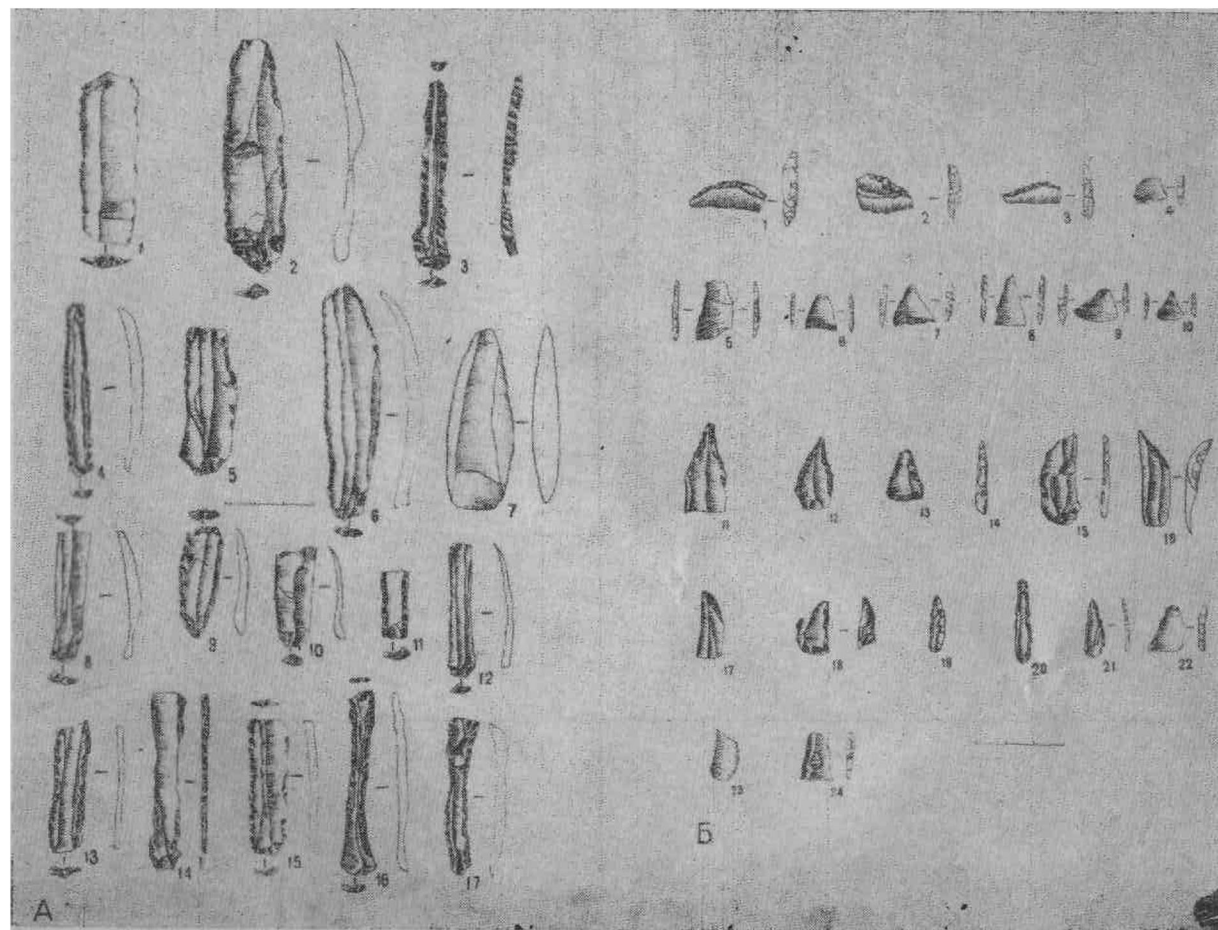

Рис. 9

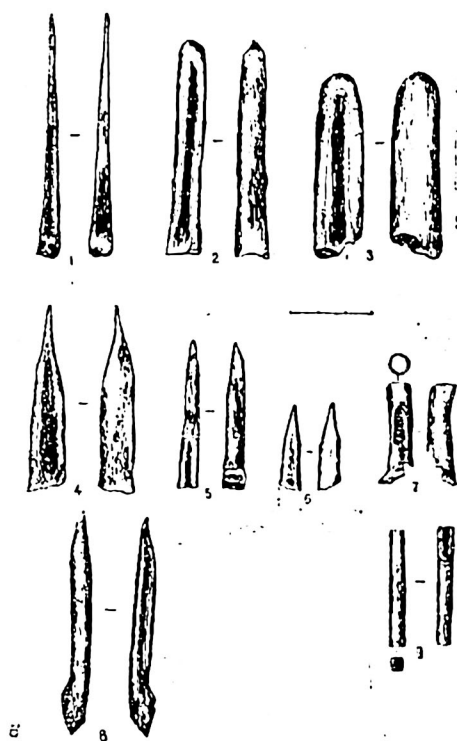
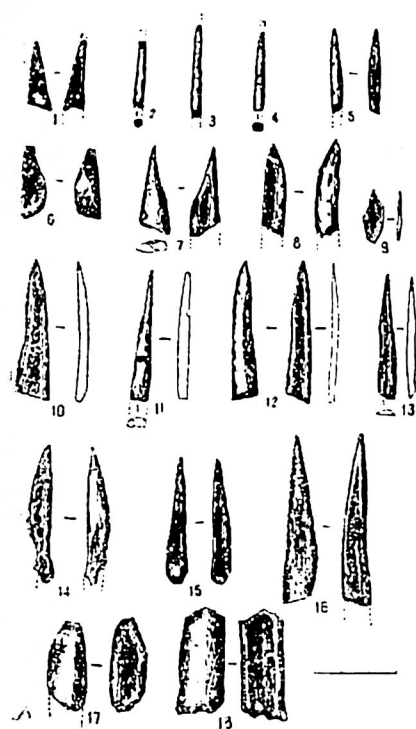

Рис. 10

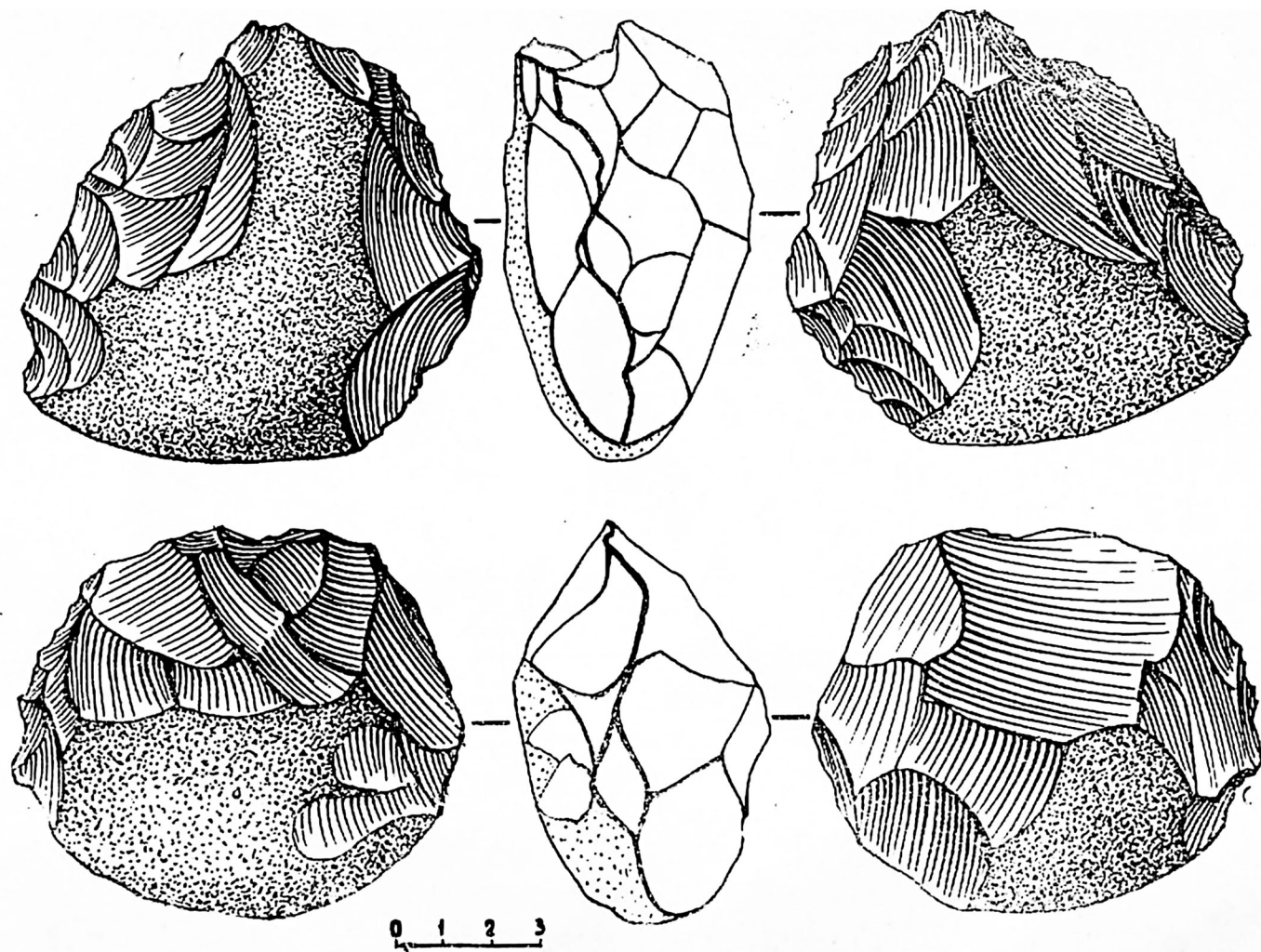

Рис. 11

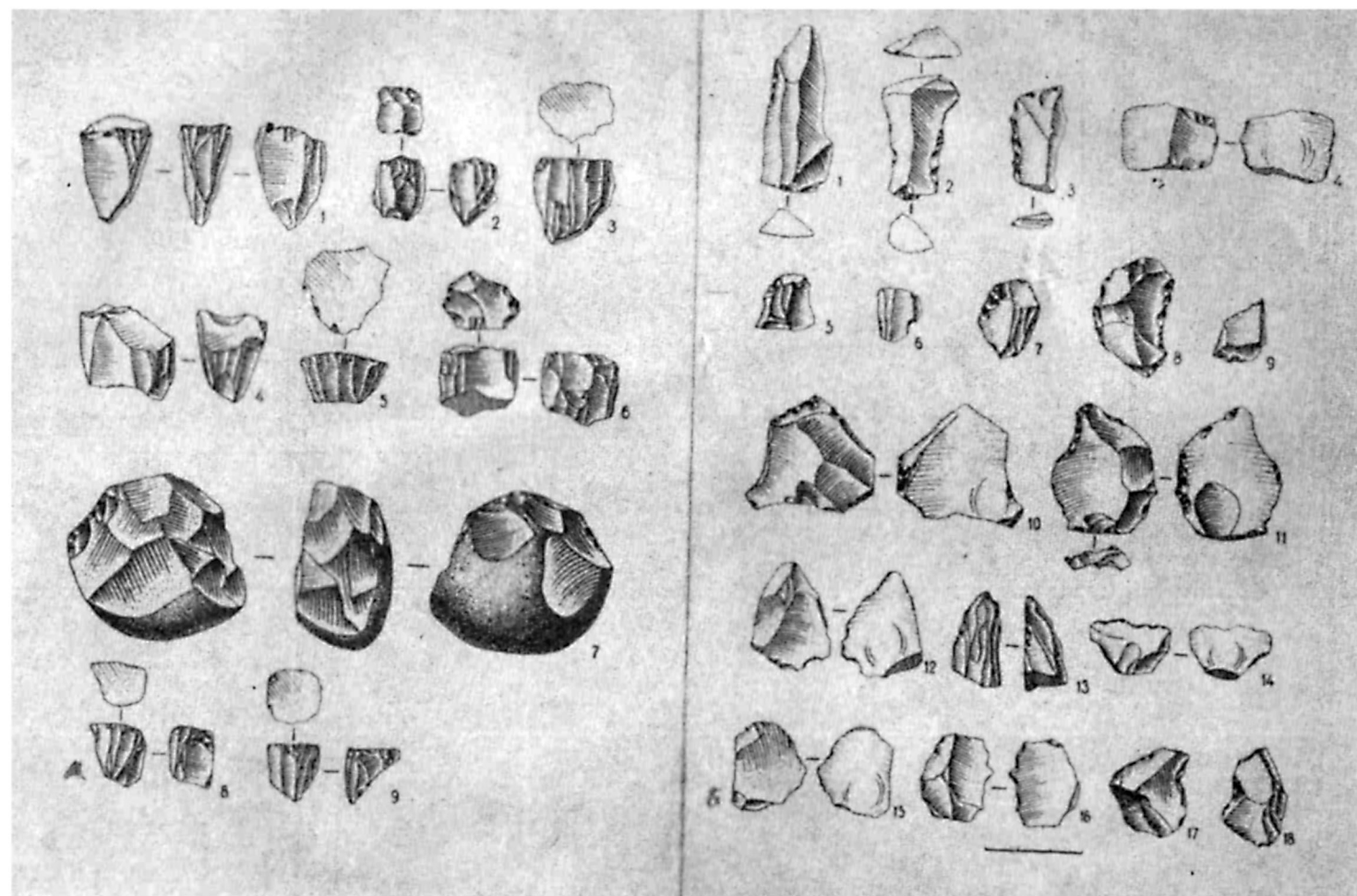

Рис. 12

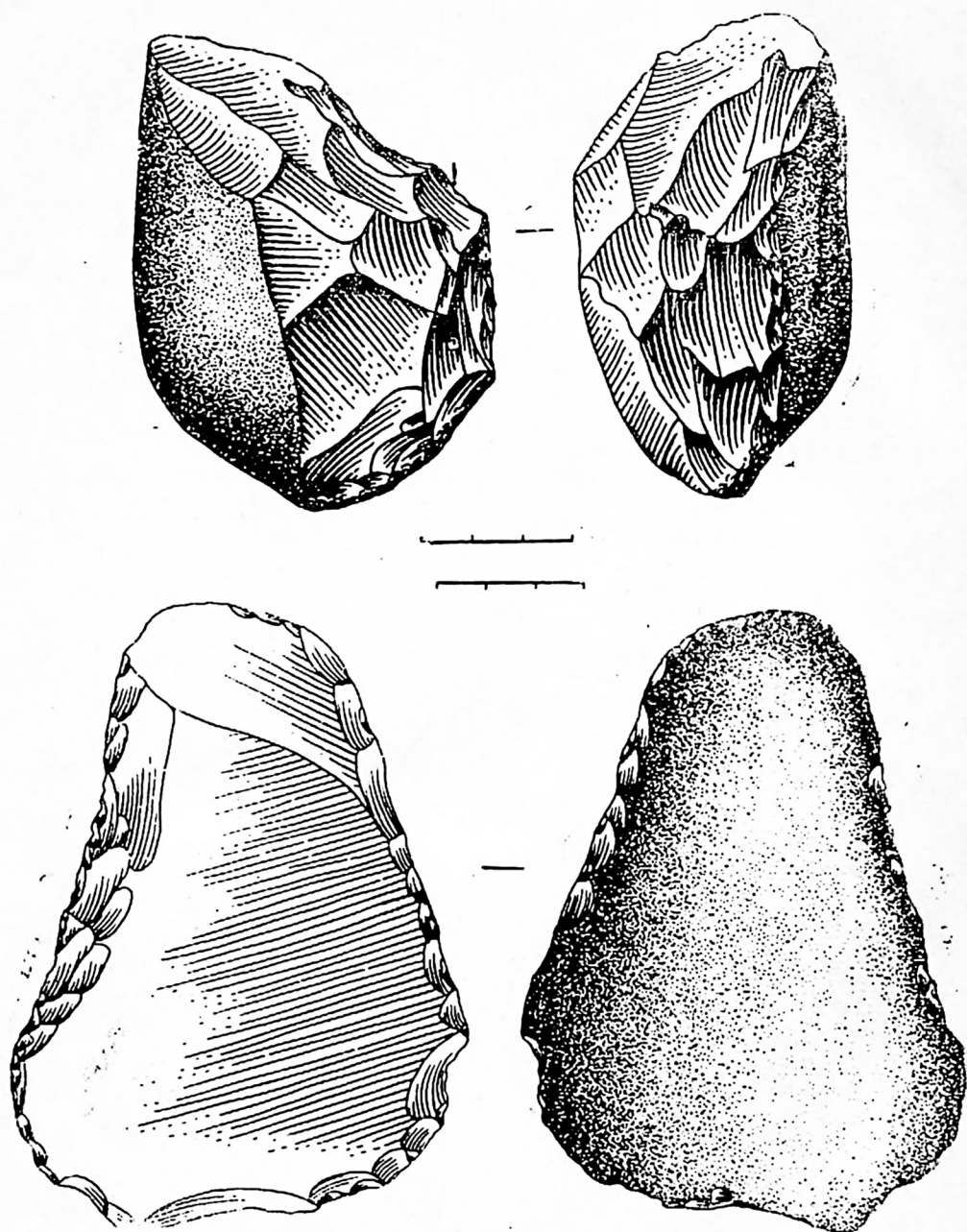

Рис. 13

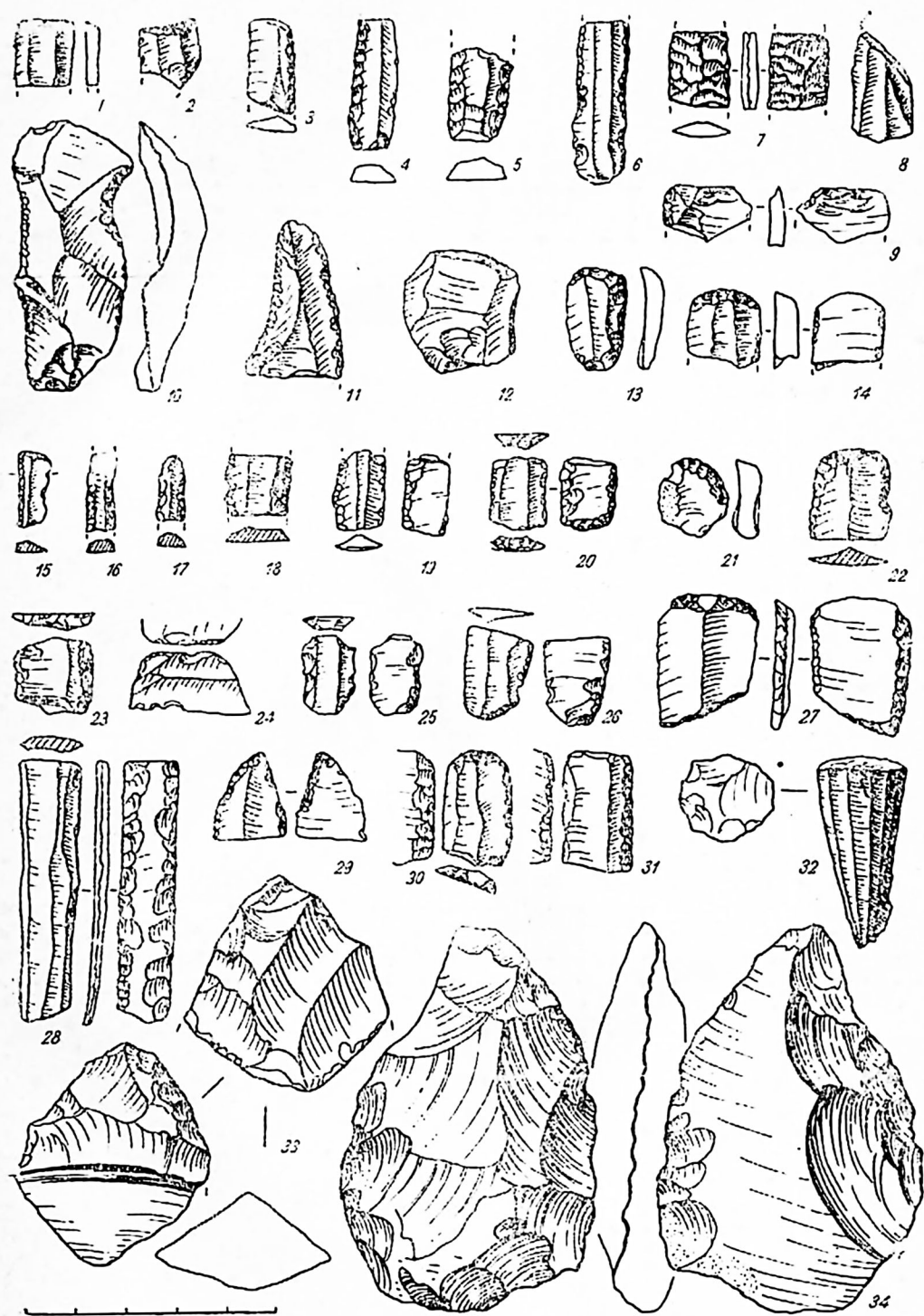

Рис. 14

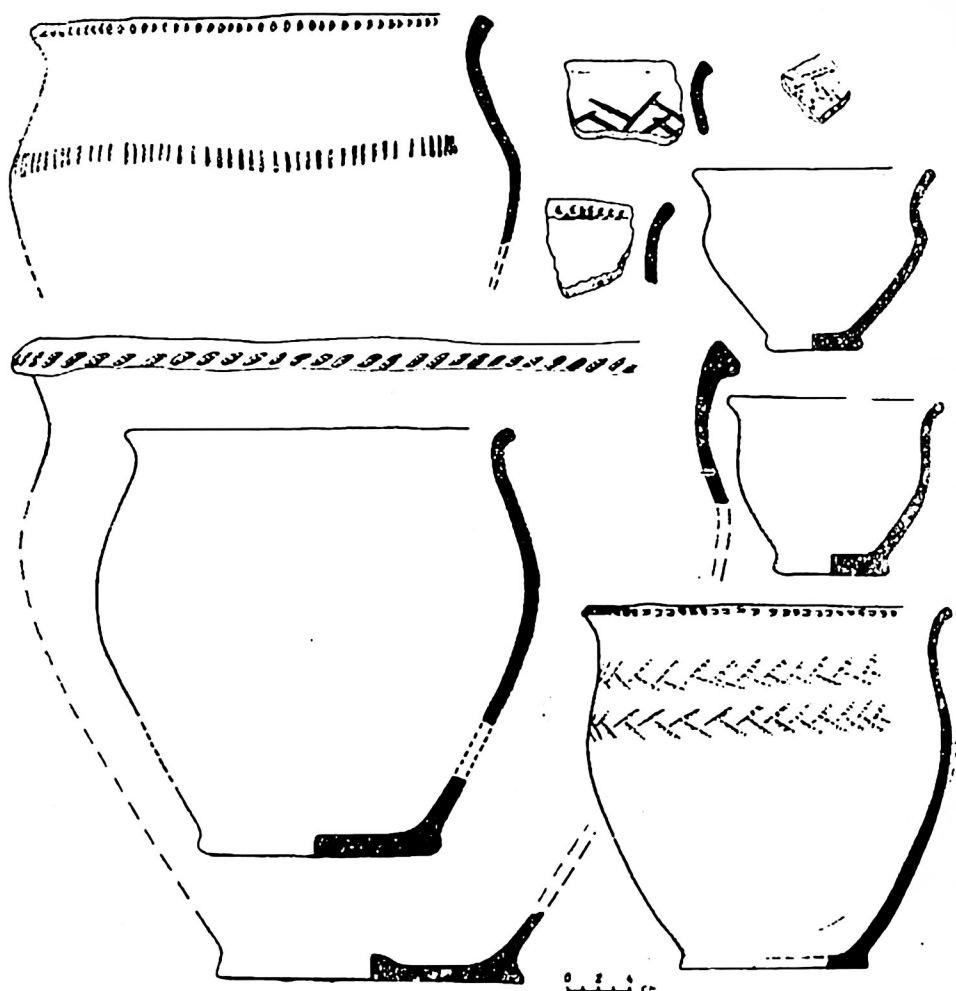

Рис. 16

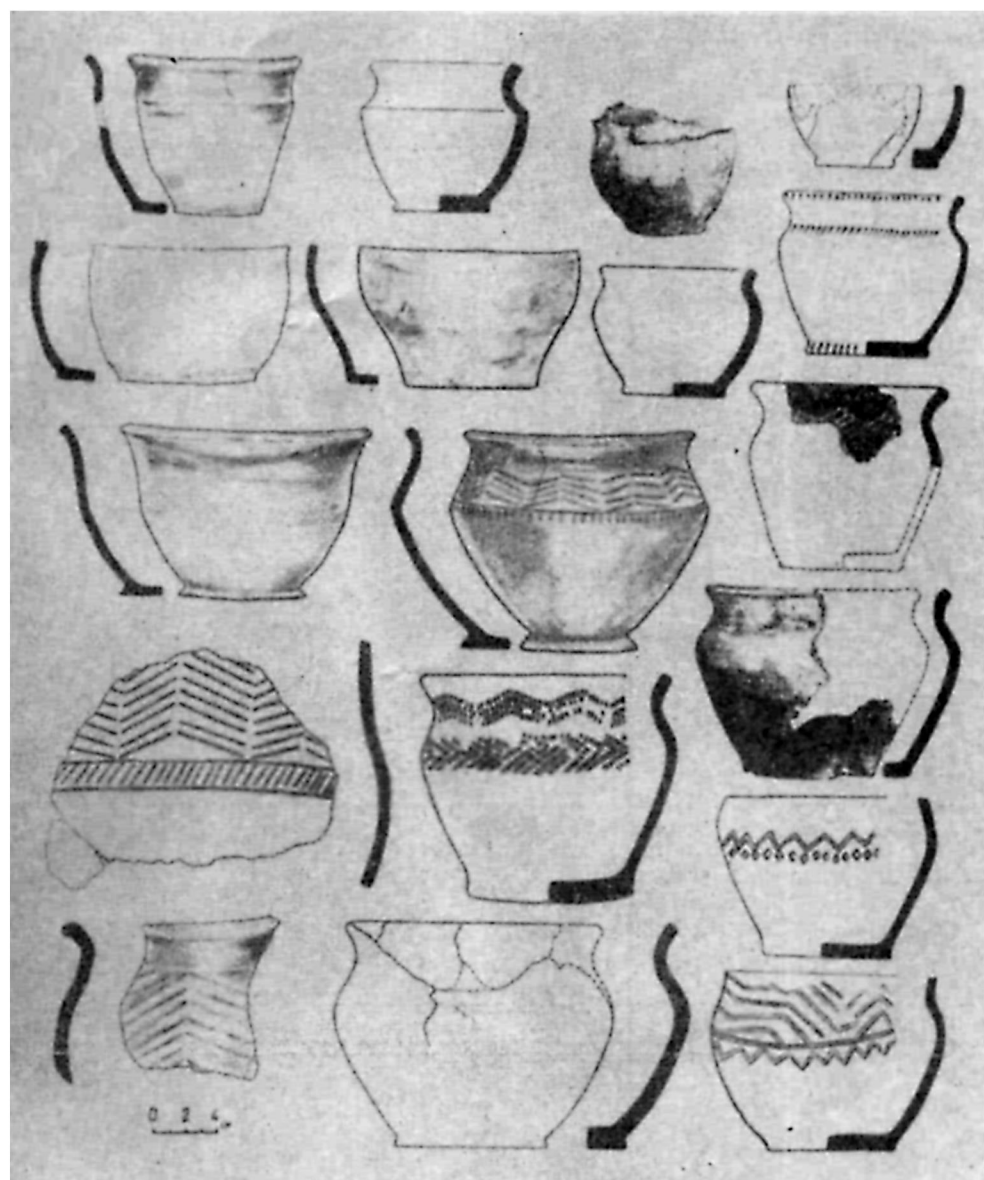

Рис. 17

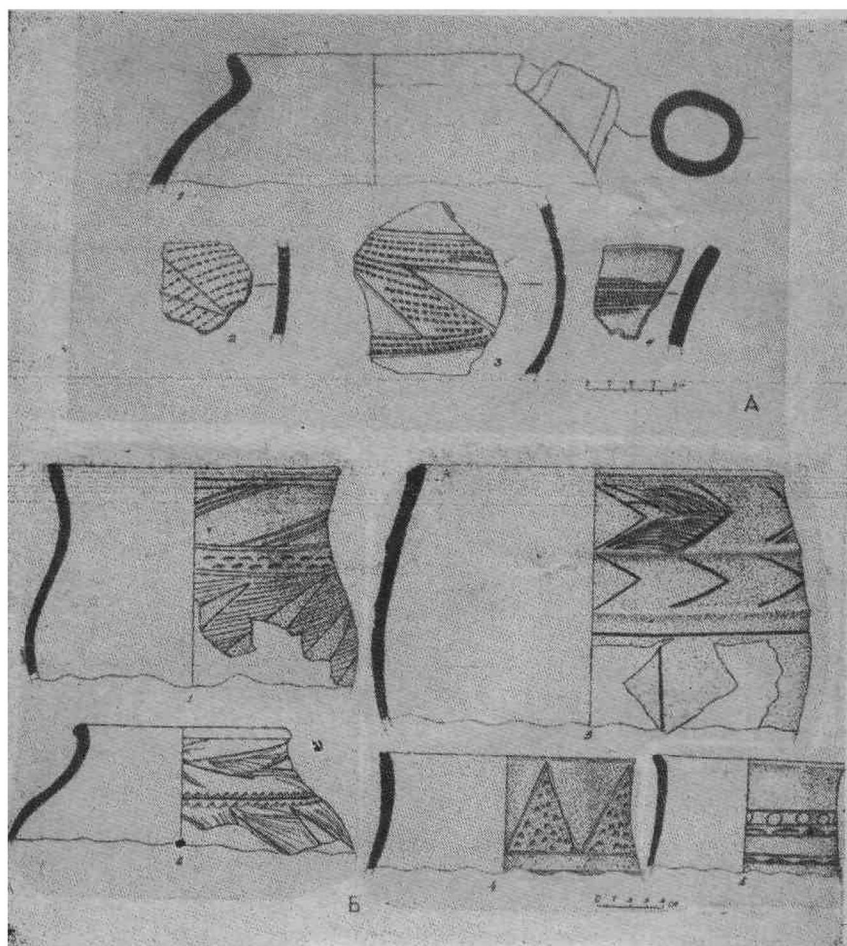
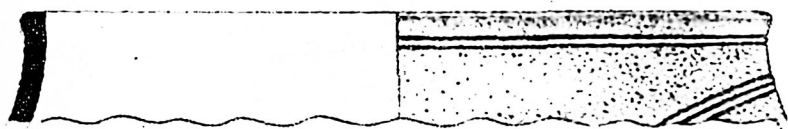

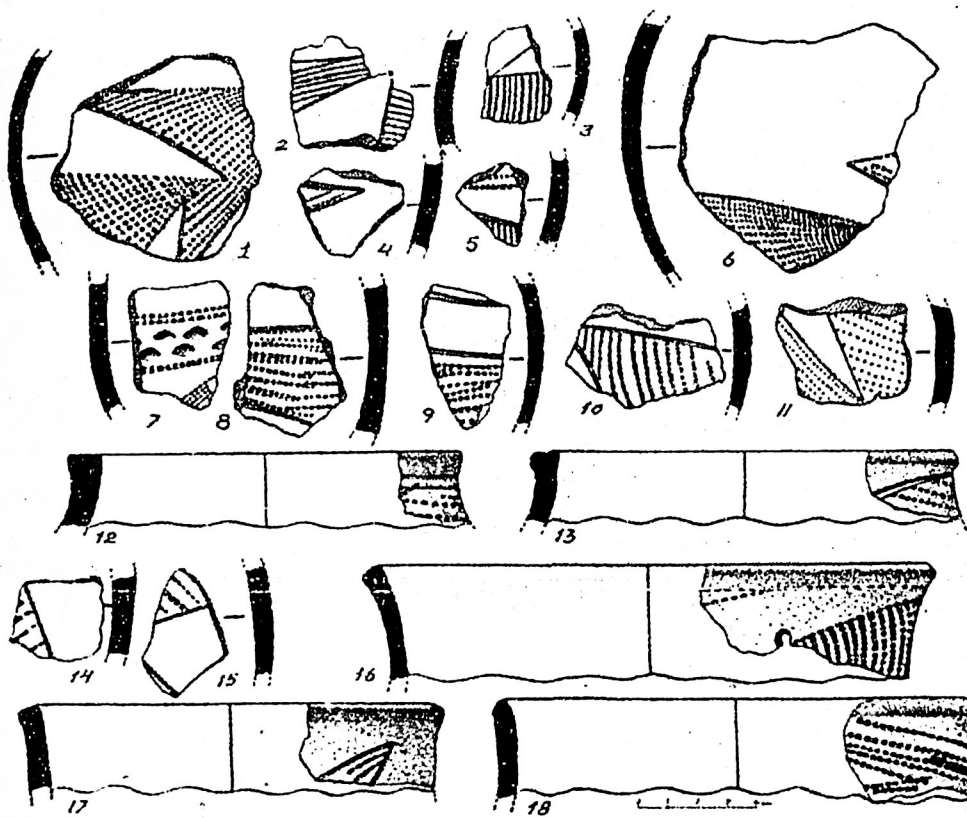
Рис. 19

1

A

Б

Рис. 20

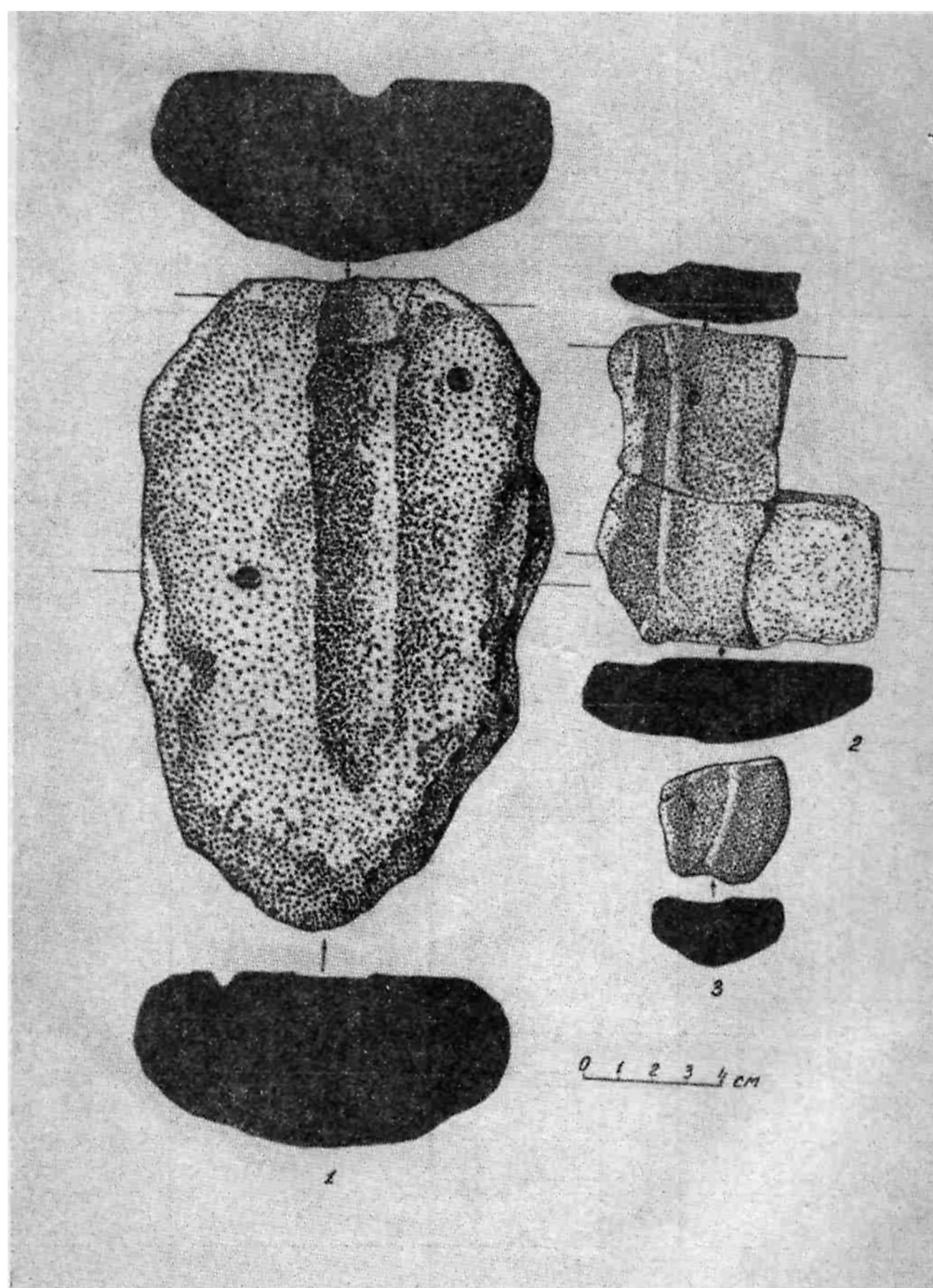

Рис. 21

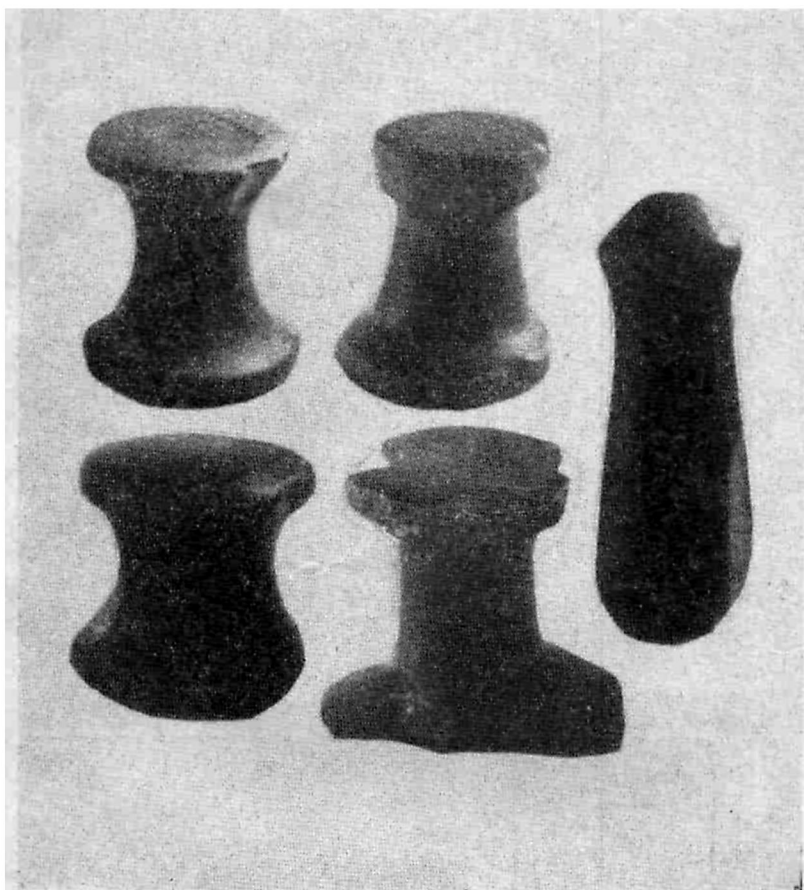

Рис. 22

Рис. 23

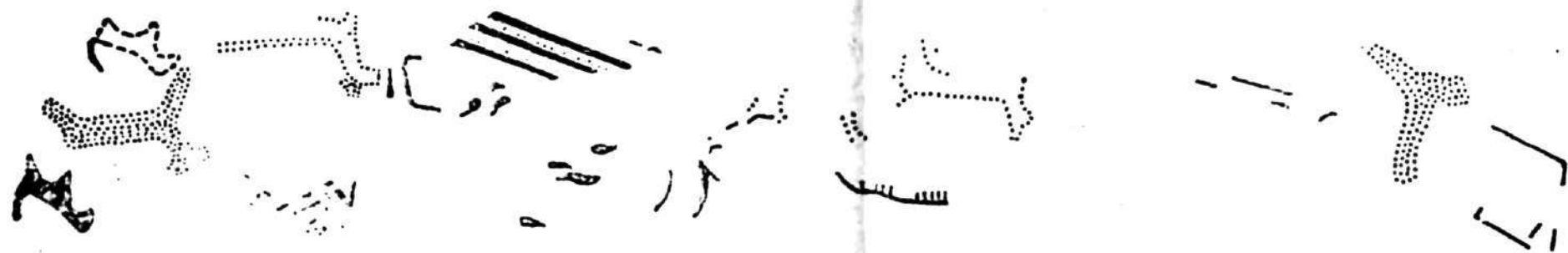

Рис. 15

К ст. Б. А. Литвинского, В. С. Соловьева «Стоянки степной бронзы...» (стр. 41)

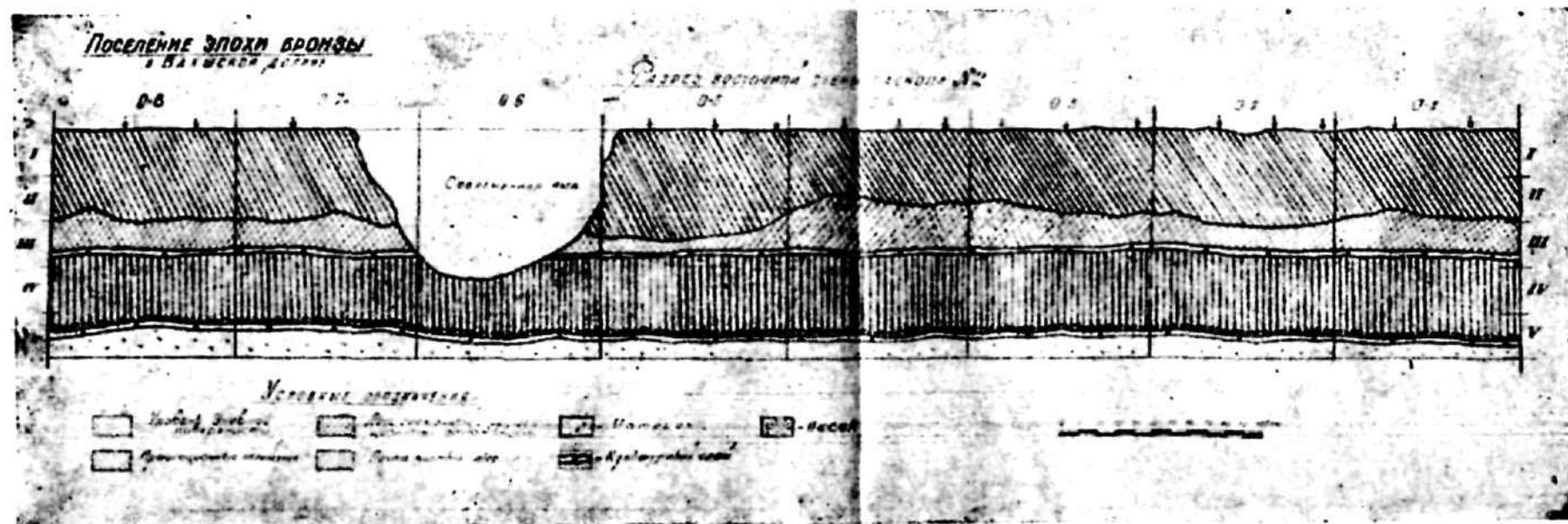

Рис. 18

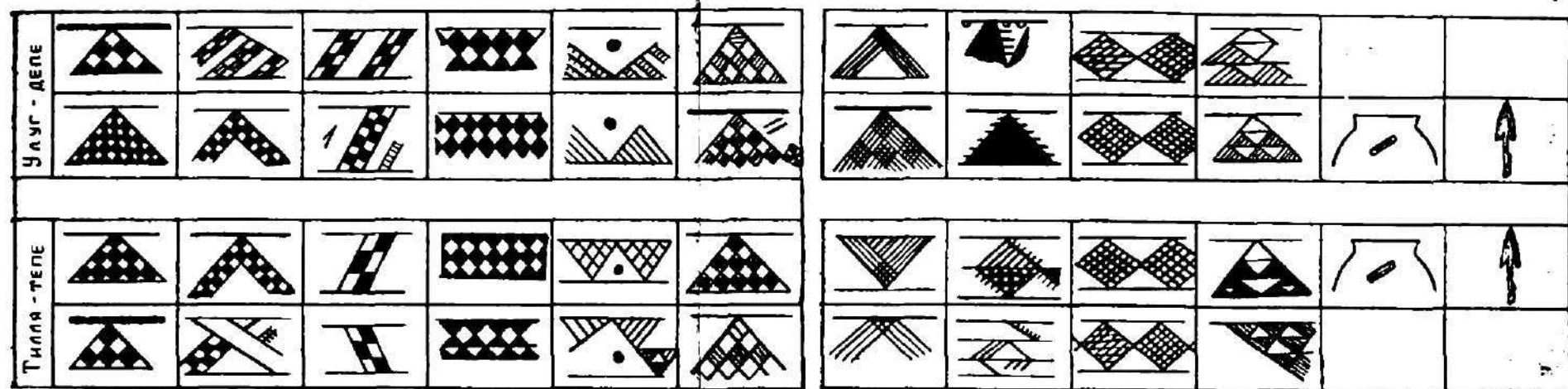

Рис. 27

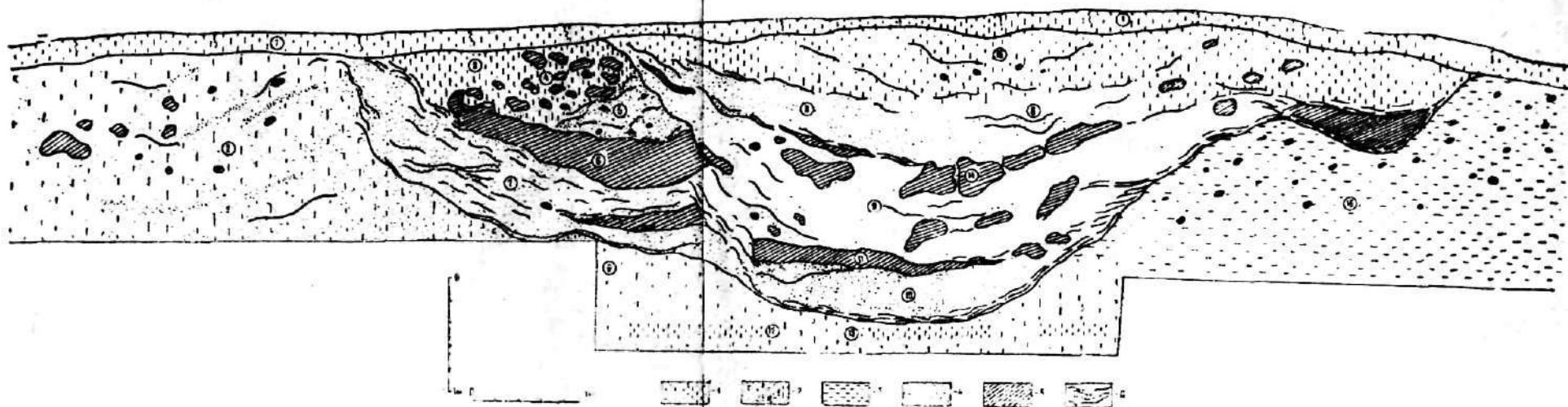
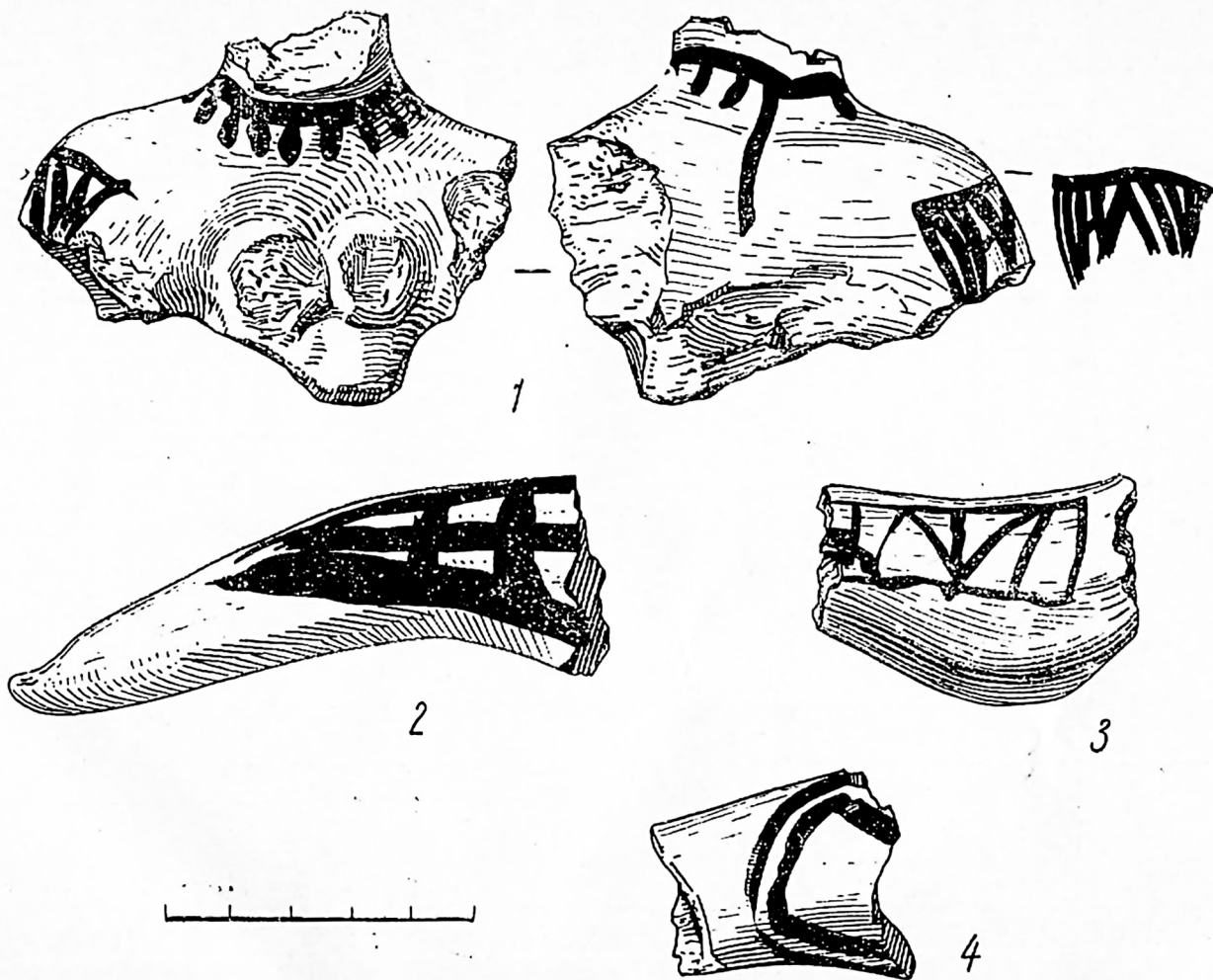

Рис. 28

Материал СЛОИ	Металлы	Камни	Терракота	Керамика
Алтын 4				
Алтын 5				
Алтын 6				
Алтын 7				
Алтын 8				
Алтын 9				
Алтын 10				
Алтын 11/12				
Алтын 13				
Алтын 14				
Алтын 15				
ярус XXXV/				
ярус XXXVII				
ярус XXXVIII				
ярус XXXIX				

Рис. 24

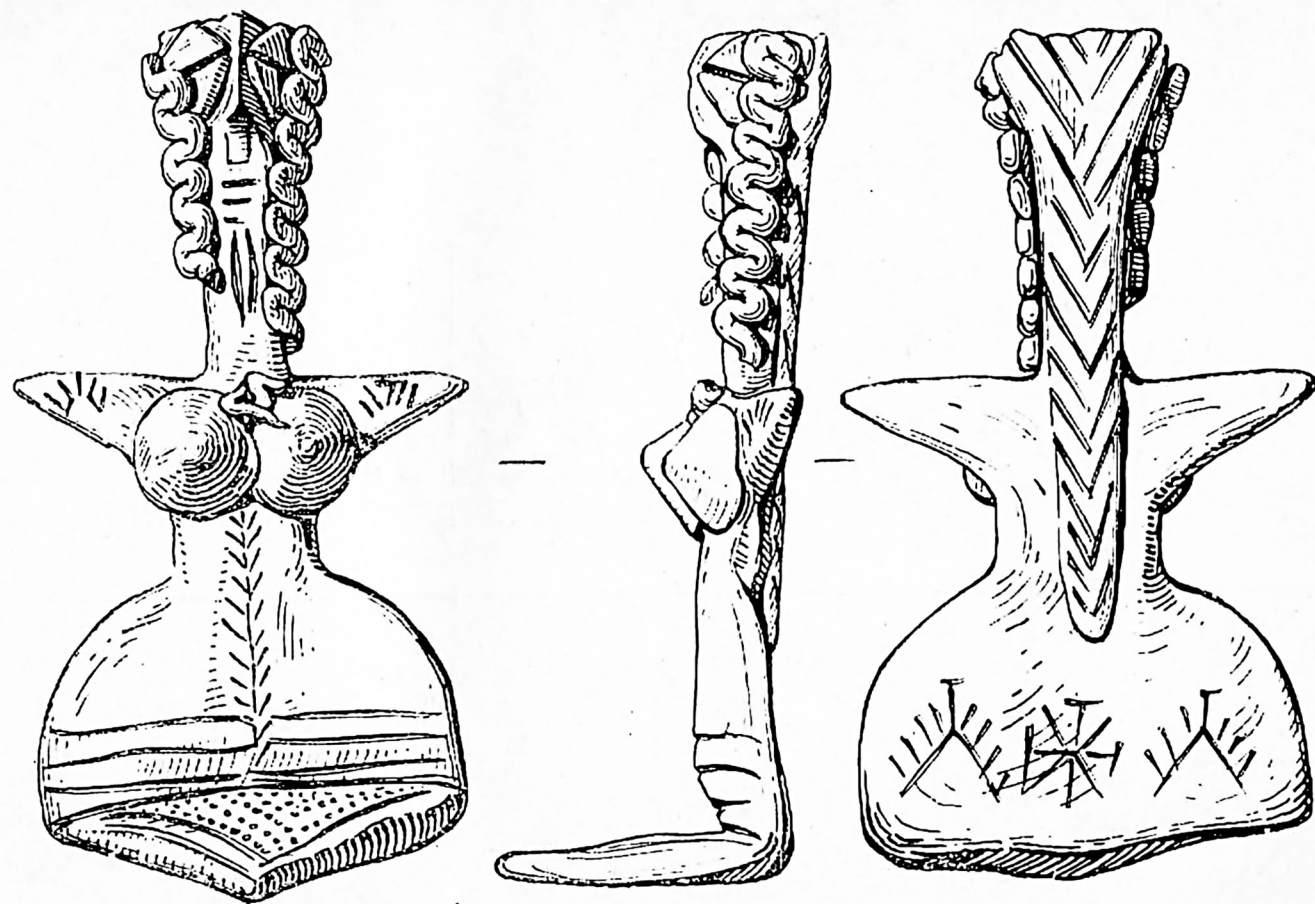

Рис. 26

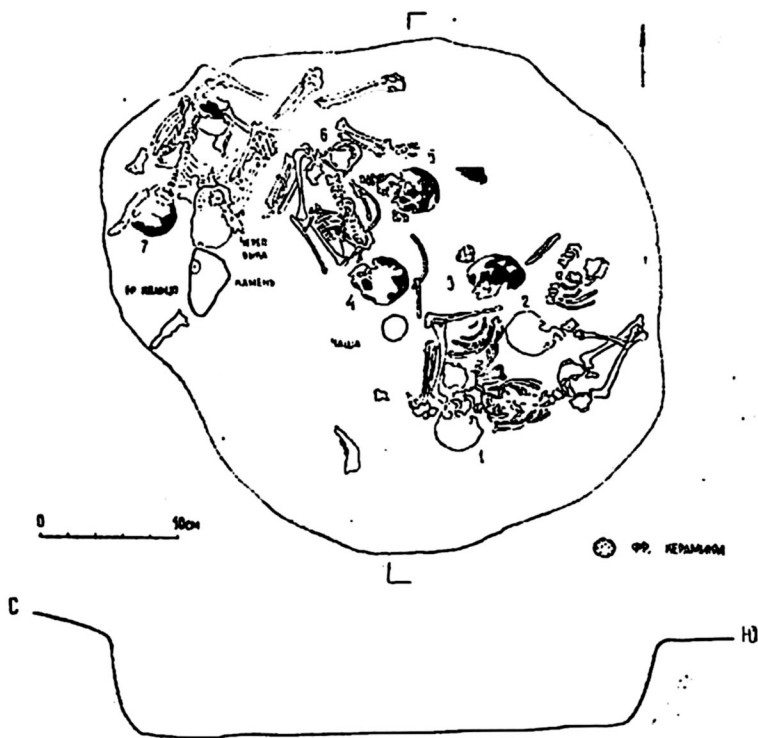

Fig. 29

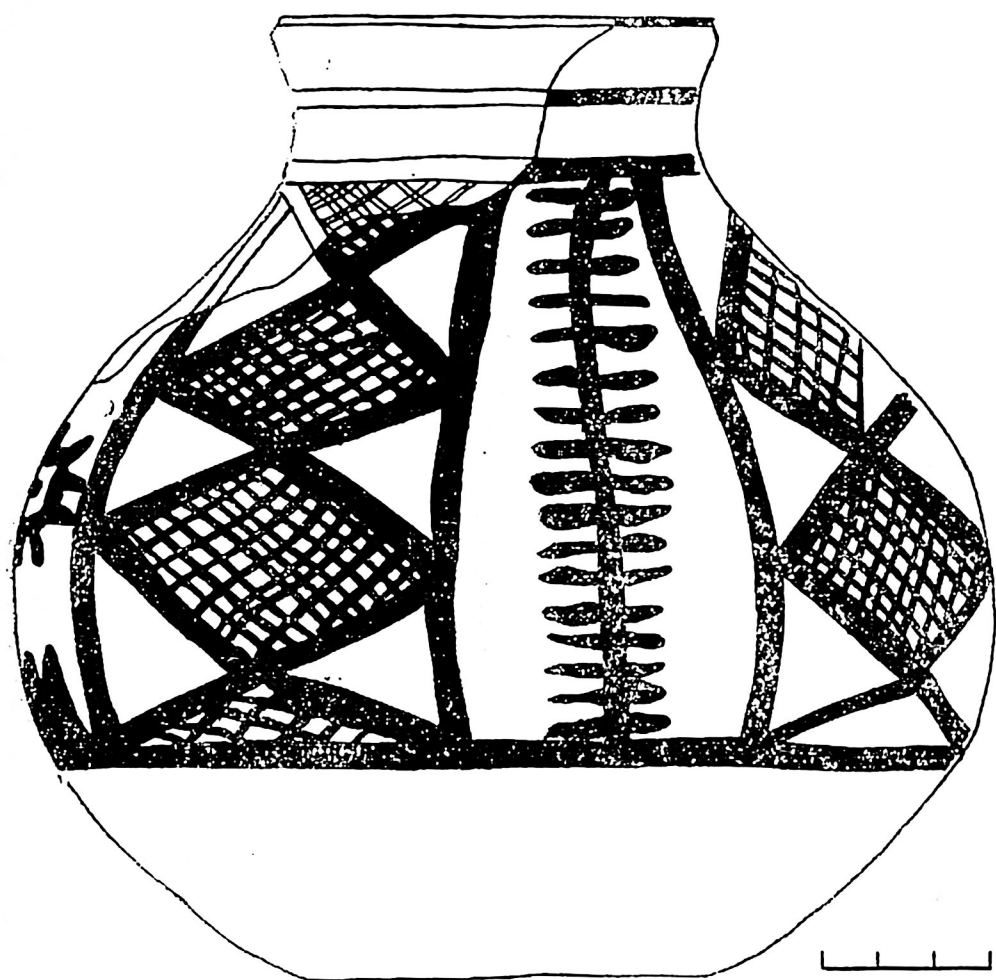

FIG. 30

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции	3
-----------------------	---

I. Общие вопросы. Хозяйство и общественный строй раннеземледельческих племен

В. М. Массон (Ленинград). Эволюция первобытных поселений Средней Азии	5
Г. Н. Лисицына (Москва). История орошаемого земледелия в Южной Туркмении (раннеземледельческая эпоха)	11
Г. Ф. Коробкова (Ленинград). Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ (к постановке проблемы)	16
В. И. Сариниди (Москва). Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополи)	22

II. Изучение памятников каменного и бронзового века в 1970 г.

М. Р. Касымов (Ташкент). Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда в 1970 г.	27
Х. Алпысбаев (Лампа-Ата). Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана в 1969—1970 гг.	29
У. Исламов (Ташкент). Результаты раскопок пещерных стоянок мезолитического времени в Узбекистане	31
А. В. Виноградов (Москва). О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа (по материалам работ 1970 г.)	32
А. Х. Юсупов (Душанбе). Изучение неолитических памятников Юго-Западного Таджикистана	34
П. З. Пастюков, П. Д. Праслов (Ленинград). Новые памятники каменного века на западном чинке Устюрта	36
О. Бердыев (Ашхабад). Древнейшие настенные фрески	38
И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина (Фрунзе). Памятники эпохи бронзы и долины Кетмень-Тюбе	39
Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев (Душанбе). Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане	41
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Новый памятник древнебактрийской культуры	47
В. М. Массон (Ленинград). Шестой сезон работ на Алтын-Депе	49
А. Я. Щегленко (Ленинград). Раскопки «Вышки» Намазга-Депе	52
В. И. Сариниди (Москва). Раскопки 1970 г. на Улуг-Депе	53
Г. Н. Лисицына (Москва). О работах в Юго-Западной Туркмении	55
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Историческая топография Дальнерзвизия	57

III. Хроника

Совещание по изучению средневековых городов во Фрунзе	60
Защита диссертаций по археологии Средней Азии и Казахстана	60
Из археологических открытий 1971 г.	62
Создание Института археологии в Узбекистане (Ю. Ф. Буряков)	63
Новый журнал по археологии Ирана	64
Работы советско-афганской экспедиции в 1970 г. (В. И. Сарияниди)	64
Итоги работ практической археологической экспедиции АН СССР в 1971 г.	64
(Р. М. Мунчаев)	64
Список сокращений	66
Список иллюстраций	67

УСПЕХИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР.*

Редактор издательства *В. Т. Бочвер*
Корректор *А. И. Кац*

Сдано в набор 28/IX-1971 г. Подписано к печати 29/II-1972 г. М-99523
Формат бумаги 70х108¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 6+1 вкл.
(¹/₄ печ. л.) = 8.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7.54 Изд. № 5099
Тип. зак. № 6636 Тираж 600. Цена 30 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199161, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

Ломоносовская типография Управления по печати Ленгорисполкома.
г. Ломоносов, Лен. обл., пр. Юного Ленинца, д. 9.

Цена 30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ